

ПОСЛѢДНІЙ
Н О В Ъ К Ъ,

ИЛИ

ЗАВОЕВАНІИ ЛИФЛЯНДІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1833.

ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

НОСЛѢДНІЙ НОВІКЪ.

ПОСЛѢДНІЙ
Н О В Ы Й К Ѣ,

ИЛИ

ЗАВОЕВАНІЕ ЛИФЛЯНДИИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ЛАЖЕЧНИКОВА.

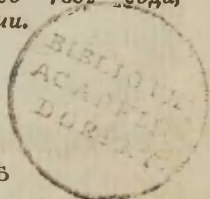
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

*Изданіе второе, съ перваго 1832 года,
съ исправленіями.*

ВЪ МОСКВѢ

ТИПОГРАФІЯ С. СЕЛІВАНОВСКАГО.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по ошпечашаніи представлено
было въ Ценсурный Комишешъ шри экземпляра.
Москва, 1833 года, Генваря 27 дня.

Ценсоръ Леез Цеѣтаевъ.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

Глава первая

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

*Вотъ новость для меня! — Да кто же тотъ шалунъ,
Кто смѣлъ безъ моего и плана и совѣта
Всю важность поддержать столь труднаго сюжета?
Тутъ надобенъ языкъ, пріятный, легкій слогъ!
Спросился-бъ у меня — и я-бъ ему помогъ!*

Ком. Гов. — Хмѣльницкій.

Долго спенала Лифляндія подъ игомъ
перемѣнныхъ власнищелей, пока не до-
спигла нынѣшняго своего благосостоя-
нія. То Рыцари Нѣмецкіе, искавшіе, иныя
опасностей, славы и награды небесной,
другіе добычи, земель и вассаловъ,

наступили на нее, окрестили ее мечемъ, и первые ознакомили бѣдныхъ ея жипелей съ именемъ и правами господина, съ высокими зѣмками, данью и пасиліями; по власти, ею управлявшія, духовныя и свѣшскія, Епископы и Гермейстеры, въ спорѣ за первенство свое перзали ее на части; по Русскіе, счишая ее искои своею данницею, не рѣдко приходили зарубашь на сердць ея древнія права свои, или Поляки и Шведы, въ борьбѣ за обладаніе ею, душили первыя силы ея общеспвенной жизни. Война желѣзною рукою повила ее вдоль и поперегъ всеми бѣдспвіями своими. Вѣра безъ вѣрованія, въ смѣси съ идолопоклонспвомъ, невѣжеспво, безчеловѣчіе, самоуправспво означили время существованія Лифляндіи до начала 17 вѣка. Изрѣдка оживлено было сіе время проблесками великихъ характеровъ — и цвѣшущей шорговли, прибавилъ бы я, если бы богатспва ея придали тогда что либудъ ея проспвщенію, а не послужили, какъ это

случилось, къ успленію ея развращной роскоши.

Гуславъ Адольфъ, съ именемъ коего соединяется воспомнаніе всего прекраснаго и великаго, въ одно время защищавшій свободу мѣній и подписывавшій Уставъ Дерпшскаго Университета, бережно спялъ кровавыя пелены съ Лифляндіи и старался уврачевать ея раны. Но счастье ея было кратковременно. Дочь Гуслава, сей феномень ума и спранностей, хошѣла только собирать дань удивленія чуждыхъ народовъ, а не любовь своего. Христина, покровительница ученыхъ, опияла у Дерпшскаго Университета его земли; она хвалилась любовью къ человѣчеству, и за новыя пожертвованія сей спраны спдарила се новыми налогами. Вслѣдъ за тѣмъ нивы Лифляндскія были испопшаны побѣдами Русскихъ (при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ). Миръ въ Кардисѣ возвратилъ сіе спорное пепелище Шведамъ, но не водворилъ въ него долговременнаго спокойствія.

Съ царствованіемъ Карла XI настали самыя черныя годы для Лифляндскаго дворянства. Желая поправить разсвоенныя финансы Швеціи, онъ повелѣлъ *редукцію* имѣній, принадлежавшихъ некогда Правительству и Правительствомъ же подаренныхъ частнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе во времена Епископовъ, Гермейсперовъ и Королей. На сей предметъ учреждена была *Коммиссія*. Разсужденію ея подлежало также узаконеніе великое и благодѣтельное, за которое надлежало бы человечеству благословлять память Государя, шворца сего узаконенія, если-бъ оное не смѣшивалось въ одно время съ упомянутыми своекорыстными видами. Кътому-жъ мѣры и способы исполненія были приняты несправедливыя, насильственные и жестокія; исполнили преступили волю Государя — и цѣль самыхъ благодѣтельныхъ видовъ Правительства была потеряна. Въ позднѣйшее время предоспавлено было Миротворцу Европы

сдѣлать важный приступъ къ соглашенію челоуѣколюбія съ сохраненіемъ правъ собственности, къ сближенію враждующихъ между собою одного класса народа съ другимъ, и тѣмъ собрать на себя еще при жизни, посвященной счастію великой Имперіи, благословенія Лифляндскихъ помѣщиковъ и земледѣльцевъ. Не шакъ дѣйствоваль своекорыспный Карль XI. За ужасными словами *редукціи* и *ликвідаціи* послѣдовало дѣло, и опчины, безъ всякаго уваженія давности и законности, были опрѣзаны и опписаны на Короля. Изъ шести слишкомъ тысячъ гаковъ, бывшихъ во владѣніи частныхъ лицъ, слишкомъ пять тысячъ были взяты въ казну, тысяча съ небольшимъ оставлена владѣльцамъ и при церквахъ. Прошивъ начеповъ сихъ прудно было спорить: ихъ составляль любимецъ Карла, председапель редукионной Коммисіи, Графъ Гаспферъ, запечашлвшій имя свое въ лѣтописяхъ Лифляндіи ненавистью сей спраны; ихъ ушвердилъ

самъ Государь, хозяинъ на проиѣ искусный, хотя и несправедливый, кошорый, подобно Перуну, имѣлъ золошю голову, но держаль всегда камень въ рукахъ.

Оставалось угнешеннымъ просить: они эпо и сдѣлали, пославъ къ Королю ошъ лица дворянства Лифляндскаго депушацию съ прогашельнымъ адресомъ о смягченіи, хотя нѣсколько, приговора его. Ошвѣшомъ были новыя униженія. Къ ббольшему несчастію ихъ одниъ изъ члеповъ сей депушациі Юганъ Рейнгольдъ Пашкуль, увлеченный краснорѣчіемъ правды и негодования, пылкостью благороднаго нрава и молодыхъ лѣшъ*, незнакомыхъ съ пришворствомъ, осмѣлился обвинить любимца Королевскаго, Гаспфера, въ прешупленіи границъ сдѣланной ему свыше довѣренности. Пашкуль осужденъ къ ошсѣченію правой руки, лишенію имѣнія, чести и жизни, а шоварищи его Фишигофъ, Менгденъ и Буденброкъ — шолько къ смерти. Вскорѣ

* Ему было съ небольшимъ 20 лѣшъ.

приговоръ шремъ послѣднимъ былъ замѣненъ вѣчнымъ заключеніемъ; наконецъ дарована имъ и свобода. Первый же успѣлъ бѣжать отъ наказанія въ Швейцарію, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ подъ чужимъ именемъ. Между тѣмъ въ опеченствѣ его бѣдность и опчаяніе во многихъ семействахъ были неизяснимыя: всихнуль ропотъ, тайными путями перелѣзаль по мызамъ и — погасъ со вступленіемъ новаго Государя на престолю Шведскій. Добрые Лифляндцы умѣли терпѣливо ждаль у моря погоды.

Въ такомъ состояніи заспаль страну сію Карль XII, о которомъ сказаль можно, что онъ рожденъ былъ полководцемъ, но ошибкою судьбы призванъ царствовать. Вскорѣ отъ Бельша до Вислы развѣялись побѣдоносныя знамена его, и подъ сіи призывныя знаки чеспи спѣшили завербоваль себя молодые Лифляндскіе дворяне, забывъ угнетенія Шведскаго вѣнца и горя жаждою вновь запечальшь кровью своею благородство

рыцарскаго происхожденія, копорому ни предки, ни попомки ихъ не измѣняли. Опцы новобранцевъ, оппущая къ Королю живые залогн преданности къ нему, Лифляндіи, казалось, ввѣряли его великодушнѣю свои и опечесства надежды. Но двадцатилѣтній герой, окруженный воспорженными раннею его славою офицерами и солдатами, переходя опъ шоржесства къ шоржестству, грѣзиль шолько побѣдами и мало забопился объ ушѣшительныхъ ожиданіяхъ своихъ подданныхъ. Хопя и обѣщаль онъ въ 1700 году облегчить участь Лифляндскихъ помѣщиковъ; однако-жъ не думаль никогда выполнить сіе обѣщаніе. Кшому-жъ мспительный, онъ будпо бы помнилъ еще депушацию 1692 года, обспупившую шронъ опца его просьбами, похожими на шребованія; онъ не забыль еще смѣлаго и краснорѣчиваго голоса Пашкуля; зналь, что эшопъ гордый Лифляндець, унеся изъ-подъ сѣкиры палача руку и буйную голову свою, служилъ шюю и

другою опаснѣйшему его непріятелю — и поклялся въ лицѣ его унизишь Лифляндскихъ дворянъ его паршин и опмспишь ему, хопя бы цѣною славы собственной.

Провидѣнію угодно было, чшобъ на пуши храбрыхъ замысловъ Карла оспановилъ его соперникъ, съ неожиданной спороны явившійся. Эшо былъ нашъ ПЕТРЪ I. Помня слова великаго Предка своего: *«а Лифляндскія земли не перестать намъ достигать, докудава намъ ее Богъ дастъ*»* и желая спашь швердою ногою на берегу Валшійскаго моря, чшобы сзывать въ свое опечество богатства и просвѣщеніе Европы, онъ бросилъ Карлу перчатку будшо за оскорбленіе, сдѣланное ему Рижскимъ Коменданшомъ Дальбергомъ. Гдѣ ближе было имъ развѣдаться, какъ не въ спранѣ, кошорую оба они почишали своею опчиною? Здѣсь-шо Преобразователю Россіи опредѣлено было получишь опъ царши-

---

* Граммаша Царя, Іоанна Васильевича къ Ягану, Королю Свейскому, $\frac{1781}{1781}$ Генваря $\frac{17}{17}$. Смошри Древнюю Вивліоеику.

веннаго учишеля своего жестокій урокъ и здѣсь же показашь, съ какимъ успѣхомъ онъ имъ воспользовался. *»Я знаю — говорилъ онъ послѣ Нарвской потери — что Шведы будутъ бить насъ еще разъ нѣсколько; но теперь мы ученики ихъ: придетъ время, что мы ихъ побѣдимъ.»*

Карль прїѣзжалъ, казалось, подъ Нарву выигравъ закладъ. Опважный, но слишкомъ самонадѣянный и мало разсудительный, вмѣсто того, чшобы воспользовашься успѣхами своими и укрѣпиться въ Лифляндіи, онъ посвящилъ зиму въ Лансѣ забавамъ звѣриной охоты, побилъ мимоходомъ Саксонцевъ подъ Ригою и отправился въ другой край Европы пощеголять своею непобѣдимую арміей, какъ диня полученною имъ въ даръ острою саблюю, кошорою въ первый разъ владѣешь и спѣшишь рубить все, ему на встрѣчу попадающее. Не такъ дѣйствоваль пропивникъ его: онъ пользовался временемъ отдыха, даннаго ему соперни-

комъ счастливымъ, чѣобы созидать войско и флотъ. Уже въ концѣ 1701 года Фельдмаршалъ Борисъ Пепровичъ Шеремешевъ, съ остатками полковъ, уцѣлѣвшими отъ лѣзы Шведскаго героя, и съ корпусами, вновь образованными, спорожилъ отъ Пскова Лифляндскую грань, и схватками съ малочисленными отрядами непріятеля знакомилъ понемногу Русскаго солдата съ его силами, съ поспѣхою военныхъ удачъ, и восплаивалъ духъ его къ будущимъ побѣдамъ. Уже зародыши Русскаго флота брали смѣлость выходить изъ заливовъ Чудскаго озера и разгулемъ мимо Шведской флотиліи, припаившейся въ устьѣ Эмбаха, вызывая ея на чистую воду.

Сыну военачальника предоставлено было открытъ кампанію: близъ озера сего, подъ мызою Рапинъ, волонтеръ Михайла Борисовичъ Шеремешевъ разбилъ 4-го Сентября 1701 года передовой отрядъ Шведовъ. Потомъ самъ Фельдмаршалъ въ отвѣтъ на упрекъ своего

Государя: *»полно отговариваться, пора дѣлать!«* опспраздноваль первый день 1702 года первую знаменишою побѣдой при Эрраспферѣ, заставившею Петра I сказать: *»Благодареніе Богу! мы уже до того дошли, что Шведовѣ побѣждать можелѣ.«* Оспальные мѣсяцы зимы и всю весну военачальникъ оспорожно высмаприваль силы непріятеля, выжидалъ ихъ раздробленія, какъ послѣдствія разноспороннихъ слуховъ, лукаво пущенныхъ въ спановья Шведскія и, показывая нѣкошорую робость, *надѣялся* усыпить сѣвернаго Льва у врагъ самой Лифляндіи. Можешъ бышь, Шереметевъ — распорядишель и герой въ полѣ, Фабій или Кушуровъ шѣхъ времевъ — просперъ сію оспорожность слишкомъ далеко и могъ бы пошерять плоды своихъ соображеній, если-бъ имѣлъ прошивника, болѣе смѣшливаго и смѣлаго, нежели каковъ ему данъ былъ Карломъ XII.

/ Мы видѣли, что нешерпѣливый характеръ Государя разогрѣлъ душу военачальника.

чальника упрекомъ. Четыре слова ксшати — и въ эшихъ словахъ заключалась побѣда! Шереметевъ доказалъ, что доспощъ понимаешь ихъ, что имѣешь всѣ качества хорошаго военачальника, и потомъ, оняшь увлеченный умомъ оспорожнымъ, холоднымъ, погрузился въ соображенія, благоразумныя, полезныя, это правда, но уже слишкомъ долго выдерживаемыя. На сей разъ прекрапилъ шестимѣсячный, полишическій опдыхъ войска Русскаго, начинавшаго упадать духомъ, и крикомъ честолубія ударилъ шревогу въ душъ полководца Рейнгольдъ Пашкуль, Генераль-Кригскоммиссаръ и ближайшій совѣшникъ его — шощъ самый, кошорый, бывъ приговорень къ казни, бѣжалъ изъ Швеціи на берега Женевскаго озера, опкуда, скучая праздною неизвѣстностію, нерешель ко Двору Польскаго Короля и неприяшеля Карла XII, Августа; но и при семь Государь вяломъ, ненадежномъ, песславолюбивомъ, найдя кругъ дѣяшельности своей шѣснымъ, всшунилъ въ службу къ

Петру I, коего исполинскія дѣла, простота, швердосць и величіе души привязали его къ себѣ навсегда. Съ другой стороны тому, которому нужно было все вповѣ шворить въ Россіи, любившему, чѣобы между мыслію его и исполненіемъ не было холодныхъ промежутковъ, часто уничтожающихъ самыя лучшія намѣренія, нужны были и люди съ пылкимъ, предприимчивымъ характеромъ. Онъ скоро полюбилъ своего новаго подданнаго, умѣвшаго понять его. Можно сказать, что Папкуль былъ достоинъ всей вражды Карла и довѣрія Петра: оба чувства сіи умѣлъ онъ равно питать, равно обрадывать. При дворѣ новаго Государя своего онъ былъ хитрый, проницательный Министръ, быстрый исполнитель его видовъ, вельможа швердый, хоща иногда слишкомъ неперпѣливый, не знавшій льстить ни ему, ни любимцамъ его, выше всего почитавшій правду и между шѣмъ неограниченно преданный его выгодамъ и славѣ. Политическіе расчеты сего Министра Петрова, послѣдствіями

оправданные, доказывающъ, какимъ дальновиднымъ умомъ онъ обладалъ. Онъ первый ушвердилъ Русскаго Монарха въ мысли завоевать *для себя* Лифляндію: онъ видѣлъ, что исполненіе мысли сей было не по силамъ колебавшагося духомъ Августа и что одному Петру можно было сдержать и понести ее на исплинскихъ раменахъ своихъ. Съ какимъ воспоргомъ, развертывая передъ Великимъ планъ свой, прочелъ онъ въ одномъ его зорѣ оппадзніе роднаго края отъ Швеціи и присоединеніе онаго къ возраставшему могуществу Россіи! Симъ геніяльнымъ зоромъ Пашкуль былъ уже опмщенъ за наслѣдственныя оскорбленія двухъ Шведскихъ Королей.

Вывожу его на сцену моего романа въ одну изъ занимательныхъ эпохъ его жизни: здѣсь-то онъ всего себя посвящилъ мщенію, чувствованію, которое господствовало въ немъ надъ высокостію помысловъ и дѣяній и, можетъ статься, было единственнѣмъ ихъ истощникомъ. Не только рукою

дѣйствуешь онъ прошивъ опрядовъ Шведскихъ, онъ работаетъ сердцемъ и головой, приводишь въ движеніе всѣ сокровенныя пружины ухищренной полишки, даже не всегда разборчивой, чтобы подрывъ основаніе Шведскаго могущества. Для достиженія своей цѣли изыскиваешь онъ всѣ средства и ни одного не отвергаешь. Часно дѣйствія свои сопровождаешь чудесностію; досаждаешь дѣломъ врагамъ, онъ любишь еще посмѣяться надъ ними смѣлыми проказами, не рѣдко приводящими его жизнь и честь въ опасность, отъ которой только имя его, дорогое патріотизму, изобрѣшательный умъ и преданные друзья могутъ его освободить.

На границѣ Псковской, въ срединѣ Лифляндіи, Папкуль имѣешь друзей, преданныхъ, подкупленныхъ, обольщенныхъ, ему усердно содѣйствующихъ; въ знаменитѣйшихъ домахъ Лифляндскихъ агенты и лазутчики его всякаго званія неусыпно обо всемъ развѣдываютъ и передаютъ ему свѣдѣнія о

движеніяхъ Шведовъ и замыслахъ ихъ пар- тій. Не многочисленныя, но вѣрно избран- ныя, хитрыя, благоразумныя, испытанныя въ вѣрности къ нему, они свили гнѣздо враговъ для Швеціи въ сердцѣ самой Ли- фляндіи. Осторожно разбужено ими чув- ство правъ собственности, сіе непобѣ- димое въ человѣкѣ чувство. Уже шеп- четь оно мщенію, что часъ его насталь. Сначала робко вкрадывается неудоволь- ствіе въ дворянскіе дома; потомъ уси- ливаемое войною безъ цѣли, безъ пользы для опечества, смѣлѣе говоритъ начи- наеть въ гостинныхъ. Полишка зани- маешь всѣхъ, военныхъ, студеновъ, женщинъ, купцовъ, духовныхъ. Судяшь о дѣйствіяхъ Шведскаго Правительства, начинаютъ и осуждаютъ ихъ. Недовѣріе, по- томъ нѣкошорая холодность, возражда- ются между Шведами и Лифляндцамъ. Впрочемъ благоразумнѣйшіе изъ послед- нихъ хопя и предугадываютъ, что самое положеніе Лифляндіи, отдѣляя ее моремъ отъ Скандинавскаго полуострова, должно,

рано или поздно, прикрѣпишь ее правспвенно къ Россіи, какъ она физически прикрѣплена къ матеріку ея; хотя и видяшь, что Карль явно пожертвовалъ ошечспвомъ ихъ своенравному героизму, но предпочишають оспашься вѣрными законному Правительству и предоста-вляють жеспокоспямъ войны рѣшишь судьбу ихъ и выборъ новаго владыки. Многие, даже изъ почиташелей Короля, идуть уже за поржеспвенною колесницею его, какъ за великолѣпною похоронною процессіею. Одна молодежь не охлаждаешя въ энпузіасмѣ къ нему и готовишя въ чеспь его переломишь не одно копье.

Въ сіи смущенныя времена Лифляндіи Генераль - Вахшмейстеръ Шлиппенбахъ, главный начальникъ Шведскихъ войскъ, на защиту Лифляндіи оставленныхъ, безпечно расположился на квартирахъ отъ Сагница до Гельмеша. Небольшимъ конымъ опрядомъ наблюдалъ онъ близъ Розенгофа, на берегу Шварцбаха, дорогу отъ

Новгородка-Ливонскаго (Нейгаузена), гошовой пропянушь крыло свое въ помощь Дерпту или Ригѣ, либо въ случаѣ неудачи обезопасишь себя уходомъ въ одну изъ сихъ крѣпостей. Силы его ослаблены гарнизонами въ оныхъ и несогласіемъ начальниковъ. Между тѣмъ ободренный оспорожностію Русскаго Полководца, начинавшею казаться ему робостію, рѣшился онъ неожиданно напасть на него въ Нейгаузенской долині и тѣмъ загладишь спыдъ Эрраспферской бишвы.

Въ такомъ состояніи, къ первымъ числамъ Іюля 1702 года, были дѣла Лифляндіи, колеблемой, какъ дерево, опаленное грозою и вновь оспориваемое пропивными вѣпрами. Последними тяжкими опытами должна она была искупить свое будущее благосостояніе.

Вопъ нѣсколько словъ, необходимыхъ для поясненія происшествій, о коихъ рассказывать намѣрень.

На случай вопроса, почему избралъ я сценою для Русскаго историческаго

романа *Лифляндію*, которой одно имя звучишь уже иноземнымъ, скажу, что ни одна страна въ Россіи не представляешь народному романисту пріятнѣйшаго и выгоднѣйшаго мѣста дѣйствія. Крымъ, Кавказъ выиграють, въ сравненіи съ Лифляндіей, красою мѣстной природы, но поперяють передъ ней историческими воспоминаніями. Въ палладіумахъ нашихъ, Москвѣ, Троицкомъ монастырѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, разгуливало уже вмѣстѣ съ испиной воображеніе двухъ Писапелей, опередившихъ меня временемъ, извѣстностью и талантами своими. Другіе края Россіи бѣдны или исторією или мѣстностью; но въ живописныхъ горахъ и долинахъ Лифляндіи, на развалинахъ ея рыцарскихъ замковъ, на берегахъ ея озеръ и Бельша, Русскій напечатлѣлъ неизгладимые слѣды своего могущества. Здѣсь колыбель нашей воинской славы, нашей торговли и силы; здѣсь Русскій воинъ положилъ на грудь свою первое крестное знаменіе за первую побѣду, дарованную

ему Богомъ надъ образованнымъ, Европейскимъ солдапомъ; опсюда дивная своею судьбою и достойная сей судьбы Жена, неразлучная подруга Образовашеля нашего опечесства и спасительница нашего величія на берегахъ Пруша; здѣсь многое говоришь о Петрѣ безпримѣрномъ. Вотъ причины моего предубѣжденія къ Лифляндіи! Эрраспѣеръ, Гуммельсгофъ, Маріенбургъ, Канцы, Луспъ-Эландъ, нынѣ *имена* мѣспъ, едва извѣспныя Русскимъ, между тѣмъ, какъ въ нихъ происходили тѣ великія явленія, о копорыхъ идешь дѣло. Къ симъ-то мѣспамъ хотѣлъ бы я пробишь свѣжую, цвѣшущую дорогу; хотѣлъ бы, чшобы любовь къ народной славѣ, посѣщая ихъ, съ гордоспію указывала на нихъ иноземцу, и чшобы сердце Русскаго билось сильнѣе, повшоря ихъ имена. Чувство, господствующее въ моемъ романѣ, есть любовь къ опчизнѣ. Въ краю чужомъ оно опсвѣчивается сильнѣе; между иноспранцами, въ шолпѣ ихъ, подъ сильнымъ вліяніемъ Нѣмецкихъ

обычаевъ, видишь Русская народная физиономія. Даже изъ нихъ самихъ главнѣйшія лица сердцемъ или судьбою влекутся неборимо къ Россіи. Вездѣ родное имя торжествуетъ; нигдѣ не унижено оно — безъ униженія однако-жь непріятелей нашихъ того времени, которое описываю. Вотъ чего хотѣлъ я достигнуть, помѣщая героя моего въ Лифляндіи.

Доволенъ буду, если рѣшу задачу, предложенную мнѣ сердцемъ, и вмѣстѣ доставлю моимъ читателямъ пріятное проведеніе времени. Достигъ ли я цѣли своей, остается судить публикѣ.

Глава вторая

Долина мертвецовъ.

*И стала та страна съ тѣхъ поръ
 Добытей запустѣвая. . . . .
 И все какъ мертвое окрестъ:
 Ни листъ не шевелится,
 Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ,
 Ни птичка не пролетитъ.
 Но полное лишь сойдетъ съ небесъ —
 Вранъ терновый встрепечется,
 Защепетъ пробужденный лѣсъ,
 Могила потрясется;
 И видится бродяща тѣнь
 Тогда въ пустынь ноги. . . . .*

Двѣп. Сп. Д. — Жуковскій.

На пуши ошъ Маріенбурга къ Менце-
 ну (иначе названному Черною мызою)
 оспанавливаешься не разъ любовался
 живописными видами, обстающими васъ
 съ седьмой версты и преслѣдующими
 за Ней-Розенгофъ. Дорога большею

часшію идешь по горамъ и между горъ, разнообразныхъ, какъ игра воображенія. То просягивающа онѣ въ прямой цѣпи, подобно волнамъ, копорыхъ ряды гонящъ дружно умѣренный вѣтеръ; по свивающъ цѣпь сію кольцомъ, захвапывая между себя зеленую долину, или служа рамою зеркальному озеру, въ копоромъ облачка мимолетомъ любящъ смотрѣться; по вспающъ гордо, одинокія, въ проспранной равнинѣ, какъ боець, размешавшія всѣхъ прошивниковъ своихъ и оставшіяся одинъ господиномъ поприща; по перестѣкающъ одна другую, забѣгающъ и выглядывающъ одна за другою, высяпся далѣе и далѣе амфишепромъ, и наконецъ уступающъ первенство исполину сихъ мѣстъ, чернѣющему Тейфельсбергъ. Почти каждая гора имѣетъ свой особенный видъ, свою привлекательность. На оспрой копечности одной спощъ роца букешомъ, по другой разлилась, какъ по шлему космашая грива; щрешью чернѣй, сосповый боръ оградила спѣною зубчашою. Тамъ

кустарникъ окудрявилъ голову горы; здѣсь обвилъ ее вѣнцемъ, или смѣло вползъ на нее въ разныхъ кривизнахъ. Сію картину оживляютъ разоспанные по оплогостямъ полосы яровой зелени или золотой жапвы, красивыя мызы съ ихъ розовыми кровлями, гордо озирающія окрестность, разсыпанные шамъ и сямъ одинокія хижины, кошорыя лѣняшся къ бокамъ горъ, какъ ласпочкипы гнѣзда, или споятъ смиренно за щитомъ подножія ихъ съ часпоколами и овощными садами. Почти во всю дорогу до Менцена (56 верспъ) не перестаешь оглядывашся на васъ кирка Оппекаленская—будто сопровождаетъ и охраняетъ васъ святынею своей опъ нечиспаго духа, кошорый, по словамъ народа, поселился съ давнихъ временъ на Тейфельсбергъ (*чертовой горѣ*), и пугаетъ прохожихъ только ночью, когда золотой пѣшухъ Оппекаленскаго шпиля изъ глазъ скроешся. Видъ съ высоты Ней-Лайпценской мызы очаровашелень: панорама ея на нѣсколько десяшковъ верспъ обшавле-

на разнообразіемъ горъ, озеръ, рощъ и селеній. Съ прудомъ открывающа пупешественникъ ошъ сего мѣспа. Не много далѣе за сею мызою горы понижающа и замѣняюща скучнымъ лѣсомъ и болопцами; но при появленіи рѣчки Вайдау, у грани, споящей на мосту ея и раздѣляющей уѣзды Верровскій ошъ Валкскаго, природа васъ даритъ пріятносшями уединенныхъ долинь, обведенныхъ извилинами сей рѣчки и образуемыхъ сопровождающими ее двумя цѣпами холмовъ. Всѣхъ пріятнѣе долина близъ мызы Ней-Розенгофъ (въ недавнемъ еще времени называемой Катериненгофъ).

Въ началѣ 18 столѣтія, по дорогѣ ошъ Маріенбурга къ Мепцену не было еще ни одной изъ мызъ, нами упоминаемыхъ. Нынѣ она довольно пуста; а въ погдашнее время, когда война съ Русскими наводила ужасъ на весь край и близкое сосѣдство съ ними ошъ Псковской граници заключало жипелей въ горахъ, въ погдашнее время, говорю я, едва встрѣ-

чалось здѣсь живое существо. Не смотря на сіи опасенія, въ одно изъ первыхъ чиселъ Іюля 1702 года, въ нѣкопоромъ разстояніи отъ появленія рѣчки Вайдау, пробиралась сквозь мрачный лѣсъ красноватая карета, запряженная двумя рыжими лошадами. День былъ жаркой. Полуденное солнце, въ одинокомъ величїи своемъ прошекая по голубой степи неба, на которомъ ни одно зависливое облачко не смѣло заслонить его, лило горячіе лучи свои прямо на шею земли. Лѣнивый въперокъ пересѣкалъ сіи лучи по временамъ и только на мгновенія обдувалъ раскаленную ея поверхность. Разслабленная природа, казалось, потеряла движеніе: едва спруились изрѣдка верхи деревъ; неохотно переливались волны зрѣющей жатвы; медленно текли воды, какъ будто попки расщепленнаго хрусталя. Все живущее спѣшило куда нибудь укрыться отъ палящаго зноя. Птицы прятались въ рощахъ и на днѣ густыхъ нивъ,

спада бѣжали въ воды, а гдѣ оныхъ не было, бѣдныя живошныя, оцѣпенѣвъ, съ поникнувшими головами, одно въ шѣни другаго, искали малѣйшей прохлады.

Съ прудомъ ползла кареша сквозь пески, нерѣдко попадающіеся на описанномъ пуши. По щегольской ошдѣлкѣ ея, особенно выразившейся въ золошыхъ обводкахъ съ узорами около огромныхъ рамъ въ видѣ несомкнутой цыфры 8, въ золошыхъ шишкахъ, украшающихъ углы имперіала, въ колонцахъ по двумъ переднимъ угламъ кузова и розовомъ вѣнкѣ въ голубомъ полѣ, изображающемъ на дверцахъ гербъ ея обладателя, можно было судить, что она принадлежала зажиточному Барону. Двѣ рыжія лошадки, Эзельской породы, по видимому спльныя, почти отказывались тащить ее; шоры на нихъ были взмылены. Колеса экипажа едва вершѣлись, погружая ободья свои въ песчаную шопь. Не видно было, кто сидѣлъ въ немъ, ибо розовыя, шелковыя щоры были опущены. Кучеръ, въ пре-

угольной шляпѣ, нахлобученной бокомъ на глаза, въ кафтанѣ, копорого голубой цвѣтъ за пылью не можно бы различить, если бы пучокъ его, при толчкахъ экипажа, не обметалъ плечъ и спины, то посмащивалъ съ жалостію на свою одежду, то съ досадою стонялъ бичемъ оводовъ, немилосердо кусавшихъ лошадей, то оспанавливая на время упомянутыхъ живописныхъ, упиралъ пошъ съ лица. Замѣтно было, что жалостливый возничій мучился за себя и за нихъ. По правую сторону кареты ѣхалъ верхомъ на пощемъ, высокомъ конѣ, офицеръ, подъ пару ему долговязый и сухощавый. На немъ былъ мундиръ синяго цвѣта; треугольная шляпа, у копорой одна задняя пола была опсстегнута, кидала большую тѣнь на лице, и безъ того смуглое; перчатки изъ желтой кожи распрубами своими едва не доставали до локтя; въ широкой поршупеѣ изъ буйволовои кожи, обхватывавшей спанъ его и засстегнутой напереди че-

швероугольною, огромною, мѣдною пряжкой, привѣшена была шпага съ вальжнымъ ефесомъ, на кошоромъ изображены были пушка дуломъ вверхъ и гранаты; кожаные шпиблешы съ привязными распрубами довершали сію фигуру, кошорая, если бы не двигалось подъ нею высокое живошное, по важности своей походила бы на монументъ. Офицеръ былъ въ полномъ вооруженіи: ручки ппшолешовъ торчали изъ чушекъ; къ сѣдлу прикрѣпленъ былъ карабинъ. Пупешешвенники погружены были въ глубокое молчаніе. Наконецъ возникій прерваль его, сначала глубокимъ: уфъ! попомъ видя, что сіе восклицаніе не имѣло желаемого дѣйствія, униженно снялъ онъ шляпу и, обратившись къ офицеру, сказалъ: Воля ваша, господинъ Цейгмейсперъ...

— Сначала покройся, чтобы не испечь лысую голову швою, какъ яйцо, а попомъ начинай свою рѣчь — перехватилъ его важнымъ голосомъ пупешешвенникъ, ѣхавшій верхомъ.

Кучерь опустили шляпу въ знакъ благодарности, попомъ надѣль ее и продолжалъ: — Воля ваша, господинъ Цейгмейстеръ, мои лошади не горшки, а я не горшечникъ, чшобы ихъ жарить въ эшомъ пеклѣ. Госпожа Баронесса наспрого приказала поберець ихъ вопервыхъ пошому, что она любить всѣхъ живошныхъ опъ лошади до кошечки, опъ попугая до чмжичка, какъ вы изволише знать; вовпорыхъ... эка беспія оводъ сѣль на самый креспецъ арлекина!... эми звѣрки привезены съ оспрова Эзеля на большомъ суднѣ: какъ бишь его звали?

Кучерь наморщился и поколошилъ себя пальцемъ по лбу, какъ бы выбивая опшуда да память.

— Мимо названіе! попомъ?

— Попомъ они подарены Баронессѣ дядею жениха...

— Фюренгофомъ? эшою бездною скупосши, кошорая все поглощаешъ и ничего изъ себя не опдаешъ?... не уже ли онъ въ жизнь свою хошь разъ дарилъ?

— Быль съ нимъ эпошь промахъ! Поохаль, можешъ спашься, ночекъ съ сошню, да съ конюшни нашей ворошишь рыжаковъ ужъ было нельзя. Чшо къ намъ попало, шо пропало. О чемъ бишь я говориль? да! объ рыжакахъ. Вошь видите, они подарены Баронессъ нашей дядею жениха нашей молодой госпожи... смъкаете, сударь... госпожи, копорую, какъ вы знаете, господинъ Цейгмейсперь... (увидя, чшо оводъ кусаетъ лошадь) собака! кровопийца! перелешъль на зефирку!... копорую, замъшьте, она любить какъ самое себя, или себя въ ней любить. (Изъ кареты слышался хохотъ, да и на лицъ угрюмаго офицера мелькнула усмъшка; однако-жь начавшій рѣчь, не смъшавшись, продолжалъ.) Но я самъ имъ не злодѣй, шо ешь рыжакамъ, арлекину и зефиру; говорю шо ешь, чшобы ваша милость не подумала, чшо я говорю о Баронессъ или о комъ нибудъ изъ почтеннѣйшей фамилии Зегевольдовъ. Нѣшь, я имъ не шолько не злодѣй, но люблю ихъ и уважаю, во-первыхъ....

— Ни первыхъ, ни вторыхъ, пушомѣ-
ля! Твои слова, какъ Тапары въ сраженіи:
разсыпающся въ стороны такъ, что нашъ
рейтаръ не знаетъ, копораго и какъ на-
стигнуть. Думаешь уловишь подъ палашъ
одного, а попадается другой. Безъ обиня-
ковъ скорѣе къ дѣлу.

— Я хотѣлъ сказать, что лошади
успали.

— Ну!

— Да ужь опѣ и нуканья не слушають,
сударь. Мы проѣхали опѣ Маріенбурга,
(пушъ кучеръ началъ считать что-то
по пальцамъ), да! именно, на эпомъ мо-
спикѣ ровно 4 мили, что мы проѣхали.
До Менцена еще добрая и предобрая ми-
ля; будущъ оняшь пески, горы, косогоры
и, Богъ знаетъ, что. Вздохните хотѣ
здѣсь на мосту, бѣдныя лошадки, если
ужь къ вамъ такъ безжалоспмивы. И пу-
шкѣ въ сраженіи дають опдыхъ, а вы
все таки созданіе Божіе!

— Ты съ ума сошелъ, Фрицъ! Да кто-жь,
доннервешперъ, мѣшаетъ намъ остано-

випись въ ближайшей долинь и покормишь лошадей?

Въ это время одна изъ розовыхъ шпоръ у праваго окна кареты поднялась, и ручка, коюрой удивительную бѣлизну позволяла видѣшь спущенная по кисть перчатка и короткій, недоходившій до локтя рукавъ по модѣ тогдашнихъ временъ, опустила стекло. Молодая женщина, прелестнѣйшая, какую только можно видѣшь въ жизнь свою, выглянула изъ окошка и, подзававъ къ себѣ рукою офицера, шепнула ему: — Ради Бога, Вульфъ, упросите господина Пастора останопись въ долинь, о коюрой я вамъ на дняхъ рассказывала.

Офицеръ не отвѣчалъ ничего, но кивнулъ дружески въ знакъ согласія, остановилъ своего коня, неуклюжаго и неповорошливаго, попомъ, давъ ему шпоры, повернулъ къ лѣвой сторонѣ кареты, наклонился къ ней и оспорожно посмучался пальцами въ раму. Въ отвѣтъ на сей спукъ выглянуло изъ окна маленькое сухощавое лице старика, со сверкающими

изъ-подъ гусныхъ бровей сѣрыми глазами, съ яспребинымъ носомъ, въ парикѣ премо уступами рыжекаштановаго цвѣта, который въ крѣпкой дремотѣ его обладателя сдвинулся такъ, что открылъ лысину, въ разрѣзъ головы.

— Я слышалъ все сквозь дремоту, сказало это новое лице, поправляя свой парикъ, и одобряю ошъ души Фрицова желаніе и ваше согласіе, любезный господинъ Цейгмейстеръ. Миѣ самому такъ жарко, какъ бы я принялъ попогоніе ~~истинное~~. Да гдѣ-жъ вы думаете остано-
висься?

— Въ долину, напрошивъ копорой спомъ на горѣ кресъ, отвѣчалъ офицеръ: лучшаго мѣста для отдыха не лъзя найдти до Менцена.

Улыбка бѣжала уже на губы Фрица, но онъ не даль ей вылиться наружу. — *Въ долину мертвецовъ, господинъ Паспоръ?* помилуйте! закричалъ онъ съ ужасомъ, выпянувъ шею, какъ испуганный журавль, стоя на часахъ.

Молодая женщина засмѣялась опъ души; Пасторъ съ улыбкою произнесъ: — Давно ли спали мы такъ прусливы, Фрицъ? и что за новую сказку сплели здѣшніе жишели? — Попомъ онъ присо-вокупилъ вполголоса, качая головою и успавя передъ маленькимъ лбомъ указательный палець правой руки: Какое нибудь старое повѣрье, грубое невѣжество! оспашки идолопоклонства! Такъ! церковь далеко — духовный пастыръ также. Надобно придумать, какъ это выве-сти; надобно разобрать это, взять мѣры, средства. Это наша обязанность, нашъ долгъ! Всего лучше прибрать сильный шексъ изъ Лапышской Библии, мною изданной*. Но рѣчь не о томъ: расскажи-ка, Фрицъ, откуда выкопалъ ты названіе этой долины?

— Сказкою своею ты сократишь намъ пущь до назначеннаго мѣста опдыха, примолвила сидѣвшая въ карещѣ.

* Глику, вмѣстѣ съ Рижскимъ Суперинтенден-томъ Фишеромъ, обязана Лифляндія перево-домъ Библии на Лапышскій, начатымъ въ 1680 году и конченнымъ въ 8 лѣтъ.

— Опять таки до назначеннаго мѣста, опивчалъ угрюмо кучеръ: вы все шушите, Фрейлейнъ. Хорошо еще, что мы ѣдемъ въ полдень; другое бы заговорили, кабы проѣзжали *долину мертвецовъ* ночью до кочетовъ. Тогда въ ней дѣются такія чудеса, что и... кого бы назвать безспрашнѣ всѣхъ?... да, на примѣръ, кто безспрашнѣ Шведскаго офицера?... и у того, съ позволенія сказать, господинъ Цейгмейстеръ, побѣгунъ мурашки по кожѣ, когда увидишь безплошнаго Барона этой долины. Осмѣлюсь вамъ перечисль, господинъ Паспоръ! — со всѣмъ уваженіемъ къ вашему сану — это не сказка, не выдумка, я... (озирается со страхомъ кругомъ и вглядывается пристально въ густоту лѣса) я доложу вамъ во первыхъ о томъ, что видѣлъ своими глазами. Вы знаете, что я не люблю шрусу праздновать?

— Знаемъ, знаемъ! закричали въ одинъ голосъ духовный отецъ и военный. — Но бывающъ сверхъестественныя силы...

прибавилъ съ припворнымъ ужасомъ послѣдній, давая Паспору знать головою, чшобы онъ подтвердилъ его слова.

— Конечно, бываюшъ... мы сами не можемъ вовсе опвергнушь, чшобы...

— Чшобы, любезный папахенъ, вы не стоворились съ любезнымъ брашцемъ по-пугашъ меня — возразила дѣвушка, лукаво улыбаясь. Воля ваша, я не могу сдѣлаться шѣмъ, чѣмъ не создана бышь. Можешъ спашься, приличше шворенію моего пола бояшья. Вульфъ мнѣ эпо часто швердитъ и даешъ мнѣ въ насмѣш-ку имена мужеспвенной, беспашной; но онъ позволишъ мнѣ въ эпомъ случаѣ веспи съ нимъ войну, чшобъ не бышь въ разладѣ съ моею природой. Рабе останешся за осьмнадцашъ лѣшъ, чѣмъ бы-ла еще дшпею.

— Рѣчь не о шомъ, прервалъ съ нѣко-порымъ неперпѣніемъ Паспоръ: послу-шаемъ, чшо расскажешъ намъ вожапый нащъ въ царшво шѣней.

— Голшвы слушать! вскричали въ одинъ голосъ офицеръ и дѣвушка.

— Прошу всепокорнѣйше вниманія, почтеннѣйшіе господа и вы, фрейлейнъ! произнесъ важно Фрицъ, раскланиваясь на обѣ стороны шляпою: и върше, что конюшій Баронессы, который вопервыхъ никогда еще не лгалъ, особенно передъ столь почтенными господами. . . . .

— Вовпорыхъ начнешь шеперь, сказала сидѣвшая въ карешѣ.

— Слушай же Кеше! вскричалъ сердито Паспоръ — и та, къ которой онъ обращался съ симъ восклицаніемъ, смиренно опустила длинныя, черныя рѣсницы на прекрасные, черные глаза, полные огня и остроумія.

— Только безъ пунктиковъ, Фрицъ! безъ пунктиковъ, которыми ты любишь зарубать свою рѣчь, примолвилъ офицеръ.

— Прошу извиненія, господинъ Цейгмейстеръ! (Фрицъ снялъ униженно шляпу и по знаку своего повелителя опять надѣлъ ее.) Привычка пуще неволи; топик

иц ее въ морѣ словъ, а все гдѣ нибудь вынырнешь. Вошь, напримѣръ, господинъ Ле... Лю... охъ! эшу фамилію забываю вѣчно.

— Фамплію мимо!

— Онъ былъ въ старыя годы закройщикъ, нынѣ Лифляндскій дворянинъ съ прибавкою Фонъ.

— Лифляндскій дворянинъ? прервалъ съ горькою усмѣшкой спарикъ, сидѣвшій въ каретѣ и терявшій вовсе шерпѣніе. Не правда! Леіонскронъ изъ числа шѣхъ 8 Графовъ, 24 Бароновъ и 428 дворянъ Шведскихъ, кошорыхъ угодно было Королевѣ Хриспинѣ — не шѣмъ бы ее помянуть! — выпацишь изъ грязи. Надобно называть каждую вещь своимъ именемъ; всякому свое, Фрицъ!

— Суцая справедливосшь, господинъ Паспоръ! Вошь эшошъ Леіонскронъ былъ въ чеспи, какъ вы изволише знашь....

— Чшобъ его!....

— А все шаки имѣлъ привычку шевелить пальцами, какъ будшо кроилъ нож-

пицами, хопя бы на меня, грѣшнаго, кафшанъ. Такъ-то несешъ еще и ошь меня почностію фискальнаго судьи; ибо, какъ вы изволише знашь. . . .

— Знаю, знаю! . . . чшобъ шебъ. . . .
Минерва привязала замѣкъ на рошъ! про-
бормошаль съ сердцемъ Паспоръ и, го-
шовый вынесши полько послѣднюю оса-
ду своего шерпѣнія, углубился въ карешу.

— Я прожилъ у одного фискала нѣ-
сколько лѣшъ, а онъ имѣлъ привычку
говорить сначала своимъ просишелямъ,
искавшимъ пропуска запушанному дѣль-
цу: *вопервыхъ*, милосшивый государь!
Просишель смѣкаль, приносилъ первое;
шогда *вовторыхъ* не задерживалось въ
судейскомъ горлышкѣ, и дѣло пропуска-
лось гладко и скоро, какъ лодка по на-
полненному шлюзу. Онъ также спрогѣ
взыскивалъ съ меня, если я излагалъ ему
дѣло о покупкѣ овса, сѣна и прочаго
для лошадей, неясно, не по пункшамъ, какъ
шеперь. . . .

— Чшо еще, прокляшой болшунъ?

— Нашъ амшманъ Шнурбаухъ взыски-
ваешъ съ меня, когда не прибавляю сло-
вечка: *Фонъ*, обращаясь къ нему; а пе-
редъ Баронессою, повѣрише-ли, госпо-
динъ Цейгмейсперъ, спѣишь, какъ на-
пянушая спрунка!

— Ха, ха, ха! спѣсь Рыцарей меча и
низоспѣ Бременскихъ купцовъ все вмѣ-
спѣ еще печешъ въ жилахъ Лифлянд-
цевъ. Вотъ эти *patres patriae, defensores
justitiae**! вскричалъ, коварно смѣясь пу-
шникъ, вѣхавшій верхомъ.

— Низоспѣ Бременскихъ купцовъ? ни-
зоспѣ?... Гмъ! сердито проворчалъ Па-
споръ сквозь зубы. — Эшо говоришь
Шведъ? въ Лифляндіи? ищущій руки Ли-
фляндки?... Прекрасно! неподобно!

Дѣвушка, видя, что между спутниками
ея скоро возгорится война не на шуш-
ку, поспѣшила еще во время шушишь
ее. Она обратилась къ Фрицу съ убѣ-
дительною просьбою начать обѣщанную

---

* Такъ величали себя прежде Лифляндскіе дво-
ряне: Карлъ XI имъ эшо запрешиль.

повѣсть. Догадливый кучеръ, сообразивъ время и длину пуши, кошорой имъ оспавался до шамнственнѣ долины, спѣшилъ исполнить желаніе просительницы.

— Не будешь еще сна лѣшь — началъ такъ Фрицъ свой разсказъ — какъ въ приходѣ Ренко-Мойсь, не подалеку ошъ развалишь зѣмка, въ кошоромъ нѣкогда жила богашая *Тедвенѣ*, сдѣлавшая дочери на славу такое платьѣ, чпо чорпъ принужденъ былъ смѣяться*; въ кошоромъ живали и наши свяшые рыцари и злодѣи Русскіе и монахи и едва ли наконецъ не одна печистая сила — да проспишь мнѣ Господь! — вы хорошо знаете Ренко-Мойсь, Фрейлейнъ?

— Рингенъ**, хочешь шы сказашъ? какъ не знашь мнѣ? я шолько чпо не родилась въ приходѣ Рингенскомъ.

— Припомнише, за болошцомъ, въ виду зѣмка, пригорокъ. Вошь на эшомъ

---

* Руссовъ, Діонисій Фабрицій: *Denkmäler aus der Vorzeit Liv- und Esthlunds*, часть I.

** Въ Лифляндіи мѣста имѣюшь иногда по шри и чешыре названія: Нѣмецкое, Лашышское, Чухонское и Русское.

пригоркѣ, въ запишьѣ опь въспровъ, за щипкомъ березовой роци, спояла погда худенькая избушка, однимъ угломъ избоченившись, другимъ припавъ къ землѣ. Силачу спойло только ее пошевелишь, такъ она бы и развалилась. Въ этой избушкѣ поселился, не извѣстно откуда пришедшій, масперовой человекъ, именно сапожникъ, еще не старшій, одинъ одиноконекъ. Душонка у него была дурная, потому вопервыхъ, что онъ нищему не подаль въ жизнь свою даже куска черсваго хлѣба; вовпорыхъ, что онъ не любилъ дѣшей; а это худая примѣша! Никто въ домишкѣ его не слыхиваль ни пѣсни, ни голоса женщины, ни говора хощь забѣглаго мальчишки; никто не выпилъ съ нимъ рюмки вина. Только и слышны были заказъ сапоговъ, или поргъ, или расчешы, да шукъ, шукъ молодкомъ, и оняшь все пошь же шукъ, шукъ, какъ спукъ гробоваго червяка. Руки же у него были золошья — а, можешъ бышь, помогаль ему и окаян-

ный — шиваль онъ на славу сапоги безъ разрѣза и безъ пачки изъ цѣльной кожи. Нынѣ, благодаря нашимъ Пасшорамъ, такіе мастера вывелись. Заказывали ему сапоги скупые Бароны, чтобъ были безъ сносу; Епископы и Архидіаконы, чтобъ были безъ шума; рыцари, чтобы отражали копье Татарское. Можете судить: когда такія особы заказываютъ что-либо, то и платятъ хорошо. Тогда еще не слышно было о вѣдмѣ редуціи, копорая въ недавнемъ еще времени ходила по мызамъ и обирала нашихъ господъ, и Бароны жили, попѣваючи и попиваючи. Опъ того нашъ ремесленникъ долженъ былъ зашибить хорошую деньгу; но божился и клялся, что голь, какъ облупленная липка въ позднюю осень, что онъ не женился за неимѣніемъ, чѣмъ содержать жену, что его обкрадываютъ, что у него въ долгахъ много пропадаетъ; и будто бы потому онъ ѣлъ черствый хлѣбъ съ мякиной пополамъ, жердочками подпиралъ валившуюся хижину свою,

все кряхтѣлъ, все жаловался на свою бѣдность и безпрестанно завидовалъ богатымъ. Особенно, когда старики перебирали того и другаго, разбогатѣвшихъ отъ кладовъ, онъ насупливалъ брови, какъ сычъ; лице его подергивало шуда и сюда, дрожь его пронимала, и нашъ сапожникъ невидимо упекалъ изъ круга разскащиковъ въ свою пустую избушку. Собирались смѣлые проказники подмѣшшь, что у него дѣлается по почамъ; собирались, да, видно, не выполнили. Храбро только языкомъ шли на рапъ! Въ одно время онъ вовсе покинулъ работу, скрылся — и цѣлый мѣсяцъ не слышно было спугу его молодка, и приходившіе съ заказами со страхомъ отступали отъ пустой избушки, въ которой только двери по блажи въпрастонали на петляхъ. Онъ пришелъ домой для того только, чтобы черезъ нѣсколько дней умереть; но лежа на смѣрной постелешкѣ — знашь ему отъ хорошаго жишья уже тошно прихо-

дѣло! — послалъ за Паспоромъ Рингенскимъ и, спуща зубъ объ зубъ, объявилъ ему то, что я буду вамъ шеперь рассказывать. »Вы знаете, или слышали, свяшой отецъ« — такъ говорилъ сапожникъ духовнику своему — »какая жадность къ богашеству одолѣвала меня съ молодыхъ лѣтъ, но не знаете, съ какимъ усердіемъ опыскивалъ я сокровища въ горахъ и — опкрысья уже должень, приспуная къ спрашному суду — опыскивалъ ихъ въ мѣстахъ, гдѣ покояшя усопшіе. Я попревожилъ кости шрехъ вишязей Русскихъ, схоронѣнныхъ въ болошѣ близъ Оденне; сдѣлалъ шоже съ Римскимъ рыцаремъ*, который сполько лѣтъ спилъ на висопахъ Гуммельсгофскихъ подъ баюканьемъ лѣсовъ; всего на-все разрылъ я собственными руками въ полночные часы 11 могилъ; 11 покойниковъ воззвалъ я ошъ спа вѣч-

---

* И донинѣ показывающъ на семь болошѣ при камня, подъ кошорыми лежишъ прахъ вишязей Русскихъ. Гуммельсгофскіе кресьяне водили меня на мѣсто, гдѣ будшо бы похоропещъ какой-шо *Римскій* рыцарь.

наго.« — Тупь у самого умирающаго
волосы всшали дыбомъ; холодный потъ
выспунилъ по немъ; онъ закашлялся:
ге! ге! ге! шакъ, что Пасторъ хопьль
прочестъ опходную; но сапожникъ, вздох-
нувъ немного, продолжалъ: »Въ долинь
за Менценомъ, окруженной со всьхъ спо-
ронъ лѣсомъ — видѣло шолько небо! —
была мнѣ одна удача.« Здѣсь опяшь ду-
ховникъ не могъ разслушашъ, что про-
шешпалъ ему, скрежеща зубами, каю-
щійся. Оправившись, опъ опяшь началъ
говорить: »Прихожу съ кладомъ домой,
въ осеннюю мѣсячную ночь. Домишка
мой едва лѣпился на жердочкахъ; дверью
меня ударило; филинъ вспрѣшилъ меня
ужаснымъ свнепомъ, какъ будшо бичемъ
полоснуло меня по сердцу; собака съ
развалинь зѣмка опвѣчала ему воемъ.
Чшобы себя успокоить, высѣкаю огонь,
зажигаю фонарь и спѣшу полюбовашся
сокровищемъ своимъ: почши все золо-
то, чистое какъ лучъ солнечный! Толь-
ко... быц... пяцца!... Принимаюсь

счишашь деньги. . . Вдругъ 11 голо-
совъ захохотали, двѣнадцатый вздохнулъ
шихо; но эшопъ вздохъ, опецъ свяшый,
быль для меня ужаснѣ всѣхъ. Опъ
спраха. . . ру. . . полошно выпало у
меня изъ рукъ и деньги разсыпались.»
Не забудьте, почтеннѣйшіе господа и
вы, Фрейлейнъ, что эшо — Боже меня со-
храни! — не я гозорю, а умирающій са-
пожникъ.

— Помнимъ, помнимъ! опвѣчали слу-
шатели Фрица. Кучеръ помахаль себѣ
въ лице шляпою, какъ опахаломъ, по-
шомъ надѣль ее, хлопнулъ искусно би-
чемъ шакъ, что, казалось, разрѣзаль
лѣсь пополамъ, и продолжалъ свой раз-
сказъ: »Было къ полуночи — говориль
задыхающимся голосомъ сапожникъ духов-
нику — явились ко мнѣ, одна за дру-
гою, одиннадцать дѣвушекъ въ бѣлыхъ
плашьяхъ, съ вѣнками на головахъ. Онѣ
прицялись собирать деньги съ полу и въ
нѣсколько минушь опяшь наполнили. . .
полошно; шолько пребовали за пруды,

чтобы я поплясалъ съ ними на мягкой травѣ, при свѣтѣ мѣсяца. Я долженъ былъ выполнить ихъ волю, и плясалъ съ ними до пѣпуховъ, пока не выбился изъ силъ. »Каждую ночь будемъ посѣщать тебя, сказали онѣ мнѣ, пока не выдашь намъ двѣнадцатой подружки; безъ ней нельзя намъ веселиться въ прекрасной долинѣ за Менценомъ на мягкой травѣ, при свѣтѣ мѣсяца.« Вопшь уже 11 дней, какъ онѣ не даюшь мнѣ любоваться кладомъ моимъ, разсыпаюшь его, опяшь съ тѣмъ же договоромъ его собираюшь и учашъ меня своими плясками и грозяшь мнѣ тѣмъ же, пока я живъ, если не выдамъ имъ двѣнадцатой, а кого, не знаю. На разсвѣтѣ нынѣшняго дня опнесъ я безъ счепу горшокъ съ золопомъ въ развалины замка, и шамъ заклалъ его въ спѣнѣ восточной башни, опъ середняго круглаго окна чепвершый камень внизъ. Ты видишь, опецъ духовный, въ какомъ я шеперь состояннн. Вѣрно, меня двѣнадцатаго дѣвы шребо-

вали къ себѣ въ долину. Ради Опца Небеснаго, похороните меня тамъ. Чувствую, что смерть близка... но умирая, хочу, по крайней мѣрѣ, облегчить себѣ переходъ въ вѣчность... искупивъ хоть часть грѣховъ моихъ... добрымъ дѣломъ.» Замѣшьте, онъ не смѣлъ сказать: богоугоднымъ дѣломъ. »Опказываю половину своего сокровища бѣднымъ, а другую Рингенской церкви, чтобы она...» Съ симъ словомъ сапожникъ испустилъ духъ такъ скоро, что усердный Пасторъ не успѣлъ прочесть опходной. Немедленно созвано было множество окружныхъ прихожанъ, дворянъ и прослоядиновъ, и объявлено имъ завѣщаніе покойнаго. Сначала приступили къ опкрытію сокровища въ восточной башнѣ Рингенскаго замка. Мѣсто, гдѣ оно хранилось, было такъ швердо, что едва сдалось на усилія нѣсколькихъ дюжихъ парней, вооруженныхъ добрыми ломами. Показался горшокъ; вынули его; въ немъ лежало

что-шо завернутое въ какомъ-шо по-
лопнѣ; раскрыли — и что-жъ нашли? —
Человѣческій черепъ, обернутый сава-
номъ!... Посовѣтовались между собою
и положили: черепъ въ саванѣ похоро-
нишь по Христіанскому долгу на высотѣ
прошвъ долины, въ которую одиннад-
цать дѣвъ претовали къ себѣ двѣнадца-
тую, и поставишь на могилѣ деревянный
крестъ; шѣло же сапожника, ради Ошца
Небеснаго, котораго онъ поминалъ при
кончинѣ, не бросать на съѣденіе воронь-
ямъ и волкамъ въ поле, а зарышь про-
сто, какъ ерешика, въ темномъ ущельѣ
лѣса, неподалеку ошѣ долины. Что и
было выполнено. — Происшествіе это,
слово въ слово, такъ какъ я вамъ пере-
сказывалъ его, записано тогда въ Ринген-
скую церковную книгу, и справедли-
вость онаго утверждена рукоприклад-
ствомъ Священника.

— Что правда, то правда! ска-
заль Паспоръ. Подобное происшествіе
дѣйствительно записано въ старинной

мешрической книгѣ Рингенскаго прохода. Мой собратъ, продолжалъ онъ усмѣхаясь, управлявшій тамошнею паспвою, лѣтъ близъ ста тому назадъ, много чудесностей помѣспилъ въ этой книгѣ; между прочими и сказаніе Фрица въ ней описывать можно. Но я не зналъ, что долина, къ которой подвигаемся, имѣеть съ нею такія близкія сношенія.

— Это не все еще, господинъ Паспоръ! Въ долинѣ пворятся такія дѣла, копорья и днемъ рассказывать, такъ ужасъ беретъ. Надобно вамъ прежде объяснить, что изспари — то есть съ того времени, какъ похоронили черепъ съ саваномъ на высшѣ и зарыли сапожника въ глухомъ ущельѣ — носилось преданіе, что двѣнадцать дѣвъ — замѣшьше, уже двѣнадцать — въ бѣдыхъ плашьяхъ, съ вѣнками на головахъ, каждую полночь собираюшся въ долинѣ, пляшуть нѣсколько времени хороводомъ на мягкой шравѣ, при свѣтѣ мѣсяца, и потомъ въ разныя спороны разбѣгаюшся.

Во время ихъ игрищъ изъ ущелья показывается высокое привидѣнiе, смотришь на нихъ, не двигаясь съ мѣста, вздыхаешь такъ, что противный берегъ началъ осѣдаться; а какъ скоро кончился пляска ихъ, удаляешься опячь въ свое ущелiе. Назадъ пому нѣсколько лѣтъ завелся въ здѣшной споронѣ обычай привозить на высоту ушопленниковъ и давленниковъ. Но повѣрите ли, почтеннѣйшiе господа и вы, фрейлейнъ? лишь только положатъ одного изъ этихъ несчастныхъ близъ креста, въ ту же ночь онъ пропадаетъ! Видали, что длинное, какъ шестъ, привидѣнiе изъ ущелья выползаетъ, идетъ прямо на высоту, поднимаетъ мершвое шѣло на плеча и уноситъ его въ свое домовище. Безъ того, сказываютъ, дѣвы не пляшутъ въ долинѣ *при свѣтѣ мѣсяца, на мягкой травѣ.* Дороги въ ущелье не проложено, а видны только огромныя спупни, нечеловѣчскiя — я покажу ихъ вамъ, какъ пройдемъ мимо ихъ.

— А бывалъ ли кто въ спрашномъ ущельѣ днемъ? спросила дѣвушка.

— Никто изъ живущихъ не смѣешь заглянуть въ него, ошвѣчалъ кучеръ: а зашелъ шуда невзначай (сколько лѣтъ тому назадъ, не упомяну,) прохожій егеръ, непупошный, изъ дальнихъ мѣстъ. Видно, онъ не слыхалъ объ этихъ ужасахъ?

— Чшо-жь онъ шамъ видѣлъ?

— Долину, шемную, какъ глубокой, осенній вечеръ, сѣрые камни, обрызганные кровью и обспавленные вокругъ ко-смашаго привидѣнія, кошорое освѣшило его большими, нечеловѣческими глазами, и вспрѣшило визгомъ, спономъ и скрежешомъ. Въ ухахъ у егеря запрешало, глаза его помушились, рубашка на немъ запрыгала, и онъ едва, едва не положилъ шупъ душеньки своей. Только молишвѣ, да ногамъ обязанъ онъ своимъ спасеніемъ. Съ шого времени всякой другу и недругу заказывается хошь полуглазомъ заглядывать въ ущелье.

— Но тебѣ, Фрицъ, спросилъ шаспоръ,

случалось ли проѣзжать здѣсь въ полночь и видѣть привидѣніе?

— Была на меня эта напасть прошлаго года, когда ѣхалъ я за Фрейлейнъ — только я объ этомъ ей не сказывалъ. — Вошь видите, господинъ Паеноръ, до поѣздки этой и я посмѣивался надъ ужасами долины, какъ охотникъ не боится медвѣдя, пока не побываетъ въ его лапахъ, и думалъ все, что шутъ какіе нибудь вздоры или шашни кроются. Была ночь мѣсячная. Зная, что до Маріенбурга придется рабонка рыжакамъ, плетуся попихоньку и, подремливая, киваю головою, будто носомъ рыбу ужу. Вдругъ, только что спустился съ косогора въ долину, рыжаки захрапѣли, навострили уши, съежились и спали въ пень: я, ну, ну! не шутъ-то было. Лошади мои дрожали, какъ будто дождовой ихъ объѣзжалъ, и ни съ мѣсна. Смотрю впередъ, и самъ обомлѣлъ: вижу привидѣніе, не ниже карешы, плетется черезъ долину съ мершвецомъ на спинѣ.

Я уставилъ глаза въ лошадей, и куда ужъ онъ дѣвался, ничего не видалъ. Лошадки фыркнули и мчали меня съ четверть мили.

— А дѣвъ видалъ ли ты?

— Грѣхъ солгать, дѣвъ-то я ни разу не видалъ. Какъ прикажете, господа! останавливались ли въ долину мертвецовъ?

— Что скажешь наша Кеше? улыбаясь спросилъ Паспоръ свою сосѣдку.

— Если за мною дѣло спало, ошвѣчала дѣвушка: такъ я просила бы васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе остановиться въ долину, спрашнѣй только ночью, а днемъ... эшо рай!... вы увидите сами, папахень.

— Будь по швоему, дружокъ! Слышишь ли, Фрицъ?

— Мое дѣло повиноваться, сказалъ, качая головою, кучеръ, хоть бы приказали мнѣ прикорнуть на лапкахъ у самого Сашаны; лишь бы моимъ рыжакамъ было гдѣ вздохнуть!

Глава третья

Крупный разговоръ.

*Поспорятъ, да согнутся;
Итогъ все старый подведутъ!
Да мы свой стегъ найдемъ ли тутъ?*

Запросъ нерѣшенный.

— Поспараемся, сказалъ офицеръ съ видомъ таинственности, свесивъ на возвращенномъ пупи знакомство съ здѣшними духами.

Паспоръ, забывавшій также скоро оскорбленіе, какъ и приходилъ въ гнѣвъ, видя, что конный поварищъ искалъ завязать разговоръ, посмопрѣлъ на него съ дружескою улыбкою и присовокупилъ: — Духи еще бѣда невеликая! ошъ нихъ можно оборониться и молитвою.

— Ваша правда, господинъ Пасторъ! сказалъ офицеръ: ваша правда! А вошь бѣда, какъ нагрянушь сюда въ ужасной плоти и образъ Русскіе варвары, копорые бродяшъ по сосѣдству.

— По сосѣдству? эшо въ самомъ дѣлѣ ужасно! лукаво произнесла ша, къ копорой относилась рѣчь.

— Еще хорошо бы, продолжалъ конный спутникъ, если-бѣ пожаловали сюда пакъ называемыя регулярныя войска Русскія; а какъ, доннеръ-вешперъ, сдѣлаюшъ намъ эшу честь Ташары, да Калмыки! Вы, сесприца, конечно не видывали еще эшихъ звѣрковъ? О! ихъ можно показывать въ желѣзной клѣшкѣ за деньги. Представьте себѣ движущійся чурбанъ, опесанный ровно въ ширину, какъ въ вышину, нѣчто похожее на человека, съ лицомъ плоскимъ, точно сплюсненнымъ доской, съ двумя щелочками вмѣсто глазъ, съ маленькимъ рпомъ, копорый доходитъ до ушей, въ высокой шапкѣ даже среди собачьихъ жаровъ;

прибавьте еще, что эшошь купидончикъ со всѣми принадлежностями своими, колчаномъ, лукомъ, стрѣлами, несется на лошаdkъ, едва примѣпной опъ земли, захвапывая на лешу волшебнымъ узломъ все, что ему на встрѣчу попадается: гусей, барановъ, женщинъ, дѣшей. . .

— И Шведскихъ офицеровъ, не правда ли? примолвила сидѣвшая въ каретѣ.

— До сихъ поръ былъ неудаченъ ловъ послѣднихъ: не знаю, что будешь впередъ! Впрочемъ не въ первый разъ получаешь мнѣ щелчки изъ рукъ моей любезной сестрицы въ разговоръ о войскѣ Русскомъ, которое имѣешь честь быть подъ особеннымъ ея покровительствомъ. Подвергая себя новымъ ударамъ, dokonчу то, что я хотѣлъ сказать о Калмыкахъ. Разъ привели ко мнѣ на батарею подобнаго урода на лошади.

— Не страшнаго ли Мурзенку, котораго имя съ ужасомъ швердишь вся Лифляндія? спросилъ Пасторъ.

— Нѣтъ! эпомъ разбойничій ашаманъ, кошорымъ напуганы здѣшнія женщины и дѣши, покуда гуляешь еще по бѣлому свѣшу. Мой плѣнникъ былъ не пакой чиновный. Какъ бы вы думали, сесприца, что у него было подь сѣдломъ? Конское мясо, скажете вы? — Нѣтъ! Опъ одного воспоминанія объ эпомъ волосы спановяшся у меня дыбомъ! — Младенецъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, бѣлый, нѣжный, какъ изъ воску вылишый!

— Ужасно, если эпо не выдумка! сказала дѣвушка.

— Не намѣрень убѣждать васъ вѣришь мнѣ; а хопѣль я договоришь, что эшимъ уродомъ Шведскій аршиллериспъ велѣль зарядишь Шведскую пушку и опослашь его въ Русскій лагерь.

— Мнѣ совѣстно спросишь офицера великой арміи Шведской, при какомъ мѣспѣ происходилъ эпомъ подвигъ; а скажу вамъ въ свою очередь, что одна жестокость стоишь другой. Однако-жь, если бы въ самомъ дѣлѣ вздумалось эшимъ

господамъ Ташарамъ пробраться на дорогу нашу?

Пасторъ, видѣвшій, или думавшій видѣшь, что неуспрашимость его спутницы начинала нѣсколько оспывать, снѣшилъ на помощь ея прошивъ нападеній офицера. — Развѣ, сказалъ онъ, мы не имѣемъ благороднаго и сильнаго защитника въ нашемъ другѣ? Опъ грозныхъ орудій, которыми онъ запасся и умѣешь владѣшь, какъ ловкая швея иглою, цѣлый десятокъ Бедуиновъ разсѣешя.

— А если ихъ будешь соння? Вульфъ одинъ; мы съ вами, папахень, не сладимъ и съ однимъ уродомъ, какого описалъ намъ услужливый братаецъ. Фрицъ же скорѣе ускачетъ съ своимъ арлекиномъ и зефиркою, чѣмъ за насъ вступится. Что-жь будешь тогда съ нами?

Кучеръ покачалъ головою и погрозилъ у своего уха пальцемъ, какъ бы упрекая несправедливость выговора той, которая дѣлала его. Капишанъ, желая повеселиться на счетъ храбрости сидѣвшей

въ каретѣ, продолжалъ грубыя шушки свои: — Бѣдному, ничтожному Шведу карачунъ дадушъ, господина Паспора пзжаряшъ на вертелъ, а васъ, безспрашная фрейлейнъ Рабе, увезушъ въ плѣнъ, въ дикую Московію, можешъ бышъ, къ Падишаху ихъ въ...

— Нѣшъ, меня не разлучашъ съ моимъ впорымъ опцемъ! возразила дѣвушка, прижимая къ себѣ пзсохшую руку старика.

— Фуй, фуй, Вульфъ! вскричалъ Паспоръ, у котораго лице вспыхнуло негодованіемъ опъ необдуманныхъ словъ Цейгмейстера, пропзнесенныхъ и неокончанныхъ. Вы и въ шушкахъ показываешъ вещи въ черномъ видѣ. Нынѣшій день вы, позвольте вамъ сказать, особенно доказали, что въ вашихъ рѣчахъ нѣшъ ни Граціи, ни Минервы. Еще прибавлю, сударь: и Ташары пмѣюшъ начальниковъ Русскихъ; а развѣ Русскіе не Христіане? развѣ они не озарены свѣпомъ Евангелія также, какъ и мы, Лифляндцы

и Шведы? И они уважають не только своихъ поповъ, но и Пѣмецкихъ Паспорь: я слыхалъ многіе тому примѣры. Тѣмъ болѣе имѣю права ожидать ихъ снисхожденія, что могу изъясняться съ ними безъ помощи переводчика.... вы знаете, что я употребилъ нѣсколько часовъ моей жизни на изученіе языка Русскаго.

— Къ сожалѣнію знаю! прервалъ офицеръ: попраченный порохъ!

— Нѣтъ, сударь! продолжалъ Паспорь, все болѣе и болѣе горячась: надѣюсь, что мои оружія лучше защищаютъ меня, нежели васъ ваши Маріенбургскія заржавленные пушчонки. За меня Ювеналъ, четыре *Монархіи*, *Пуффендорфъ* съ своимъ *вступленіемъ во Всемирную Исторію*, *Планисферія*, весь *Политическій Театръ*: всѣ, всѣ уже они споятъ у меня на спражѣ; всѣ заговорятъ за меня по-Русски и умилоспивятъ побѣдителей! Вижу коварную улыбку вашу. »Все пустячки! объ нихъ и слухомъ не слыхаютъ въ

Московіи!« говорише вы. Нѣтъ, сударь, объ нихъ извѣстенъ ученѣйшій человекъ въ Россіи, бібліотекаръ Папріарха, копорому я уже послалъ переведенныя мною на его родной языкъ: *Orbem pictum* и *Vestibulum*, и съ копорымъ мы условились составишь Славяно - Греко - Латинскій Лексиконъ.

— Прекрасно! вы, въ военное время, и переписочку ведете съ непріятелями своего Государя, врагами новаго опечесства вашего!

— Народы враждуютъ, брань кипишь: просвѣщеніе дѣлаешь свое, прокрадывается хитростію, гдѣ не пускаютъ ее силою. Мечи на - крестъ, Музы черезъ нихъ умѣютъ подавать другъ другу руки! Изгнанныя изъ одного мѣста, онѣ поселяются въ сосѣдствѣ на зло и къ несчастію гонимелей. Браннолюбивый Карль напугалъ ихъ въ Швеціи и Лифляндіи: онѣ отправаляются вереницею къ Петру, умѣющему приласкать ихъ. Швеція становится близорукою, бѣднѣетъ,

слабнешь; Россія, просвѣщаясь, богашь-ешь, мужаешся. Горькая истина, господинь Цейтмейсперь, но все таки истина!

— Школьное умствование, вылупившееся изъ засиженнаго яйца какой нибудь ученой вороны! Налепишь Шведскій левъ, и въ могучей лапѣ замрешь ея вѣщательное карканье! Опъ библиошекаря Московскаго Папріарха спупени ведутъ выше и выше; смѣю ли спросишь: не удостоишся ли и Царь получишь опъ васъ какую нибудь цыдулку?

— А что вамъ до эпого, лвамъ и ордамъ Сѣвера?... Да, господинь изъ свиты львиной, Мариенбургская ученая ворона надѣешся скоро и очень скоро посвяпишь Великому Петру переводы Юлія Цесаря, Квинта-Курція, *Institutio rei militaris*, *Ars navigandi* и Эзоповы прищипы*. Онъ любишь древнихъ героевъ,

* Въ подшверженіе того, что говорю о Гликѣ, воспишаницѣ его и Пашкулѣ, смощри Вебера, Манштейна, Жизнь Графа А. Оспермана на Нѣмецкомъ 1743 г., *Essai critique sur l'histoire de la Livonie par le Com. de Bray*, Бергманна *Denk.*

потому что ихъ въ себѣ воскрешаетъ. Не одни Шведы будутъ учителями его въ наукѣ войны и мореплаванія—можешь быть, и пашимъ книжечкамъ, и намъ скажешь онъ некогда спасибо! Эзопъ — о! онъ, говоряиъ, знаетъ его наизусть, и словами Фригійскаго мудреца умѣешь отличать самонадѣянность, невѣжество, безполковое удалъство, грубость, неуваженіе къ старшимъ.» Здѣсь Паспоръ отдохнулъ немного, потомъ обратившись къ своей спутницѣ, несмѣвшей сказать ни слова въ защиту того, или другаго, ибо повидимому, уже между ними не было слова на миръ, снова продолжалъ:—На зло господину Цейгмейстеру, чтобы онъ впередъ не пугалъ тебя, Кете, и не говорилъ двусмысленностей, предсказываю, что, въ случаѣ похищенія, пасъ ни жарить, ни печь не спашь, меня въ уваженіе моего сана,

---

maler auß der Vorzeit и проч. При справкахъ сихъ не надобно забывать, что я пишу историческій романъ, а не Исторію.

моихъ трудовъ, тебя въ уваженіе своего хорошаго личика, которое и на Руси проглянуло бы, какъ солнышко. Напрошивъ, насъ повезли бы въ Москву; тамъ ученые люди нужны. Царь сзываетъ ихъ и подальше, чѣмъ изъ Лифляндіи. Я опредѣлился бы при Нѣмецкой церкви Паспоромъ, спалъ бы проповѣдывать Слово Божіе, какъ здѣсь дѣлаю; основалъ бы Академію, *scholam illustrem*; а ты, моя милая Кешхень, была бы украшеніемъ почтеннаго семейства какого нибудь боярина... Ой! ой! Фрицъ, по какимъ кочкамъ ты насъ везешь!

— Настоящая Московія! пробормоталъ сердито офицеръ: песокъ, лѣсъ, кочки, буераки!

— А вошь мы сей часъ и въ пригожей долинь, въ которой угодно было вамъ остановиться, — сказалъ кучеръ. Слышите? слышите?

— Чшо такое еще тамъ? спросилъ Паспоръ, котораго гнѣвъ уже распрямился по ухабамъ.

— Я слышу, несешь изъ долины запахомъ цвѣтшвъ почно опъ букеша, что у Фрейлейнъ на шляпкѣ. Авосьлибо духи не ѣдятъ правы, и моимъ рыжакамъ будешь что покушать. Вотъ она, долина мер... (Фрицъ, озираясь кругомъ, не договорилъ рѣчи своей.) Въ самомъ дѣлѣ начиналъ рѣдѣть лѣсъ, показались излучины Вайдау, зеленые лужки, холмы, рощи, и наконецъ уединенная, живописная долина. Рѣчка пересѣкала дорогу поперегъ, бѣжа съ лѣвой стороны на правую, шупъ удержанная горою, попянулась прямо, попомъ обогнулась влѣво дугою, и наконецъ понесла далѣе свои ропщущія по камнямъ воды, въ извилинахъ своихъ все повинувась своенравному направленію обступившихъ ее холмовъ. Дружно обсаженная деревьями, она за ними припайлась и казалась издали вѣющеюся по лугу шѣнистою дорѣжкой; только журчаніе измѣняло ей. По правую сторону возвышалась гора, ксторой непроную временемъ опло-

госпѣ покрывалъ съ подошвы до гребня сосновый лѣсъ, немного просянувшійся по немъ мрачною оградою и вдругъ въ разрѣзъ остановившійся; далѣе самая вершина горы была на довольно большое пространство обнажена, а желто - глинистый бокъ ея, до самаго низу, обсылся въ видѣ прямаго, какъ спѣна, утеса. На сей-то вершинѣ стоялъ необыкновенной величины деревянный крестъ, почернѣвшій отъ времени и непогодъ: онъ господствовалъ надъ всею долиною, а изъ нея, казалось, захващилъ полнеба. Далѣе по косоугору начиналась роща, изъ чащи коей выпадала дорожка. Левую сторону долины обсыли нѣсколько зеленыхъ холмовъ, иные въ половину обнаженные, другіе осѣненные красивыми рощами, примыкавшими къ густому лѣсу, изъ котораго чернѣлось ущелье *привидѣнія*.

Переѣхавъ мостикъ, карета повернула съ дороги на лѣво и шла шамъ, гдѣ подножіе холма и рѣчка сходились

угломъ. Дѣвушка, съ шалією и ростомъ богини, выскочила изъ кареты на мураву, не дожидаясь чужой помощи — »Какія прекрасныя мѣста! воскликнула она. Если шакова Московія, по...« Она хотѣла что-то сказать, не договорила и продолжала, смущившись: — Тѣнисная роща ждетъ насъ на этомъ холмѣ; въ ней будто нарочно для насъ разоспаны цвѣстистые ковры.

— Есть изъ чего набрать вѣнокъ для будущаго побѣдителя Шведа Вульфа! присовокупилъ офицеръ, сошедши съ лошади и привязавъ ее къ каретѣ.

— Какъ вы злорѣчивы, Вульфъ! Этого я не помышляла даже въ шупку. Могу ли не желать во всякомъ случаѣ успѣха тому, кто былъ другомъ моему опцу, кого любилъ такъ много мой благодѣтель, мой второй отецъ? Развѣ вы не принадлежите къ нашему маленькому семейству?

— Полно, полно, дѣши! сказалъ ласковымъ голосомъ Паспоръ, кошорому

Фрицъ помогаль выльзпъ изъ экипажа. Шупка пусть оспанеися шупкой. Скорый мировую! аминь!

Прекрасная дѣвушка пропянула Вульффу руку; онъ спѣшилъ ее поцѣловать. — Вошь шакъ - шо! вскричалъ старикъ, всплеснувъ руками въ знакъ одобренія: это лучше, чѣмъ смопрѣпъ другъ на друга Сентябрь. А знаете ли, друзья мои? всѣ настоящія бѣды наши, не выключая и вашей размолвки, происходятъ опъ того, что адресъ, поданный Лифляндцами блаженныя памяти Королю, былъ худо сочинень.

— Адресъ? спросила въ одинъ голосъ примиренная чета съ видомъ изумленія.

— Да, почно; я вамъ это сей часъ объясню. Если бы онъ написанъ былъ, какъ должно, шо есть, какъ я думаль бы написаль его, Король приняль бы его милоспиво. Вспомните, что Его Величеспво, не разобравъ еще хорошенько адреса, поданнаго депушацию,

попрепалъ Пашкуля по плечу и сказалъ ему: »Вы говорите въ пользу своего опечесства, какъ истинный патріотъ; шѣмъ больше я васъ уважаю.«

— И черезъ нѣсколько дней прозорливый Государь велѣлъ палачу поласкаться у почтеннаго Лифляндца! возразилъ съ усмѣшкою офицеръ.

— Не намъ, Богу судить дѣянія Царей! Новому опечесству моему опъ эптого не было легче. Но дѣло не въ томъ. Возьмите въ соображеніе, что блаженныя памяти Король, нашъ милоспивѣйшій господинъ, приказалъ сдѣлать эту экзекуцію черезъ нѣсколько времени, то есть тогда, когда успѣли Его Величеству прошолковать несообразности адреса — чего не могъ онъ при слушаніи его понять. — И такъ вы видите, что все зло произошло, опять скажу, опъ неловкаго сочиненія адреса. Въ прошивномъ случаѣ Пашкулю не погрозили бы плахою, онъ не бѣжалъ бы изъ Спок-

гольма ошь мысли, что палачь будешь
играшь головою его, какъ мячикомъ —
головою, кошорой, надобно признашься,
подобную не нахожу болѣе въ Лифляндіи.
И его-жь, спыжусь выговорить, нашъ
братъ духовникъ, Нордбекъ, упрекаетъ,
почему онъ ушелъ ошь приговора зако-
на! Но дѣло не въ помъ. Тогда бы, по
есль, если бы адресъ написанъ былъ,
какъ я полагаю его написать, Пашкуль
не находился бы въ Русскомъ войскѣ, не
служилъ бы Шереметгофу — выговари-
ваю имя этого полководца на Нѣмец-
кій ладъ, ибо по-Русски надобно ска-
зать: Шере-мешевъ; но дѣло не въ помъ.
— Пашкуль не служилъ бы ему жи-
вою Лифляндскою ландкаршою, не ше-
велилъ бы спрасшей въ своемъ опече-
ствѣ, война кончилась бы скорѣе, мы не
боялись бы шеперь сосѣдства Русскихъ,
вы не ссорились бы въ разговорѣ о нихъ...
и Богъ знаешь, ошь какихъ бѣдъ изба-
вилъ бы насъ адресъ, дѣльно составлен-
ный, обдуманый не горячими умами, но

холоднымъ спариковскимъ разсудкомъ. Если бы адресъ...

Конца бы не было сильному, все сокрушающему попоку, люющемуся изъ успь нашего орапора, для котораго слово: *адресъ*, было то же, что поднятіе зашвора у спуска воды на мѣльницѣ — если бы не успѣшилъ Фрицъ заикнуть прорывъ сей докладомъ, что поставишь карешу и лошадей въ уголку долины, въ шѣни. Между шѣмъ Паспоръ, воспитанница его и Вульфъ вошли въ рощу; усердный конюшій понесъ за ними нѣсколько подушекъ. Чѣмъ далѣе углублялись они въ нее, шѣмъ болѣе жаръ терялъ силы. Въперокъ вился мопылькомъ между деревьями и обвѣвалъ нашихъ путешественниковъ нѣгою прохлады. Сплешіяся въшви душистой липы, всегда шепчущей осины и клена широколиственнаго, манили ихъ подъ себя къ опдыху; однообразное жужжаніе пчель склоняло къ дремошѣ. Паспоръ, упомянный путешествіемъ, охотно предался зову при-

роды: онъ прилежъ въ одномъ изъ боскешовъ, копорый нѣжная забопливость его спутницы успроила со всѣми возможными удобствами для него. Спарецъ, забывъ мершвецовъ, адресъ, переводы и всѣ великія намѣренія свои, вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ душевнаго спокойствія. Прекрасная путешественница съла не въ дальнемъ разстояніи отъ него подъ намѣпомъ цвѣтущей липы и занялась чпеніемъ *Свѣтлѣйшей Аргениды*, одного изъ *превосходнѣйшихъ романовъ настоящаго и прошедшихъ временъ* (по крайней мѣрѣ, такъ сказано было въ заглавіи книги!), сочиненнаго знаменитымъ Барклаемъ. Подалѣе Цейгмейсперъ задремалъ, прислонясь ко пню, обвипому пышнымъ мохомъ и плющемъ. Онъ имѣлъ оспорожность взяшь съ собою карабинъ, копорой поставилъ въ пріапельскомъ опдаленіи. Фрицъ... но мы расскажемъ, что съ нимъ случилось черезъ главу.

Глава четвертая

КТО ОНИ ТАКІЕ?

*Уже разумеется, что это мы узнаем!
Хмельницкій.*

Опдыхъ нашихъ путешественниковъ представляешь намъ удобный случай короче ознакомиться съ нимъ чиншателя нашего. Начнемъ со старшаго лица.

Эрнстъ Гликъ былъ Пасторомъ въ Лифляндскомъ городкѣ Маріенбургѣ, лежащемъ близъ границъ Псковскихъ. Лифляндія не была его отечествомъ: онъ родился въ Вешинѣ, что въ Герцогствѣ Магдебургскомъ, гдѣ отецъ его

Христіанъ также священствовалъ. Дѣдъ его Іогаиъ былъ некогда шипографшикомъ въ Лейпцигѣ. Опъ перваго получилъ онъ въ наслѣдство любовь къ добру, опъ втораго любовь къ просвѣщенію; и съ такимъ доспоянiемъ почишалъ онъ себя богатымъ. Спранный человекъ! скажущъ, можешъ бышъ. Чшо дѣлашъ? Таковъ былъ Эрнстъ Гликъ. Занесенный разными обстоятельствомъ, о которыхъ умалчиваемъ по незанимательности ихъ, сначала въ Ригу, потомъ въ настоящее мѣстопробываніе свое, онъ вездѣ, гдѣ только жилъ, приносилъ съ собою извѣстность почтеннаго имени и оставлялъ память о своихъ добродѣтеляхъ. По лѣшамъ и сану его, а болѣе по уваженію и любви къ нему обывателей Маріенбургскихъ, можно было назвать его папріархомъ сего городка. Но какъ доброе сердце его, найдя шѣснымъ сей кругъ дѣшельности, умѣло расширить его за нѣсколько десятковъ миль опъ Маріенбурга, такъ и любовь

и уваженіе успѣли найдти Глика изъ ошдаленныхъ мѣстъ Лифляндіи.

Добро дѣлать считалъ онъ такою же потребностію, какъ пить и ѣсть. Онъ былъ небогатъ; но догадливая любовь къ нему прихожанъ и окружнаго дворянства, вознаграждая недостатки его, доставляла ему постоянные способы исполнять сію потребность. За сныдь не считалъ онъ получать дары, потому что ихъ же раздавалъ неимущимъ: въ этомъ случаѣ почиталъ онъ себя только посредникомъ между благошвореніемъ и несчастіемъ. Не дѣлалъ онъ такого *скрытаго* добра, которое преданные люди обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, разглашаютъ челоуѣкамъ двадцати; не любилъ онъ также и открытой дѣлежки. За то съ какою пламенною готовностію спѣшилъ онъ къ безпомощному больному съ лекаремъ, лекарствомъ, пособіями всякаго рода и даже хожалою (горничною старою дѣвкою Греше, часто замѣнявшею его въ

шаковыхъ челоѣколюбивыхъ подвигахъ)! съ какимъ усердіемъ поддерживалъ онъ существованіе безпріютной вдовы, отдавалъ бѣдныхъ сиротъ въ ученіе разнымъ ремесламъ, оказывалъ великодушныя пособія подсудимымъ! »Законы должны дѣлать свое — говаривалъ онъ — а я, какъ челоѣкъ, свое.« Однако-жъ острый взглядъ его умѣлъ почти всегда оплечать въ числѣ истинно бѣдныхъ и несчастныхъ, составляющихъ вездѣ многочисленное семейство, шѣхъ самозванцевъ - несчастливцевъ, бродягъ, шунеядцевъ, просящихъ милоспыню по привычкѣ, когда могли бы работою рукъ своихъ доставать себѣ пропитаніе. Опекунъ злополучія, великодушный, но не безразсудный, онъ оказывалъ послѣднимъ въ вещеспвенномъ пособіи, но преслѣдовалъ ихъ духовными благодѣяніями, мѣрами, болѣе дѣйствительными къ исправленію порока: онъ успѣлъ даже многихъ изъ нихъ опучить отъ бродяжничества. Эпопъ

добродѣшительный человекъ основалъ въ городѣ рабочій домъ, богадѣльню и училище, помня, какъ онъ говорилъ, что пороки не иначе можно изгнать изъ общества, какъ удовлетвореніемъ прехъ главнѣйшихъ потребностей человека: укрѣпленіемъ тѣла, очищеніемъ сердца и просвѣщеніемъ разума. Успѣхи его благотѣшительныхъ средствъ были доведены до того, что дали Бургомистру возможность въ одно воскресенье прибѣль у всѣхъ въѣздовъ въ Мариенбургъ доски съ надписью: *Здѣсь не позволяется просить милостыню.* Въ этотъ достопамятный день гражданами поставлены были въ киркѣ великолѣпные, по тогдашнему времени, органы. Вечеромъ же окна пасторскаго дома внезапно освѣщались необыкновеннымъ свѣтомъ. Онъ выславилъ свою лысую голову изъ окна, и былъ изумленъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ: по озеру лепѣло съ разныхъ сторонъ множество двойсвѣнныхъ огней, которые соединились у берега про-

шивъ дома, произвели въ воздухѣ блестящее зарево и зажгли воды. Раздались при звукѣ мечей громкіе вивашы и пропѣль былъ охриплымъ голосомъ почтеннѣйшихъ жипелей каншъ, въ честь виновника общаго ихъ благополучія сочиненный, въ которомъ сравнивали его съ Ликургомъ, Солономъ и многими другими законодателями. Торжествъ сіе извлекло у добраго спарца слезы и радостию взволновало его кровь до того, что онъ не могъ заснуть прежде разсвѣта. Извѣстно намъ также по преданію, что сочинитель канша, городской школьный мастеръ Дихшерлихшъ, былъ нѣсколько дней въ лихорадкѣ отъ одной мысли перейти въ потомство съ новорожденнымъ своимъ швореніемъ.

Слово Глика къ пасивѣ было слово опца къ дѣтямъ: онъ поучаль, увѣщеваль, не пугая. Правда, плашилъ онъ изрѣдка данъ вѣку своему, щеголяя въ проповѣдяхъ схоластическою ученостью,

коею голова его была изобильно снабжена, превожа съ высоты кафедры робкіе умы слушателей варварскими перминами изъ Физики и Математики, и возбуждая онь сна вѣчнаго не только героевъ Греціи и Рима, но даже Граціи и Минерву, съ которыми онь рѣдко гдѣ нибудь разставался. Къ чести его надобно оговорить, что онь въ концѣ своихъ рѣчей, со скромностью Христіанина, почти всегда извинялся передъ слушателями, что отвлекъ ихъ вниманіе онь даровъ небесныхъ къ дарамъ человѣческимъ. Но лучшее, незабвенное благодареніе, которое онь сдѣлалъ не только своимъ прихожанамъ, но и всему Лифляндскому краю, былъ переводъ на Латышскій языкъ Библии: съ его времени Законъ Божій спалъ извѣстенъ поселянамъ на природномъ ихъ языкѣ и понятенъ ихъ разуму и сердцу.

Ученость его вошла въ пословицу. Онь зналъ хорошо языки Греческій,

Лапшинскій и, что удивительнѣе всего въ погдашнее время, Русскій, на которой онъ перевелъ множество Лапшинскихъ сочиненій. Имъ хотѣлъ онъ сдѣлаться извѣстнымъ Преобразователю Русскаго Царства и занять въ его исторіи почетное мѣсто. Чтобы достигнуть своей цѣли и между тѣмъ согласить чувства вѣрноподданнаго Шведскаго Короля съ неперпѣливою любовію къ знаменитости, онъ ожидалъ мира, какъ Жиды Мессіи. Спρασный поклонникъ всего великаго, являлось ли оно въ Люперанинѣ или инувѣрцѣ, въ соопечественникѣ или чужестранцѣ, онъ писалъ уже съ давняго времени пламенную любовь юноши къ славѣ Царя Алексѣевича (такъ звали его запросто Нѣмцы), и успѣлъ написать симъ огнемъ воображеніе своихъ домашнихъ. Еще въ 1697 году (25 Марта: это число было у него записано красными чернилами и огромными буквами въ календарѣ), смѣшавшись въ полкѣ Лифляндскихъ дворянъ, прибыв-

шихъ встрѣпишь Русскаго Монарха на границѣ своей въ Нейгаузенѣ, онъ видѣлъ шамъ лично сего Великаго Мужа, ѣхавшаго собирать съ Европы дань просвѣщенія, чтобы обогатить ею свое Государство. Тамъ еще успѣлъ онъ угадать Его сердцемъ, кошорое часто вѣрнѣе изслѣдованій ума осязаешь испину; и съ того времени, съ цѣлю далеко, посвяпилъ лучшіе досуги свои изученію языка Русскаго. Мы видѣли по прочитанной имъ самимъ номенклатурѣ книгъ, имъ переведенныхъ на сей языкъ, что труды его были велики; узнаемъ впоследствии, были ли они бесполезны.

Всякая фигура имѣешь свой свѣтъ и свою тѣнь; идея человека соединяется всегда съ идеею слабостей его: это сказано и пересказано уже до меня. Хорошо еще, когда свѣтъ преобладаетъ мракомъ; мы уже до того дошли, что спали говорить: хорошо-бъ, если бы на людяхъ, съ кошорыми мы имѣемъ дѣло, проглянуло гдѣ нибудь бѣлое

пяпнышко; а то бывають нынѣ и такіе черненькіе, какъ уголь, который горитъ и свѣтитъ для того только, чтобы сожигать! Симъ разсужденіемъ приговариваюсь къ тому, чтобы выиграть, сколько можно, болѣе снисхожденія къ слабой сторонѣ нашего Глика. Пышливость ума его, спрасть къ планамъ, нововведеніямъ и усовершенствованію не рѣдко простиралась на мѣлочи, не рѣдко проявлялись въ смѣшныхъ, странныхъ способахъ. Въ нашъ вѣкъ называли бы его прожектеромъ. Но мы видѣли, что самая спрасть сія произвела множество полезныхъ, истинно благодѣтельныхъ дѣлъ, и потому не только была она въ немъ извинительна — она заслуживала даже благодарность согражданъ и память потомства. Не средства, а цѣль достойна строгой повѣрки. И потому охотно опускаемъ ему на судъ нашемъ упомянутую слабость. Но что было въ немъ порокъ истинный, такъ это своеправіе. Когда онъ садился

на конька своего, неугомоннаго, заносчиваго, по нѣчто не въ состояніи былъ его удержать, хотя бы онъ скакалъ черезъ рвы и плешни. Получивъ ли опъ природы направленіе къ сему пороку, утвержденный ли въ немъ чувствомъ собственныхъ достоинствъ, дававшихъ ему первенство въ семействѣ, въ училищѣ и въ обществѣ, избалованный ли всегдашнимъ, безусловнымъ согласіемъ невѣждъ и ученыхъ, онъ забывалъ иногда смиреніе Евангельское, непримѣнно покланяясь своему кумиру. Если онъ что-либо задумалъ, расположилъ и утвердилъ въ головѣ своей; по начертанія свои почиталъ лучшими, какія только можно составить, по нимъ дѣйствовалъ и заставлялъ дѣйствовать людей, съ нимъ тѣсно связанныхъ и опъ него зависѣвшихъ. Ничто не могло заставить его переменить свое намѣреніе, даже и тогда, когда обстоятельства заранее открывали ему заблужденія и ошибки его. Конецъ вѣдываетъ дѣло —

говаривалъ онъ иногда, желая оправдать неуспѣхи своихъ предположеній и расчешовъ, и приближаясь къ цѣли, не рѣдко узнавалъ прискорбнымъ опытомъ, что основаніе ихъ было непрочно и ложно. Къ счастью имѣвшихъ съ нимъ дѣло и не слѣпо выполнявшихъ его начертанія, мщеніе никогда не входило въ сердце его. »Блззорукіе! ослѣпленные! невѣжды!« говаривалъ онъ объ нихъ въ пылу гнѣва: »умываю себѣ руки въ несчастіяхъ, которыя могутъ съ ними случиться.« Если же прошивились ярму его своенравія люди сильные, къ видамъ которыхъ привилъ онъ свои услуги; то соглашался скорѣе поперять свои пользы и разрушить давнишнія связи, чѣмъ расстаться съ начертаніями своими.

Гликъ давно лишился жены и дѣшей. Въ замѣнъ ихъ Провидѣніе послало ему такое существо, которое, пополнивъ всѣ его утраты, подарило его лучшими утѣшеніями въ жизни. Это была воспитанница его Камерина Рабе. Отецъ ея,

служившій Кварширмейстеромъ въ Шведскомъ Эльфсбургскомъ полку, умеръ вскорѣ послѣ ея рожденія (въ 1684 году). Мать ея была благородная Лифляндка, по имени перваго мужа, Секретаря какого-то Лифляндскаго суда, Мориць. Лишившись впорога мужа, она изъ Гермунареда, чшо въ Веспгошландіи, пріѣхала по дѣламъ своимъ на родину съ малолѣпною дочерью своею (нашею героинею) въ Рингенское помѣстье господъ Розень, гдѣ и скончалась въ непродолжительномъ времени. Малюшка осталась послѣ нея круглою сиротой, не только безъ покровительсва, но и безъ всякаго призрѣнія. Роопскому Пастору Даушу случилось бытъ въ Рингенъ: онъ взялъ ее къ себѣ и далъ ей убѣжище и содержаніе. Въ Роопѣ жила она нѣсколько лѣтъ въ униженіи, подъ пягоспнымъ господсвомъ Пасторши, женщины злой и властолюбивой. Надобно было, чтобы судьба привела нашего добраго Глика въ Роопъ, чтобы онъ

увидѣлъ худое обращеніе эпой Мегеры съ бѣднымъ приемышемъ, въ которомъ замѣшилъ необыкновенную кротость и умъ. Онъ легко выпросилъ ее у госпожи Даушъ, бывшей полною властелиншею въ домѣ. Съ десяти лѣтъ Катерина Рабе жила у Маріенбургскаго папріарха. Съ того времени разцвѣпалъ эпошъ прелестный цвѣпъ подь улыбкою Творца и нѣжными попеченіями вшораго опца ея.

Дѣвицѣ Рабе минуло осьмнадцать лѣтъ. Черные глаза, въ которьхъ искрилась проицапельность ума, живость и доброта души, черпы лица, вообще привлекапельныя, уста, нѣгою образованные (нижняя губа немного выпуклая въ срединѣ, какъ будто списнуша была двумя пальцами Амура, когда онъ цѣловалъ ее при рожденіи ея), волосы черные, какъ смоль, которьхъ достаточно было, чшобы спряпашь въ нихъ Душенькина любимца, величественный ростъ, гибкій спань,

свѣжестъ и ослѣпительная бѣлизна шѣла—все въ ней было обворожительно; все было въ ней роскошью Природы. Самая Природа сія была бы несправедлива, если-бъ не вылила души ея по формѣ ея прекрасной наружности: она этого и не сдѣлала. Лишить себя пріятной вещи, чпобы отдать ее бѣдному; поминь добро, ей сдѣланное, кѣмъ бы то ни было; пожертвовать своимъ спокойствіемъ для угожденія другимъ; терпѣливо сносить слабости шѣхъ, съ которыми она жила; быть вѣрною дружбѣ, не смотря на перемену обстоятельствъ и особенно преданною своему благодѣтелю: таковы были качества дѣвицы Рабе. Но достоинства души, рѣдко достающіяся въ удѣлъ ея полу и которыми Провидѣніе щедро наградило ее, были необыкновенная швердоссть и сила характера. Еще въ дѣтствѣ, слушая ужасныя сказки, она смѣялась имъ, когда подружки ея отъ страха едва смѣли дышать. Проходя въ сумракѣ вечера черезъ

кладбище, дѣши одного съ нею возраста прижимались къ спаршимъ провожаемымъ своимъ; шибко спучало сердчишко ихъ: ея же было шакъ покойно, какъ обыкновенно; она еще спаралась опспашь опъ другихъ, спѣшила полюбовашься памяшникомъ, оспановившпмъ ея вниманіе, и шпхими уже шагами ихъ догоняла. Ей не было десяти лѣтъ, когда у сосѣда случился пожаръ: всѣ въ домѣ бѣгали и суешились; она взяла кувшинчикъ съ водою, и когда спросили ее, куда идешь? опвѣчала спокойно: *заливать огонь*. Сія швердость души дѣвицы Рабе, споль рано умѣвшей пренебрегать опасностями, возмужавъ съ лѣтами, сдѣлала ее способною къ необыкновеннымъ побѣдамъ надъ собою и шрудными обспояшельствами въ рѣшишельныя минуты ея жизни.

Нѣкошорые изъ гражданъ Маріенбургскихъ, думая, что для бѣдной, незначительной дѣвушки они слишкомъ завидные искашели, заочно собирались просимъ

руки ея; но при свиданіи съ нею, по какому - то невыгодному для себя сравненію, рѣшишельно перемѣняли намѣреніе свое. Такъ пришедши въ храмъ любовашься искусствомъ художника, испощившаго геній свой въ дивныхъ изображеніяхъ, забываешь, для чего пришелъ, и въ благоговѣніи повергнувшись передъ Святынею, оспашься въ храмъ только молишься. Дѣвица Рабе одна не знала могущества своихъ прелестей: жива, просподушна, какъ дшпя, ко всѣмъ одинаково привѣтлива, она не понимала другой любви, кромѣ любви ко вшорому опцу своему, другой привязанности, кромѣ дружбы къ Луизѣ Зегевольдъ (съ копорою мы впослѣдствіи ознакомимъ нашего чшпашеля).

Только одинъ избранникъ осмѣлился просширашь на нее свои виды: именно это былъ Цейгмейстеръ Вульфъ, дальній ей родспвенникъ, служившій нѣкогда съ опцемъ ея въ одномъ корпусѣ и дѣлившій съ нимъ послѣдній сухарь

солдатскій, вѣрный его поварищъ, водившій его къ брачному алтарю и опустившій его въ могилу; любимый Пасторомъ Гликомъ за благородство и твердость его характера, хотя безпрестанно спалкивался съ нимъ въ разсужденіяхъ о твердости характера Лифляндцевъ, о намѣреніи посвятить Петру I переводы *Квинта Курція* и *Науки мореходства*, и о скоромъ просвѣщеніи Россіи; храбрый, отважный воинъ, всегда готовый умереть за Короля своего и отечество; офицеръ, у котораго честь была не на концѣ языка, а въ сердцѣ и на концѣ шпаги. На него, какъ на отличнаго артиллериста, вмѣстѣ съ старымъ Комендантомъ Маріенбургской крѣпости, Подполковникомъ Брандомъ, возложена была Карломъ XII защита оной. Много правъ имѣлъ онъ на уваженіе дѣвицы Рабе: она и уважала его, любила, какъ друга отца ея, какъ брата, не болѣе. Впрочемъ онъ не былъ сошворень возбу-

дишь въ комъ-либо нѣжную, испинную спрасшь, придающую часпо любимому челоуѣку достоинства, которыхъ онъ не имѣешь, между шѣмъ какъ равнодушіе къ другому опнимаешь у него и шѣ прекрасныя качества, коими его природа надѣлила. Спарѣе ея двадцашью годами съ лицомъ, исполненнымъ благородства, но грубо очерченнымъ природоу, написанный суровоу жизнью лагерей и войны, и пошому въ обращеніи даже съ женщинами, неоспавлявшій солдатскихъ привычекъ и выраженій, власполюбивый, вспылчивый даже до безразсудства: шаковъ былъ искашель руки нашей героини, любившій ея испинно, но сердцемъ ея неизбранный.

Паспоръ, съ своей спороны, имѣлъ шаже виды на Цейгмейспера: здѣсь представлялся ему важнѣйшій случай порабошашъ головоу и сердцемъ, выказашъ свои глубокія соображенія, шонкое знаніе людей и сердца. Онъ видѣлъ, онъ осязалъ уже воображеніемъ знаменишое

дерево, долженствующее изумить попомство плодами необыкновенными — дерево, которого съема шанлось въ его разсадникѣ. Великія послѣдствія должны были произойти опъ предполагаемаго союза бѣдной воспитанницы его съ незначущимъ артиллерійскимъ офицеромъ! Можно ли было упустишь такой случай? Правда, къ спрасни его, все успроивашь, примѣшивалось тогда и доброе намѣреніе. »Кто искреннѣе меня желаетъ счастья моей Кеше? — разсуждалъ самъ съ собою Гликъ: — что я обдумалъ для нея, то должно служить къ ея благополучію. . . . Послѣ смерти моей она останешя въ пустынѣ, гдѣ ни одинъ голосъ друга на голосъ ея не опзвешся, почно въ такомъ состояніи, какъ была она послѣ смерти своей матери. Неопытность ея опушаютъ съшями. Она узнаешь нужду, горести. (Здѣсь спарикъ придавилъ пальцемъ слезу, гошовую выпасшь изъ глаза его.)

Ей необходимъ именно такой повариха въ жизни, каковъ Цейгмейстеръ, мой пріятель. Благородныя и твердыя его правила мнѣ извѣстны; онъ имѣешь состояніе, которое обезпечить его навсегда отъ бѣдности. Умрешь — и вдова храбраго Шведскаго офицера не будешь забыта признательнымъ Королемъ. Паружность его не совсѣмъ привлекательна, согласишься надобно; но эшотъ недосыпкокъ можетъ пугать только въшреннюю дѣвчонку, а не мою Кете. Луиза Зегевольдъ не помнитъ лица жениха своего; однако-жь благоразумная мать, съ помощію же *нашею*, умѣла заславить ее и заочно полюбить его, и все такъ устроила, слѣдуя *нашимъ* совѣтамъ, что будущій союзъ ихъ долженъ быть пресчастливѣйшій. Жениха же моей Кете я знаю, какъ самого себя; она видитъ его каждый день и должна быть къ нему равнодушною. Съ нимъ она ласковѣе, нежели съ другими мужчинами. Еще на дняхъ подслушала

я, какъ они полковали о разныхъ чувствованіяхъ, между прочимъ дѣлали опредѣленіе любви... О! эти вѣрные признаки не укроюся опъ зоркой опытноспи старика. Нѣтъ, нѣтъ, лучшаго мужа не имѣть ей; лучшаго супружества, какое имъ гоповлю, существовать не можеть.» Такъ обдумываль, разсчитываль и наконецъ скрѣпиль Паспоръ словами: *быть по сему*, сидя на конькѣ своемъ, съ кошораго уже не было возможности его свести. Цейгмейстеръ не много думаль и разсчитываль и, какъ отважный воинъ, рѣшительно апшаковаль Глика съ предложеніями. Маленькая, сухая рука Паспора ударила въ широкую ладонь его, и вскорѣ, какъ водится, сначала околечностями, потомъ опкрыто объявлены воспишанницѣ виды лучшаго друга перваго и втораго опца ея, любимца Королевскаго, будущаго Коменданша Мариенбургскаго, любезнаго, благороднаго, умнаго и прочее и прочее, что

воспитатель могъ прибрать изъ словаря мнимыхъ и настоящихъ достоинствъ жениха. Между тѣмъ на случай нечаяннаго опраженія, онъ не замедлилъ присовокупить, что, для ускоренія ея благополучія и его собственнаго спокойствія, согласіе съ его стороны дано, и что она омрачитъ послѣдніе дни его жизни, сведетъ его безвременно во гробъ, если откажется отъ счастья, которое такъ рѣшительно ее преслѣдовало. Дѣвица Рабе, никогда не помышлявшая о важности такого предложенія, сначала испугалась, потомъ сама не понимая себя, спала равнодушнѣе слушая повторенные вызовы своего благодѣтеля, который въ исполненіи плановъ своихъ любилъ въ точности поступать согласно съ текстомъ Священнаго Писанія: *толцуйте и отверзетъся*. Наконецъ швердая душа ея взяла верхъ надъ боязнію непріятнаго союза, ей такъ настоятельно предлагаемаго. Она повиновалась. Сказавъ рѣшительное: *иду!*

она не чувствовала въ себѣ ни сильнаго пренебра сердечнаго, ни страха будущаго, ни сожалѣнія о прошедшемъ, и сама удивлялась своему спокойствію; только просила, внутреннимъ совѣтникомъ побуждаемая, опложить союзъ сей на два мѣсяца. Роковой срокъ долженъ былъ кончиться въ послѣднихъ числахъ Августа. Въ продолженіе сего времени Вульфъ, женихъ ея, оспался для нея шѣмъ же Цейгмейсперомъ Вульфомъ, ея уважаемымъ, какъ другъ ея отца и благодѣтеля, любимымъ, какъ братъ, не болѣе. По прежнему Паспоръ безпрестанно съ нимъ ссорился и безпрестанно мирился; по прежнему обоселокъ его раздражительнаго характера любилъ Гликъ шочить свои мнѣнія.

Мы видѣли воспитателя, воспитанницу и жениха ея въ дорогѣ. Куда-жъ ѣдутъ они? — Въ Гельмешъ къ Баронессѣ Зегевольдъ, ко дню рожденія ея дочери Луизы, съ копорою познакомилъ Паспоръ свою Кете ради милоспиваго

покровительства сиротъ на будущія времена и съ кофорою, между тѣмъ, вопреки неравенства состояній ихъ, соединили ее узами дружбы нежныя, благородныя чувствованія и особенное другъ къ другу влеченіе, разумомъ неопредѣляемое и часпо непоспигаемое. Пять лѣтъ уже, какъ Рабе въ одно и то же время посѣщала Гельмешъ или съ Паспоромъ, или, въ случаѣ важныхъ занятій, не позволявшихъ ему оплутиться, одна, сопровождаемая довѣреннымъ служивелемъ Баронессы, а иногда женою Гельмешскаго амшмана Шнурбауха, кофорую нарочно за нею присылали. Безъ милой Кеше для Луизы день ея рожденія не былъ праздникомъ; не видашь Луизы въ эпошъ день было для вѣрной подруги ея то же, что потеряшь цѣлый годъ, потому что надобно было провешъ его въ скукѣ до повой радоспной эпохи. Сколько гошовилось памяшью сердца къ эпому дню шпансвенныхъ узелковъ, развязываемыхъ шолько въ сладкіе часы довѣренности съ

единственнымъ другомъ! сколько печальностей, увеселеній, игръ изобрѣшала къ приняшю своей безцѣнной гостыи молодая хозяйка, ломавшая голову для нихъ не менѣе Пастора Глика, когда онъ думалъ о способахъ просвѣщеніи соседственный народъ — и всѣ эти великія думы, всѣ планы исчезали, какъ облако ударомъ вѣтра, въ чувствѣ удовольствія при первомъ взглядѣ другъ на друга! Не рѣдко Мариенбургская жишельница оспавалась гостыи по нѣсколькимъ мѣсяцевъ у Гельмешской обладательницы. И какъ скоро проходили эти мѣсяцы! Приѣздъ и отъѣздъ сливались въ одну минушу: въ первой забыта была вся несносность разлуки, при второмъ радости свиданія будто не существовали; слово: *прости!* ихъ всѣ поглощало. Безъ слезъ не было ни встрѣчи, ни проводовъ. Можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ ѣхала дѣвица Рабе въ Гельмешъ нынѣ, когда ей было столько новаго рассказать и выслушать: языкъ ихъ былъ

только для нихъ понятенъ, ибо это былъ языкъ сердца. Ключа къ нему не могло найдти холодное властолюбіе, располагавшее ими, не спросясь голоса природы.

Цейгмейстеру сдѣлапо было Мариенбургскимъ Комендантомъ Брадтомъ важное порученіе, которое онъ долженъ былъ лично передать Генераль-Вахмейстеру Шлиппенбаху въ Гуммельсгофъ, главной его кварширѣ; а какъ мыза сія была на дорогѣ въ Гельмешъ, то онъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы спускствовать пріятелю своему и невѣстѣ, пока возможно было.

Фрицъ, наемный кучеръ Баронессы, находившійся у ней въ услуженіи болѣе двухъ лѣтъ, изъ особеннаго уваженія къ Паспору всегда вызывался ѣхать за нимъ, или его воспитанницею. Онъ везъ ихъ и нынѣшній разъ съ тою же готовностію былъ имъ угоднымъ. Чтобы хощя нѣсколько удомешворительно отвѣчать на вопросъ, сдѣланный намъ въ началѣ главы сей, скажемъ объ

немъ, что, не смотря на простоту его наружности и жеманство его движений, онъ былъ лукавъ, какъ духъ, прельсвившій нашу прабабушку въ рай. Эту старую крысу трудно было обмануть, и кто бы это сдѣлалъ, не долго бы прожилъ, какъ говоритъ пословица. Если нужно было ему опвесить вниманіе желавшаго проникнуть его шайну; то онъ искуснымъ оборотомъ рѣчи удалялся отъ предмета, который желалъ скрыть, останавливался и вертѣлся надъ другимъ предметомъ, по виду для него чрезвычайно занимательнымъ, глупѣлъ и пупался въ рѣчахъ до того, что уже не лзя было добиться отъ него толку. Въ такихъ случаяхъ онъ поспупалъ, какъ пуголица, которая, желая опвлечь охотника отъ гнѣзда, гдѣ скрываются пшеницы ея, кружится съ жалобнымъ крикомъ надъ другимъ мѣстомъ, какъ будто даетъ знать, что здѣсь шаятся предметы, ей драгоценные. Гдѣ нужно было Фрицу самому

вывѣдать, или получишь что-либо для него занимательное, онъ также начи-палъ издалека и скрытыми, извилистыми пущами вкрадывался въ душу, такъ что кругомъ ее обшаривалъ. Обыкновенно казался онъ простымъ болтуномъ.

Глава пятая

ПРИГОТОВЛЕНІЯ.

*А то, какъ молотколѣ, ударитъ вдругъ съ размаха,
Такъ, Боже сохрани! они умрутъ со страха.
Когда же это все улажу безъ труда,
Терпѣнью пріутатъ примуся ихъ тогда.*

Хмѣльницкій.

Съ вершю впередъ ошь долины мер-
швецовъ, въ виду Менценской дороги,
на холмистомъ мыску, обведенномъ рѣч-
кою Вайдау, стоялъ красивый господ-
скій домикъ съ такими же красивыми
службами и скопнымъ дворомъ. Мыза
сія защищалась ошь полуденнаго соли-
ца березовою роцею, примыкавшею къ
сосновому лѣсу, наполненному сполькими

ужасами, о которых поразсказалъ Фрицъ, — ошъ сѣверныхъ аквилоновъ прошивнымъ высокимъ берегомъ рѣчки. Цвѣшники, со вкусомъ расположенные и хорошо содержащныя; небольшой, плодovitый садъ, въ которомъ каждое дерево росло бодро и сильно, будто въ соревнованіи одно передъ другимъ, какъ члены юнаго мужающаго народа; зеленыя пажити, на которыхъ ходили шучныя коровы; споки, проведенныя съ высошъ; исправныя водохранилища; поля, обѣщающія богатую жашву; работники, непраздные, чисто одѣшыя и дышащіе свѣжестью здоровья, шрудолубія и свободы: все показывало, что обладашеть сего помѣстья любилъ жить порядочно и пріятно. Казалось, что сюда перенесень былъ одинъ изъ цвѣшущихъ уголковъ Англіи. Мыза сія принадлежала господину Blumenшроспу, извѣстному въ Лифляндіи Медику. Въ него вѣровали, какъ въ оракула; пракшика соопвѣшествовала его славъ; деньги сыпа-

лись къ нему въ карманъ сами; между тѣмъ, онъ не былъ корысполубивъ, что и въ началѣ 18 столѣтія считали уже рѣдкостью, особенно въ лекарѣ; къ бѣдному и богатому спѣшилъ онъ на помощь съ одинакимъ усердіемъ. Онъ много путешествовалъ, зналъ хорошо свѣтъ и людей, дорожилъ ученою славой и старался не только писать ее искусствомъ своимъ, но и сдѣлать ее извѣстною въ ученomъ мѣрѣ разными важными по его части сочиненіями и перепискою съ Университетами, считавшимися въ тогдашнее время средоточіями наукъ. Въ Швейцаріи познакомился онъ съ Папкулемъ. Папкуль былъ несчастливъ, угнетенъ, не имѣлъ опечесства: добрый Blumenprossъ полюбилъ его, помогалъ ему совѣтами, утѣшеніями и деньгами, не оскорбляя его бѣдности и несчастія. Съ того времени связи ихъ укрѣплялись болѣе и болѣе; благопріятная переменна судьбы изгнанника, попомъ любимца Петрова, не переменяла ничего въ ихъ дружбѣ.

Мыза Blumenшроста была подь особеннымъ покровительствомъ Генераль-Вахшмейстера Шлиппенбаха, которому онъ успѣлъ искусствомъ своимъ оказашъ важныя услуги; и пошому къ воротамъ, ведущимъ въ нее, прибишъ былъ въ рамѣ, опушанной проволочною рѣшешкою, охранный листъ, за подписью и печашью Генерала сего, запрещаваго въ немъ подь спрожайшею отвѣтственностію Шведскимъ войскамъ малѣйшее оскорбленіе жишелямъ мызы и самовольное отъ нихъ шребованіе чего-либо. Жишели ея, кромѣ хозяина... узнаемъ ихъ сей часъ, взойдя во внутренность красиваго домика.

На балконѣ его, съ котораго видна была вкось высота съ крестомъ, сидѣла въ шо время, какъ наши путешественники подѣзжали къ долинь мершвецовъ, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, пригожая, какъ Амуръ. Томные глазки ея щурились, чшобы лучше видѣшъ вдали. Казалось, она чшо-шо подсперегала.

Одежда на ней была, какой не носяшь Лифляндскія жипельницы. Голову ея дважды обвила русая коса. Въмѣсто ожерелья, на черной леншѣ, перевязанной около шеи, висѣлъ золотой крестъ, падавшій на грудь, которую открывала нѣсколько, въ видѣ сердца, бѣлая косынка. Спаць ея пріятно означалъ корсетъ, изъ шерстяной матеріи каштановаго цвѣта, съ узенькими оплечьями, спягивавшійся голубою леншою, переплетенною съ одной стороны на другую на подобіе угловъ. Весь корсетъ былъ также обложенъ голубою леншою; такого же цвѣта два банта висѣли у конца его въ срединѣ самой шали. Широкіе, тонкаго полотна, рукава доходили не много ниже локтя, гдѣ они собирались въ густыя манжеты. Коропкая юбочка синяго цвѣта съ пунцовыми полосами, поверхъ ея бѣлый передникъ, выходившій изъ-подъ корсета, голубые чулки, башмаки съ спальными пряжками, блиставшими отъ солнца, въ рукахъ ея соломенная

шляпка съ разноцвѣтными лентами и букетомъ цвѣтовъ: все обличало въ ней жительство южнаго края Европы. Долго смотрѣла она въ ту сторону, гдѣ крестъ одиноко возвышался надъ долиною; наконецъ задумалась и склонила голову на грудь. Въ такомъ состояніи оставалась она нѣсколько минутъ. Не подалеку отъ балкона, подъ навѣсомъ цвѣтущихъ липъ и рябины, сидѣли на длинной скамейкѣ шрое мужчшъ; всѣ они разныхъ лѣтъ, въ различныхъ одеждахъ и, казалось, хотя они всѣ изъяснялись по - Нѣмецки, не одного опечесства дѣши. Въ срединѣ сидѣвшій былъ спарець. На опкрышой головѣ его небольшой рядъ серебряныхъ волосъ, временемъ сбереженныхъ, образовалъ вѣнокъ; бѣлая, какъ лебѣжій пухъ, борода падала на грудь. Лице его дышало благоспынею. По видимому, онъ былъ слѣпъ. Широкая пепельнаго цвѣща одежда его, похожая на епанчу, съ длиннымъ, переклнушымъ назадъ кашшо-

номъ, была опоясана ремнемъ. На груди имѣлъ онъ маленькое, хрустальное Распятіе, въ которомъ солнышко, прокрадываясь сквозь листья деревъ, по временамъ играло. Обувь его походила на сандаліи. Двумя изсохшими руками держался онъ за ручку вѣтхой скрипки, приклоня голову на край ея, а другой конецъ опирая на колѣна. По правую сторону сидѣлъ крестьянинъ, похожій на Пѣмецкаго мызника, лѣтъ пятидесяти, или безъ малаго: онъ былъ безъ верхняго плащя, въ длинномъ камзолѣ изъ шонкаго краснаго сукна, съ рядомъ блестящихъ пуговиць, въ синихъ корешкахъ исподнихъ плащяхъ, пестрыхъ чулкахъ и башмакахъ съ спальными пряжками. Русые съ просѣдью волосы его подбирались со лба назадъ и сдерживались роговымъ гребнемъ. Лице его было полно и румяно, какъ осень; движенія и разговоръ его — свободны какъ сама природа. Онъ былъ скучень. Левую сторону скамейки занималъ высокаго

роста мужична, крѣпко и стройно сложенный. Если - бѣ надобно было отгадывать его лѣта, то по пріятнымъ, тонкимъ чертамъ его смуглаго лица, по огню его карихъ глазъ, не лѣзя было - бѣ ему дать болѣе 50 лѣтъ; по проведенные по возвышенному челу его глубокіе слѣды размышленія, работы сильныхъ спраспей, или угнетенія гнѣвной судьбы, предупредивши время, накидывали въ счетъ лѣтъ его еще нѣсколько. Съ открытой головы его бѣжали обильно на плечи кудри, черные, какъ вороново крыло. Борода у него была обрѣта. Верхняя одежда его изъ грубаго сѣяго сукна походила на Венгерскую куршку; камзолъ и исподнее плашье, такого же цвѣта, были Нѣмецкаго покроя; гибкій спань опоясывался чернымъ кожанымъ ремнемъ съ мѣдною пряжкой; ноги до самыхъ башмаковъ обрисовывались узкими Шведскими шпиблѣтами. Онъ былъ весь превога: то погружался въ глубокую задумчивость, то вдругъ

вспрепенувшись, какъ будто пораженъ былъ ожидаемымъ вѣсповымъ звукомъ, прислушивался съ жаднымъ вниманіемъ; по вспаваль, прохаживался по цвѣшнику быспрыми шагами, посмаприваль на дѣвущку, сидѣвшую на балконѣ, и опять садился. Казалось, ошъ нея долженъ былъ онъ услышать роковое для него слово: однако-жъ навѣрно можно было догадаться, что это не было слово любви; ибо въ глазахъ его выливалось перпѣніе души безпокойной, груспной, кошорой предметъ былъ далекъ, а не изьясненія пѣжнаго чувспвованія предмету видимому. Съ лѣвой спороны скамейки приспавлены были къ ней складпой спуль и какой-то продолговатый, неглубокій ящикъ, съ придѣланными къ нему ремнями, вѣрояпно служившими для подпятія и нбски его. Напрошивъ лавки лежалъ, развалившись на правѣ, огромный дѣшина, вершковъ шеспнадцати вышины, плечиспый, сушуловатый, но не опвращительной наружности. Это была

олицетворенная доброта. Русые волосы его, небрежно распущенные по плечамъ, сѣрый кафшанъ изъ *ватмана**, хопя и поньше обыкновеннаго, башмаки безъ подошвъ изъ желшой кожи, спянушые, а не сшитыя, обличали въ немъ природнаго Лифляндскаго домочадца, или челоуѣка, его предспавлявшаго. Онъ ничего не говорилъ, но объяснялся движеніями рукъ такъ хорошо, что его всякой могъ понимать.

— Что съ тобою сдѣлалось, Бапшисшъ? сказалъ слѣпецъ, обращаясь къ сидѣвшему по правую руку его.

— А что такое? опвѣчалъ сухо вопрошаемый.

— Какъ что! ты нынче не разговорчивъ, какъ духъ долины, или нашъ нѣмой.

— Эхъ, Коирадъ! ты не вѣдаешь моего горя: цѣлые пять круговъ сыру не удались, хопь брось ихъ, а все по милоспи моей Розки. Съ пѣкопораго времени, Богу

---

* Грубое Лашышскаго издѣлья сукно.

извѣстно, что съ нею дѣлается: за что ни примешся, валился все изъ рукъ! А кажешся, ты знаешь, Швейцары не любяшь хвастаться; мать ея считалась во всей округѣ Лозанской первою молочницею; да и въ дѣвчонкѣ видѣнь былъ прокъ. Нынѣ же говоришь ей, не слышишь; полкуешь, не понимаешь; сама говоришь, пушается. Бывало, рѣзвился и прыгаешь, какъ вольная козочка нашихъ горъ; теперь бышь бы ей одной, да задумываешь, какъ Пасторъ надъ сочиненіемъ проповѣди.

— Не больна ли она чѣмъ? Чадолубивая Природа открыла мнѣ нѣкоторыя тайныства свои на пользу моихъ ближнихъ, и я постарался бы изцѣлить ее.

— О! кабы такъ, не помѣшкавъ, приступилъ бы я къ тебѣ съ просьбою помочь моему дѣпищу, кошорое, послѣ смерти матери своей и въ разлукѣ съ моею родиною, замѣняло мнѣ ихъ. Я знаю, какъ ты допochenъ на эти дѣла. Давно ли ты избавилъ меня отъ смерти?

Порѣзавъ себѣ косою ногоу, я обливался кровью; самъ господишъ Блуменпроспшъ не могъ оспановишъ ее: шебя подвели ко мнѣ; ты обмокнулъ безыменшый палець правой руки въ кровь мою, пекущую ручьемъ, написалъ ею на лбу моемъ какія-то слова...

— *Совершишася.*

— И кровь оспановилась. Помню, какъ добрый господишъ всилеснулъ руками, ахаль, пожималь плечами, обнималь шебя и обѣщаль шебѣ груди золота за отккрышя твоей тайны.

— Я не согласился тогда; но скоро, скоро придетъ время сдать ее и многія другія нашему общему благодѣтелю. Не хочу, чшобы онѣ умерли со мною. Да мы говорили о бѣдной Розѣ! Спрашиваль ли ты ее хорошенько, чшд у нея болишъ? не шоскуешъ ли она по опчизнѣ?

— Спрашиваль, и шолько слышаль: такъ, бапюшка! ничего-съ, бапюшка! пѣшъ-съ, бапюшка!

— Спранко! (Тутъ слѣпецъ вздохнулъ глубоко.)

— Вопь мы ее поспавили караульщицею на балконъ, а она, когда-бъ ты видѣлъ, сидишь повѣся голову на грудь, какъ убишяя пшичка. Ну право, я распрощаюсь скоро съ добрымъ господиномъ Блуменпросомъ, возьму копомку за плеча и ушащу Розку въ свою Вельштинскую долину, въ Божію землю, гдѣ нѣтъ ни войны, ни печали, ни угнетенія: можешъ бышь, она разцвѣшетъ опяшь на свободныхъ горахъ ея, подь солнцемъ полудня.

Слѣпецъ еще вздохнулъ и примолвилъ, паспронвая свою скрипку: — Сдѣлаемъ послѣдній опышь! — Сладивъ спрой бѣднаго инструмента своего, онъ заигралъ Швейцарскую пѣсню: *Rance de vache*. Первые звуки ея заставили Бапписта запрепешать; онъ вскочилъ со скамейки, попомъ зарыдалъ, и наконецъ, не въ силахъ будучи выдержать доски, спѣснявшей его грудь, вырвалъ скрипку

изъ рукъ слѣпаго музыканша. Роза, казалось, не слыхала пѣсни родины.

— Чшо Роза? спросимъ слѣпецъ.

— Роза? вскричалъ, всхлипывая Швейцарецъ, смотря на нее: она... не дочь моя!

Нѣмой упираетъ себѣ глаза рукавомъ. Онъ плакалъ ошъ того, чшо другіе плакали. Слѣпецъ ничего не говорилъ, поникнувъ грустно головой. Въ это время младшій шоварищъ, прежде сидѣвшій съ ними на одной скамейкѣ, и шеперь прохаживавшійся по цвѣшнику, взглянулъ на балконъ, и увидя, чшо Роза вмѣсто того, чшобы исполнять должность караульщицы, сидѣла въ горестной задумчивости, изъ которой не могли, какъ онъ слышалъ, испоргнуть ее родные звуки, подошелъ къ балкону и произнесъ пошохоньку одно слово: *Фишерлингъ*, шакъ чшобы оно шолько до нея дошло. Дѣвушка ошъ этого магического слова вспрепенулась, осмошрѣлась вокругъ себя; покраснѣла, увидѣвъ подъ балкономъ

свидѣшля ея душевной слабости; взглянула на *возвышеніе креста*, съ испугомъ закричала: *Знамя!* и бросилась бѣжать во внутренность дома. Явившись въ цѣвѣшникѣ, она остановилась передъ собесѣдниками, какъ преступница. Отецъ сурово посматрѣлъ на нее; убійственный взоръ его говорилъ: *ты не Швейцарка!* Видно было, что Роза собиралась плакать; по черноволосый мужчина быстро и крѣпко схватилъ ее за руку и увлекъ за собою. У забора къ споронѣ роши былъ спускъ внизъ, въ какой-то каменный подвалъ. Могучею рукою распахнулъ онъ желѣзныя двери, на одной половинѣ которой висѣлъ огромный замокъ, и втолкнувъ дѣвушку въ подвалъ, сказалъ ей: »Узнай все вѣрнѣе и скорѣй! Если ты ужъ этого хорошенько не исполнишь, что скажешь, что подумаешь о тебѣ господинъ Фишерлингъ?» Глаза его въ это время блистали, какъ огонь зарницы въ удушливой атмосферѣ; слова его казались бѣдной Розѣ громомъ, ужаснымъ,

хотя еще издали гремящимъ. Исполненіе ихъ было бы для нея смерщымъ ударомъ. Она скрылась, и черноволосый спалъ на спражѣ, какъ изваянный геній, прикованный къ гробницѣ.

Пока все сіе происходило на мызѣ господина Blumenпроста, Фрицъ, сообразно мѣстоположенію, стратегически расположилъ свои дѣйствія. Надобно сказать прежде объясненія ихъ, что мѣсто, гдѣ расположилось наше странствующее общество, было довольно далеко отъ края роши, начинавшейся посреди холма, примыкавшей съ одной стороны къ ущелью привидѣнія и простиравшейся назадъ на неопредѣленное разстояніе; ибо чѣмъ далѣе взоръ въ нее углублялся, тѣмъ болѣе учащали для него преграду деревья и сѣпи ихъ зелени. Мимо лагеря нашихъ путешественниковъ проходила сквозь рошу тропа, мало пробитая, кошорая вела, по видимому, изъ Адзеля и спускалась съ холма на Маріенбургскую дорогу. Мы видѣли, что каре-

ша спала въ долину шамъ, гдѣ рѣчка и подножіе холма сходились угломъ. Лошадей привязалъ кучеръ къ деревьямъ, въ недалекомъ разстояніи, и задалъ имъ овса, которымъ запасся на дорогу; попомъ перескочилъ но камнямъ черезъ рѣчку, пробрался сквозь рощу, въ которой, сказали мы, перялась но косогору дорога въ Менценъ, проползъ по обнаженной высотѣ за крестомъ, и у мрачной ограды сосноваго лѣса, къ сторонѣ Мариенбурга, вскарабкавшись на дерево, котораго вершина была обожжена молніею, привязалъ къ нему красный лоскутъ, непримѣнный съ холма, гдѣ были наши путешественники, но видный вкось на мызѣ. Волнующееся знамя было оставлено въ семь положеніи на нѣсколько минутъ. Снявъ его, Фрицъ спустился проворно на землю, пробрался шѣмъ же путемъ назадъ, подошелъ къ лошади нашего Цейгмейстера, разстегнулъ небольшой чемоданъ, висѣвшій у сѣдла, пошарилъ вездѣ и вынулъ кувертъ. Онъ былъ запечатанъ,

но сургучъ печати былъ такъ худъ, что удобно ломался. Не думавъ много, ку- черь пзломалъ печать, положилъ крош- ки сургуча въ камзолъ, заспегнулъ по прежнему чемоданъ и держа крѣпко въ рукахъ сокровище свое, нырнулъ въ страшное ущелье. Здѣсь, слѣдя глазами извѣстные ему примѣны, онъ пролѣзаль ужемъ сквозь кусты, перескакиваль че- резъ пни, какъ лань, и задыхаясь очу- тился наконецъ у огромнаго, бурю разо- рваннаго дерева, далеко уронившаго косматый верхъ свой опъ дупловашаго корня, и шамъ, гдѣ преснуло оно, вы- ставившаго два острые клыка, повыше коихъ свѣпились два опверстія на по- добіе глазъ. Кругомъ возвышались спо- лѣшніе вязы, кои, дружно размахнувъ на жилисныхъ вѣшвахъ своихъ широ- кошѣнные щипы, заслонили опъ сего мѣста солнечный свѣпъ и содѣлали оное царспвомъ мрака и ужаса. Между де- ревями и дупломъ кое-гдѣ порчали — памятники великаго земнаго поворо-

па — огромные, красноватые, будто кровью обрызганные камни, до половины вросшіе въ мохъ и представлявшіе разные уродливые образы. Ни одна пшашка не смѣла здѣсь показаться, не только оживишь сію пустыню своими пѣснями. Только изрѣдка шелестъ листвьевъ, превожимыхъ вѣтромъ, и пресмыкающихся живошнихъ, казался шепотомъ злодѣйскаго заговора; лишь по временамъ шуркалъ перелетъ филина, и крикъ его, или скрипъ сухихъ деревъ, какъ стоны умирающаго подъ ножомъ разбойника, жалобно раздавались. Окрестные жители разглашали о семь мѣстѣ много дивныхъ ужасовъ, копорыхъ и собою долю не рассказалъ Фрицъ нашимъ путешественникамъ.

Онъ оспорожно поспучался палочкой въ дупло разъ, попомъ два, наконецъ при раза. *И*: произнесъ изъ дупла шопкой голосокъ. *Лі* — : отвѣчалъ конюхъ. — *Я*: продолжалъ прежній голосокъ. — *Муромецъ!* сказалъ отрывисто

впорою. Вслѣдъ за эшимъ словомъ выско-
чила изъ дупла Швейцарка. Глаза ея бли-
сали въ сумракъ, какъ ночью два свѣш-
ляка на распускающейся розѣ. — По-
рядочно я васъ дожидалась, господинъ
Трейманъ! сказала дѣвушка испорчен-
нымъ Нѣмецкимъ языкомъ. — »Не могу
же я бѣгать, какъ ты, Швейцарская ко-
зочка! мнѣ уже подѣ шестьдесятъ, Роз-
хень! Да скажи мнѣ, здѣсь ли нашъ моло-
дой старшина?«—Вы говорите о господинѣ
Фишерлингѣ? отвѣчала она, смущив-
шись, и лице ея вспыхнуло, какъ шапшійся
долго пожаръ; потомъ, оправившись не
много, она продолжала: Онъ былъ вчера
здѣсь... ждалъ васъ съ неперпнѣемъ и
уѣхалъ вчера же. Мнѣ нѣкогда съ вами
распѣвать. Угрюмый Шведъ приказалъ
узнать о новостяхъ: кажется, онъ го-
шовъ былъ перешвырнуть меня къ вамъ,
какъ мячикъ; а теперь того и гляди, что
прибѣшь меня, если я не скоро явлюсь
къ его милости. — »Передай ему эши
бумаги и скажи, чшобъ онъ списалъ

ихъ поскорѣе, прислалъ съ шобою же не медля, и пришелъ съ шоварищемъ на Адзельскую пропу; мимоходомъ шепни ему-жь, что звѣзда вечерняя — невѣста, дорожный сполбъ — женихъ: пускай дѣлають они изъ этого, что хошяшь! Опца попроси, чшобъ онъ спалъ въ шагахъ пшшдесаши опсюда съ заряженнымъ ружьемъ. Не забудь бы мнѣ чего. Да, да, приведи съ собою *Нѣмаго*. Теперь все.»

Дѣвушка ничего не отвѣчала, кивнула ему дружески и юркнула въ дуло. Фриць дожидался ее не безъ сердечнаго волненія, и между шѣмъ говорилъ самъ съ собою такимъ образомъ: »Ну, если вздумается проклятому пушкарю сойдши въ долину къ одру своему и осмошрѣшь чемоданъ? Пропалъ я шогда! Вульфъ прихлопнешъ меня на мѣспѣ, какъ комара, и не дасъ разу пискнушь. По крайней мѣрѣ, въ послѣднѣй разъ дохну, служба моему господину, какъ приказывалъ мнѣ ему служишь

умирающій отецъ его. Не своему бр-шу, знашному дворянину, поручалъ онъ сына со смертнаго одра своего; нѣтъ, онъ поручилъ его слугѣ, дядкѣ, зная, что никто болѣе меня любишь его не можешъ, что десять ножей прошиву сердца эшого служителя не вынудяшь у него измѣны.» Фрицъ казался пронупымъ; глаза его были мокры. »Не кшапи разнѣжился ты, старикъ! — примолвилъ онъ, упирая глаза руковою: кремень долженъ высѣкашь огонь, а не воду. Господинъ мой шрудился для блага своей родины, я для него: Богъ намъ помощникъ! Ахъ! кабы Творецъ Милосердый выбросилъ изъ сердца его одно злое сѣмя... Пускай проказничаетъ онъ со Шведами, какъ хочешъ; здѣсь доброе намѣреніе, устройшь судьбу его бр-шьевъ Лифляндцевъ, какъ онъ говоришь: вѣрю ему, и гошовъ съ удовольствіемъ положишь за него жизнь свою въ энихъ проказахъ. Но... въ дѣлахъ любовныхъ, боюсь сердца его, мяг-

каго, какъ воскъ, и шакже, какъ оно, измѣнчиваго; боюсь, чшобы онъ не скушаль бѣдной овечки! Чшо будешь погда съ несчастнымъ опцемъ? чшо будешь со мною? . . .»

Съ этими словами Фрица одолѣла вѣщая грусть; но вскорѣ, принявъ ^{бодры} добрый видъ, онъ положилъ крестообразно руки на повалившееся дерево, припаль ухомъ ко лню и сдѣлался весь слухъ и вниманіе. Минуть черезъ пятнадцать вынырнула опять изъ дупла пригоженькая посланница. Щеки ея горѣли; грудь сильно волновалась; стоя возлѣ нея, можно было считашь біенье ея сердца. За нею съ трудомъ выползъ *Нѣмой*, пыхтя, какъ мѣхъ; онъ обняль дружески Фрица и погрозился пальцемъ на Розу. — »Какъ успало милое дитя!« сказаль конюхъ, поведя одною рукою по лбу Швейцарки, а другою принимая опъ нея кувершь. — Скоро ли я пришла? спросила она. — »Ты не шла, а вѣрно лепѣла, какъ пшичка. Чшо Шведъ?« — Писаль, черпцль

чшо-шо съ вашихъ бумагъ и пошались поварища, куда вы назначили. Бѣдный! онъ навѣрно старинушку понесеть, какъ насухъ хворую овечку, а по, куда слѣпому? и зрячему за нимъ не поспѣшь! — »Гдѣ швой ошець?« — Спосишь на караулѣ. — »О! да я его вижу сквозь сучья; онъ киваетъ мнѣ головою, добрый старикъ! Здорово, здорово!... Спупай же къ нему, Розхень, и скажи, чшобы онъ, какъ скоро увидишь красный значокъ Нѣмаго на *высотѣ креста*, попчасъ выспрѣлилъ изъ ружья по воздуху и немедленно ворошилъся домой. Прощай, милое дитя! Богъ и Ангелы Его съ побою: да избавяшь они тебя опъ злаго искушенія!... Но ты поблѣднѣла, Роза? не дурно ли тебѣ опъ бѣганья и жару?« — Ничего, шакъ, ничего... пройдетъ! сказала она, щипля рукою передникъ свой. Фриць глубоко вздохнулъ и примолвилъ, качая головою: »Хорошо-бѣ, если прошло! Прощай!« Онъ поцѣловалъ дѣвушку въ лобъ, мах-

нуль рукою дюжему Лапышу и погрузился съ нимъ въ чащу лѣса. По примѣшамъ, которыя Нѣмой еще лучше зналъ Фрица, ибо ни разу не останавливался, служа уже ему вожаемымъ, они пришли къ лошадямъ. Здѣсь конюхъ поднялъ глаза къ небу, чшобы благодарить его за что-то, расстегнулъ вьюкъ, положилъ кувертъ съ крошками рассыпавшейся печати на прежнее мѣсто и, опять застегнувъ вьюкъ, перевернулъ его вмѣстѣ съ сѣдломъ на бокъ лошади; потомъ вынулъ изъ чушки пистолешь, разрядилъ его бывшимъ у него инструментомъ, положилъ его по прежнему, высккъ огонь изъ огнива, которое имѣлъ съ собою, прожегъ и разодралъ низъ чушки. Все это было дѣломъ минушь пяци, не болѣе. Лошади были напоены; изъ нихъ Вульфова вручена Нѣмому съ особенными, спрожайшими наставленіями. Смѣшливый Нѣмой кивалъ только и, вдругъ принявъ важный видъ, черкнулъ себѣ пальцемъ по шеѣ, какъ буд-

то желая дать знать, что онъ отвѣ-
чаетъ за исполненіе головою. По распо-
ложеніи такимъ образомъ плана, давно
придуманнаго, конюхъ спѣшилъ опнести
дорожные припасы къ путешественни-
камъ нашимъ.

Глава шестая

ПОВѢСТЬ СЛѢПЦА.

Гони природу въ дѣре, она влетитъ въ окно!
Дмишрѣвъ.

Солнце едва сдвинулось съ полуденной почки; палящій зной, ослабѣвая неприемлемо, былъ еще несперимъ. Намешъ, подъ кошорымъ опдыхалъ Паспоръ, не раскрывался. Дѣвица Рабе рассказывала Вульффу, какимъ образомъ, послѣ двадцатилѣтнихъ спранспвій и бѣдъ, наградилась вѣрная и нелицемѣрная любовь *Свѣтлѣйшей Аргениды*, и вдругъ остановившись, начала прислушиваться.

— Чшо вы, сесприца? спросилъ Цейг-
мейсперъ.

— Голоса человѣческіе! опшвѣчала она:
съ Адзельской спороны!

— Милосни просимъ; опшуда неко-
му бытъ, кромѣ пріятелей. Впрочемъ я
ничего не слышу. Не обмануль ли васъ
вѣшерокъ? Правда, теперь и до моего уха
чшо-шо коснулось.

Въ самомъ дѣлѣ сначала невнятно до-
лешалъ до слуха ихъ смѣшанный го-
воръ, какъ ропшъ вѣшерка въ ли-
спахъ, потомъ спалъ яснѣе и громче,
и наконецъ показались по пропѣ изъ
Адзеля два человѣка, медленно по ней
шедшихъ. Наружность ихъ возбудила
вниманіе дѣвицы Рабе. Эшо были слѣ-
пецъ и черноволосый. Послѣдній дер-
жалъ въ правой рукѣ круглую шляпу,
между шѣмъ, какъ другая рука служила
спушнику вожапаемъ и опорю. Онъ съ
видимымъ шерпѣніемъ укорачивалъ шаги
свои, соразмѣряя ихъ съ ходомъ спарца.
Ящикъ и складной спуль были прикрѣп-

лены на спинѣ его широкими ремнями, копорые креспомъ перехвапывали грудь и заспегивались напереди двумя мѣдными пряжками. Сверху спула висѣла еще небольшая копомка. Поравнявшись съ дѣвицею Рабе и Вульфомъ, онъ привѣпливо имъ поклонился. Воспишаница Паспора просила жениха своего пригласить спранниковъ закуситься съ ними, чшобы не упустишь случая, какъ она говорила, сдѣлать удовольствіе ея воспишанелю. вмѣсто отвѣта, Цейгмейсперь спѣшилъ перехвапить пупникамъ дорогу.

— Добрые люди! произнесъ онъ, обратившись къ нимъ: вамъ жарко теперь идти. Не хопите ли отдохнуть съ нами и раздѣлите нашу походную шрапезу?

— Благодарю васъ, господинъ офицеръ, за себя и моего шоварища! отвѣчалъ младшій пупникъ. Мы поднялись недавно и хопѣли только пробраться черезъ рошу, чшобы на концѣ ея при-

сѣсшь. Съ удовольствіемъ принимаемъ радушное предложеніе ваше и прекрасной госпожи, которой, какъ я замѣнилъ, вы посланникъ. Товарищъ! — продолжалъ онъ съ нѣжною заботливостію, обратившись къ слѣпцу: — мы пойдемъ теперь безъ дороги; берегись оступиться.

Слѣпецъ, крѣпко прижавшись къ рукѣ своего проводника, побрелъ еще медленнѣе. Неперпѣливая дѣвушка спѣшила къ нимъ на встрѣчу, подхватила старика за руку съ другой стороны, и провела его къ мѣсту своего опдыха, приговаривая между шѣмъ: Сюда, сюда, дѣдушка, на эти подушки; тебѣ здѣсь будешь покойнѣе.

— Голось... шочно знакомый! сказалъ встревоженный слѣпецъ, прислушиваясь къ рѣчамъ дѣвицы Рабе, какъ будто стараясь припомнить, гдѣ онъ его слышалъ. — Голось Ангела! куда бы не пошелъ я за нимъ? Сяду и буду дѣлать, что тебѣ угодно. Господь да

пошлешъ шебѣ свое благословеніе и да возвеличишъ родъ швой, какъ возвеличилъ родъ Сарры и Ревекки!

Товарищъ его оспорожно снялъ ношу свою, приставилъ ее къ дереву, молча поклонился еще разъ Вульффу и невѣстѣ его. Все общество расположилось, по удобности или по вкусу, кто на подушкахъ изъ карешы, кто на муравѣ. Слепецъ, сидя на двухъ подушкахъ, вышался надъ всѣми цѣлою головою: казалось, старость предсѣдала въ совѣстѣ красоты и мужества.

— Откуда вы, добрые люди? спросила Рабе.

— Мы не знаемъ, откуда и куда идемъ, ошвѣчалъ слепецъ, а придемъ, куда всѣмъ, Царю и селянину, бѣдному и богатому, назначена общая госпниница.

— Мы, просто, странники — подхващилъ черноволосый: идемъ изъ Адзеля въ Менценъ, отсюда проберемъ, куда глаза взглянутъ и сердце позовешъ.

— Чѣмъ же вы живете? спросила опять дѣвица Рабе.

— Искусствомъ нашимъ, ошвѣчалъ черноволосый: я играю на гусяхъ, повариха моя на скрипкѣ и поетъ.

— Попавъ на эту бѣдную землю, продолжалъ слѣпецъ, всѣ мы живемъ для того, чтобы дожить; но выполнимъ этого не можемъ, не нося пягопы одинъ другаго. Онъ помогаетъ слѣпцу ходить; мы другъ друга ушѣшаемъ бесѣдою и дружбою; оба, по возможности нашей, доставляемъ другимъ удовольствіе, и за это награждены. Такова въ мѣрѣ въ разныхъ видахъ круговая порука!

— О, да ты и мудрецъ, какъ я вижу! возразилъ Цейгмейсперъ.

— Много чести, господинъ! Бродя по бѣлому свѣту, видѣвъ много людей, изучая природу, можно кое-чему научиться. Впрочемъ въ великой книгѣ Того, Кто единъ премудръ, мы читаемъ еще по указкѣ.

— Ваша родина? спросила дѣвушка.

— Обоимъ намъ родина Швеція, отвѣчалъ слѣпецъ.

Капитанъ пожалъ руку старика такъ, что онъ поморщился, и воскликнулъ : — Камрады - соотечественники ! не одного ли поля ягоды ?

— Я изъ Торнео, а товарищъ мой изъ Выборга.

— Мое же гнѣздо судьба свила почти на перепутьѣ этихъ мѣстъ, именно въ Абовѣ. Я центръ, какъ вы видите, а вы, фланги мои, опныиѣ должны поступить ко мнѣ въ команду, и пошому...

— Прошу заранее уволить насъ отъ этой чести. Одинъ, дряхлый, будешь, отспавашь, другой, можешь быть, погорячсися и уйдешь впередъ, и ваша линия разстроится.

— Доннер-вештеръ ! онъ разсуждаетъ, какъ старый капитанъ. Ваше имя и прозваніе ?

— Мы люди простые, и пошому насъ просто зовушъ : меня Конрадомъ изъ

Торнео, его Вольдемаромъ изъ Выборга. Думаю, что энцими именами попребуютъ насъ въ день послѣдняго суда; развѣ тамъ прибавятъ къ нимъ, по дѣламъ нашимъ, новыя прозванія!

— Не въ лѣсу же выросли вы, какъ дождевикъ! Вѣрно, были у васъ отецъ и мать? Кто швон, молодецъ?

— Я родителей моихъ не зналъ, отвѣчалъ Вольдемаръ: впрочемъ повѣсть сиротства, бѣдности и нужды не можешь быть занимательна ни для война, который все это почитаетъ вздоромъ, ни для прекрасной госпожи, начинающей только жить.

— Но ты много спрашивовалъ, много видѣлъ? продолжалъ вопрошать Цейтмейсперъ такимъ тономъ, какимъ членъ Комисіи военнаго суда отбираетъ по пунктамъ отзывы отъ своего подсудимаго.

— Я и теперь подъ чужимъ небомъ; видѣлъ людей, которые вездѣ одинаковы, возразилъ младшій музыкантъ, не-

плодовишый на опвѣшы и примѣшно несклонный къ опкровенности. Голосъ его въ эпомъ возраженіи опзывался какою-то раздражисельноспію характера, несогласною съ наружноспію смиреннаго спранника.

— Опвѣшь корошокъ и убѣдиселень, какъ прикладъ часоваго, поставленнаго у поста, куда одни избранные, съ паролемъ, имѣюшь право входисъ. Дозволь, по крайней мѣрѣ, спросисъ тебѣя, камрадъ: давно ли ты ссавилъ Швецію?

— Лѣшь... если не ошибаюсь... десяшокъ.

— Сполько, сколько Греки осаждали Трою! Вѣрояшно, сильное время, походы, удары непріательскіе спѣрли съ орудія Шведскаго надписъ, гдѣ оно вылипо, и прочее и прочее. Я разумѣю, что время, спранспвія, несчаспія твои, Вольдемаръ, могли испребисъ опечесство изъ памяши и сердца. Ты молчисъ? — Да! опечесство.

До сихъ поръ Вольдемаръ сидѣлъ нѣсколько согнувшись, опустивъ голову на грудь; пасмурное лице его выражало глубокую задумчивость, изъ копорой выводилъ его только сильный голосъ вопрошающаго, способный, кажется, возбуждать и мертвыхъ отъ сна; иногда улыбка бродила по блѣднымъ устамъ его; однако-жъ видно было, что приличіе выдавливало ее на нихъ безъ согласія сердечнаго, или лукавство приправляло ее насмѣшкою своею. При повторенномъ словѣ: *отечество*, вся сила души его вылилась наружу, какъ будто въ эпосѣ роковомъ словѣ заключалась единственная власть, могущая приводить ее въ движеніе. Онъ запрепешалъ; глаза его засверкали, какъ мрачная пуча образившею ее молніею; лице его, доселѣ помертвѣвшее, оживилось пробѣжавшимъ по немъ румянцемъ; спань его распрямился; изгладилась слѣды бѣдствій съ чела его и замѣнились печашью возвышенныхъ чувствованій. »Отечество?...

Помню ли я его? люблю-ль его?...» произнесъ сшранныкъ — и не смолря, что голосъ его дрожалъ, онъ казался грознымъ вызовомъ тому, кто осмѣлился бы оскорбить его сомнѣніемъ въ любви къ родинѣ. Но вдругъ, будто испугавшись, что высказалъ слишкомъ много, онъ погрузился опять въ то мрачное состояніе, изъ кошораго магическое слово вывело его.

— Труба военная не краснорѣчивѣе своего голоса пропшубила бы ашпаку передъ рядами непріятельскими! воскликнулъ Цейгмейстеръ, и пошрепалъ дружески Вольдемара по плечу. — Этому коню не нужно давать шпоръ: видно, какой онъ породы. Ни слова болѣе! я себя понимаю. Но добрыхъ сыновъ опечесства, кромѣ любви къ нему, должно воспаменять другое, столь же святое чувство: любовь и преданность къ Государю. Правда, ты оставилъ благословенное Сѣверное царство, когда молодой Государь твой не вступалъ еще на пре-

споль, и ты, вѣроятно, въ спрансп-
віяхъ своихъ не успѣлъ узнать и по-
любишь его.

— Это правда! Меня... не было
погда въ... Швеціи—опвѣчалъ младшій
спранникъ, нѣсколько смутившись и по-
путивъ глаза, которыми боялся, мо-
жешь бышь, встрѣпишься со взорами
его собесѣдниковъ, чтобы они не проч-
ли въ нихъ исповѣди его помышленій.
Попомъ, оправившись нѣсколько, онъ
продолжалъ довольно твердо: — Люблю
Государя своего, какъ могу. Чего хопѣшь
возвышеннаго и поспояннаго опъ спран-
ника? Впрочемъ вы не исповѣдникъ, я пе-
редъ вами не кающійся грѣшникъ, и не обя-
занъ давать вамъ опчета въ дѣлахъ сво-
ихъ, еще менѣе въ своихъ чувствован-
ніяхъ. Придешь, можешь бышь, время;
вы узнаете меня короче.

— Я не имѣю права апшаковать прія-
пельскую форпецію, гдѣ заперлась швоя
пайна! — съ усмѣшкою произнесъ Вульфъ,

и началъ ломать себѣ голову на счесть шаншвеннаго спрачника.

— Всякой челоѡкъ есть загадка, возразилъ слѣпецъ. Добрая госпожа! мнѣ слышалось, вы о чемъ-то спрашивали меня. Мы, люди старые, шугоньки на ухо.

— Нѣшь, дѣдушка, опѣчала Камерина Рабе, бывшая доселѣ внимательною слушательницею разговора, копорымъ жепихъ ея завладѣлъ, и шеперь обрадованная, что ей давали случай бышь участницею въ бесѣдѣ. — Я не спрашивала, хопѣла бы спросить: правда ли, что на родинѣ швоей среди лѣша солнце не садится, а среди зимы не бываетъ дня?

— Правда! Тамъ горнило Божинхъ чудесь. Край эпошь очень, очень далеко опсюда.

— Какъ же ты, слѣпой, сюда зашелъ?

— Персшь Провидѣнія указаль мнѣ друга, и онъ довелъ меня сюда. Юность

любопытна; вижу, опъ нея не скоро опдѣлаешься простыми опвѣтами.

— Да не скоро, дѣдушка! примолвила собесѣдница съ лукавою опкровенностью.

— Вамъ хочешся, добрая госпожа, узнать повѣсть моей жизни. Не всякому ее рассказываю; но — не знаю, почему я полюбилъ васъ такъ много — опъ васъ не ушаю ее.

— Расскажи, пожалуй разкажи, мой хороший, мой добренькой спаринушка!

— »Слушайте - жь. Я родился тамъ, какъ вы сказали, гдѣ среди лѣша солнце, не опдыхая, совершаешь путь свой, гдѣ нѣсколько зимнихъ дней — круглая ночь, какъ для слѣпца всѣ дни жизни его. Опець мой, бѣдный ремесленникъ, жилъ въ деревушкѣ близъ Торнео: онъ выдѣлывалъ кожи дикихъ звѣрей; мапери я никогда не видалъ. Я былъ у него одинъ, какъ перспъ. Природа спранно создала меня: въ шѣ лѣша, когда другіе рвуть играючи цвѣпмы на лугу жизни, я бѣ-

галь дѣшскихъ игрѣ, я ужь задумывался и, превожимый непоняшнымъ чувствомъ, искалъ чего-то, самъ не зная чего. Опроку, дома мнѣ было шѣсно, мнѣ было душно. Въ прогулкахъ своихъ я не любилъ ходишь по спокойнымъ пробитымъ дорогамъ; нѣшь, я спарался бышь шамъ, гдѣ слѣда человѣческаго не видно, кромѣ моего, куда можно было пройди съ опасеніемъ упасшь и погибнушь или съ радостною надеждой бышь шамъ первымъ. Какъ векша, вскарабкивался я не рѣдко на одинъ любимый ушесъ мой, выдавшійся въ море. По цѣлымъ часамъ сиживалъ я на скалѣ, по взорами скользя по необозримой равнинѣ водѣ, спокойныхъ и гладкихъ, подобно спклу, по любуясь, какъ волны, сначала едва примѣшныя, рябѣли, вздымались чешуей, или перекашывались, подобно ниши жемчужнаго ожерелья; какъ онѣ вспревоженные, кишѣли ошъ яросши, пошомъ, въ видѣ стаи морскихъ чудовищъ, гнались другъ за другомъ, опрясая бѣлыя космы свои,

и наконецъ росли выше и выше, на подобіе великановъ, стремились ко мнѣ съ снономъ и ревомъ, ширялись въ блестящихъ ризахъ своихъ; казалось, хотѣли обхвапшиъ меня своими объятіями, которыхъ хладъ я уже ощущала, и ударяясь объ утесъ, ропотно исчезали. Опъ домашней прापезы убѣгалъ я сморѣшь на радужную игру сѣвернаго сіянія. Когда другіе спали крѣпкимъ сномъ, въ полуночныя часы спѣшилъ я украдкою, съ шрепешомъ сердечнымъ, какъ на условленное свиданіе любви, проводишь упомянутое солнце въ раковинный дворець его на дно моря и опяшь въ по-жь мгновеніе встрѣпшишь его, освѣженнаго волнами, въ новой красотѣ начинающаго пупъ свой среди розовыхъ облаковъ утра. Сколько разъ въ тиши осенняго вечера, одинъ подъ опкрытымъ небомъ, усяншимъ звѣздными очами, освѣщеннымъ великолѣпнымъ ночникомъ міра, перялся я умомъ и сердцемъ въ неизмѣрности этой пустыни, исполненной

величія и благоспи Творца! Въ сіи дивныя, паниспвенныя мгновенія никто не мѣшалъ мнѣ бесѣдовать съ моимъ Богомъ. Я забывалъ тогда домъ, деревню, опца, все, что только знавалъ опъ рожденія; мнѣ казалось, я былъ одинъ въ свѣтѣ; я сбросилъ съ себя въ прахъ земную оболочку: мнѣ было такъ легко, такъ сладоспно... изъяснить этого никто не можешь; чувствовать же можно только во дни опрочесства, когда демонъ спраспей не разочаровалъ еще нашей жизни. Со слезами на глазахъ засыпалъ я шамъ, гдѣ заспавали меня сіи часы блаженства пеземнаго. На другой день встревоженный опецъ, слѣдя полуночника по мхамъ и кустарникамъ, находилъ меня спящимъ подъ опкрытымъ небомъ. Хищные звѣри могли бы съѣсть меня! За мои побѣги я былъ спрого наказываемъ.

— И по дѣломъ! примолвилъ Вульфъ.—
Лучше было помогать опцу работою и молишься дома, чѣмъ шаматься, какъ

сумасбродный, куда глаза глядяшь, безъ цѣли и пользы. Ты, вѣрно, скоро исправился?

— Вы не отгадали, господинъ! я никогда не исправляся, какъ лоза проспни-ковая, которую можно гнуть, вшопшашъ въ землю, испоргнуть съ корнемъ, а не переломить. Опець мой думалъ по вашему; такъ же разсуждали сосѣды наши, говоря: прежде, нежели на эпомъ маломъ пуковъ десяшь розогъ переломашъ, изъ него ничего добраго не выдешъ. Они не знали, и вы, господинъ, не знаете, какъ шрудно побѣждашь сильныя, врожденныя склонности; вамъ неизвѣсна эша жажда удовлетворяшь имъ, эша грусть, раждающаяся опъ препятствій. Запрещаемое сдѣлалось для меня еще привлекательнѣе: такъ бывашъ обыкновенно. Черезъ нѣсколько времени, все, что я видѣлъ великаго, ужаснаго, прекраснаго въ мѣрѣ, все, что шѣснилось въ грудь мою, я хошѣлъ высказашъ, но высказашъ не прос-

шымъ разговорнымъ языкомъ ; пѣшь , по своему равному , справному характеру своему , я хотѣлъ это выполнитьъ какимъ - то особеннымъ , размѣреннымъ языкомъ , о которомъ далъ мнѣ понять одинъ Англійскій купецъ , прѣзжавшій каждое лѣто въ Торнео и опшуда заходившій всегда въ нашу деревушку для покупки кожъ . Онъ любилъ меня , узнавъ мою склонность къ Поэзии , какъ онъ говорилъ ; давалъ отцу моему хорошіе барыши , чшобы онъ не наказывалъ меня за своевольство ; не рѣдко , въ прогулкахъ своихъ , бралъ меня съ собою и читалъ мнѣ что-то изъ книги . Онъ называлъ ее : *Потерянный рай* . Я ничего не понималъ , но мнѣ было пріятно , очень пріятно его слушать ; не зная языка , могъ я однако-жь съ помощію слуха сказать ему , что онъ читалъ : пѣсни ли Ангеловъ , у престола всевышняго поющихъ Ему хвалу чистаго сердца , или безумный ропотъ бѣснующихся на Творца своего , бунтующій адъ ,

или красные, райскіе дни; я могъ, согласно пониженію или возвышенію голоса, раздѣлять ударами руки моей какую-то правильную мѣру. Часто говорилъ я самъ съ собою, чиналъ вслухъ созданія воспорженной души, повторялъ ихъ и выучивалъ на память. Наконецъ для меня не довольно было, что каршины, мною изображаемыя, казались мнѣ живыми сколками съ природы; не довольно было, что я самъ наслаждался ими: я желалъ, чтобы и другіе чувствовали всѣ красоты ихъ, чтобы они ихъ хвалили. Когда я прочелъ одно изъ своихъ произведеній опцу моему, онъ назвалъ меня сумасшедшимъ и съ угрозами посадилъ за работу; когда я прочелъ его одноземцамъ своимъ, они покачали головою и молча со страхомъ опошли опъ меня, какъ опъ чумнаго. Съ неперпнїемъ ожидалъ я лѣша. Оно прошло, и съ нимъ явился Англичанинъ, который одинъ разумѣлъ меня. Услышавъ мои поэпическія видѣнія, какъ онъ называлъ ихъ, онъ обнялъ

ня крѣпко и, поцѣловавъ въ голову, сказалъ: »Ты Поэшь! въ Лондонѣ, въ Спокгольмѣ поняли бы тебя.« Онъ присовокупилъ, что самъ выучился бы я писать и передавалъ бумагъ творенія свои такъ, чшобы онѣ не умирали. Многое, очень многое говорилъ онъ мнѣ тогда, чего теперь не припомню. Съ того времени слова его безпрестанно опзывались въ моемъ сердцѣ; онѣ не давали мнѣ покоя и во снѣ. Ты Поэшь! швердилъ мнѣ безпрестанно какой-то демонъ. Я не выдержалъ, я бѣжалъ изъ дому родительскаго и направилъ путь мой въ Спокгольмъ. Мнѣ было двадцать лѣтъ. Много странствовалъ я, много терпѣлъ нужды, и за чѣмъ пошелъ, того не нашель. Какъ бродягу, въ Рангедалѣ остановили меня и записали въ солдаты.

— Порядочная холодильня для спиховорнаго жара! прервалъ рѣчь его Цейгмейстеръ. За то съ эпого времени повѣсть швоя начнешь разогрѣваться

воспоминаніемъ солдатской жизни. При-
знаюсь, спарикъ, люблю слушать раз-
сказы изувѣченнаго солдата о труд-
ныхъ походахъ, любимыхъ полковод-
цахъ, жаркихъ сраженіяхъ. Полки дви-
жущся, дѣлясь, спроятся; спрѣлки
впередь — какъ бѣсенята, перекиды-
ваются мячиками; дуру-бабушку съ ко-
спылей долой: мигнулъ ей глазомъ —
пафъ! и заколыхалась колонна непріа-
тельская. Весело сердцу аршиллерійско-
му! Лешучіе смѣшили проказы спаруш-
ки, и понеслись докончить палашемъ,
что начала пушка; поле, какъ мостъ
понтопный, спонешъ и, кажется, зыб-
лешся опъ попома конницы; врѣзались,
смяли, сокрушили, и — наша взяла!
Вивашъ! Здѣсь все жизнь, все движе-
ніе! Вопъ что я люблю послушать, дон-
нер-вешперъ! вопъ погда-то я ушами
вижу, сердцемъ слышу! А что мнѣ до
мяуканья, съ кашлемъ пополамъ, ва-
шихъ спихотворовъ на козыхъ нож-
кахъ:

Фіялочка прелесшна!

Почшо въ лѣсу цвѣшешь?

или:

Она сидишь, она глядишь. . . .

и съ мѣста ни шагу!

— Иному палантъ, иному другой: возразилъ слѣпецъ съ нѣкоторою досадою. Привычка вторая природа. Сколько ни спучи по напянутому на барабанъ пузырю, онъ ничего не издаешъ, кромѣ однообразныхъ звуковъ: прошу не погнѣвашься.

— Старикъ! вскричалъ Вульфъ, какъ порохъ, вспыхнувшій отъ гнѣва. Онъ хотѣлъ что-то присовокупить, но дѣвица Рабе убѣдительно посмотрѣла на него, и слова замерли на его устахъ.

— Оставьте меня слушать занимающую повѣсть старика, сказала она, кивая Цейгмейстеру: онъ для меня ее рассказываетъ.

— Ужъ конечно не для солдата! примолвилъ слѣпецъ съ сердцемъ. На чемъ

бишь мы остановились? Да, помню, помню! Волею, или неволею далъ я присягу Шведскому Королю служишь ему. Казармы, стукъ ружей, приказы грознаго капрала, военныя эволюціи, а иногда и экзекуціи, пробудили меня ошь сладкаго сновидѣнія. Воображеніе мое угасло, сердце одеревенѣло. Земля представилась мнѣ смрадною глыбой; спрашпи, подобно гадамъ, выползли изъ норъ своихъ и окружили меня; кандалы моего существованія влачились по пятамъ моимъ. Слишкомъ восемь лѣтъ былъ я подъ ружьемъ. Начальники называли меня безполковымъ солдапомъ, шоварищи — шюленемъ. Я искалъ ушѣшеній. Въ часы досуга я выучился играть на скрипкѣ у органиста одной изъ церквей Упсальскихъ, гдѣ полкъ нашъ споялъ гарнизономъ. Онь же былъ моимъ учишелемъ чтенія. Первая книга, копорую я уразумѣлъ, была Псалпирь. Горячія слезы, капавшія на сію книгу, исполняли душу мою высшимъ наслажденіемъ;

съ ними я обрѣлъ опять моего Бога. —
Время искуса прошло, и я, за слабостию
зрѣнія, получилъ отставку. Спряхнувъ у
городскаго порога всю нечистоту нево-
ли, я полешѣлъ на родину. Но какъ все
шамъ перемѣнилось! вмѣсто дома опца,
я нашель его могилу. Можете судить,
что я, неблагодарный, безразсудный
сынъ, чувствовалъ, припавъ на нее:
Виновникъ смерти опца — думалъ я —
куда мнѣ было обратиться? Я хотѣлъ
видѣть предметы, некогда мнѣ любез-
ные, и что-жь? море показалось мнѣ
обширнымъ гробомъ; надъ любимымъ
моимъ утесомъ вились вѣще враны, въ
ожиданіи, что привѣпчивая волна пода-
ришь имъ для снѣди оспашки того, что
былъ человекъ; черныя, угрюмыя пучи
заспимали отъ меня звѣздное небо; спонь
вѣпра нашепывалъ мнѣ проклятія опца.
Я спѣшилъ удалиться отъ этихъ ужас-
ныхъ мѣстъ. Долго скипался я по селамъ;
товарищъ, сполько же вѣрный, какъ и
горе, скрышка доставляла мнѣ прощаніе,

пѣсни Божественныя — утѣшеніе. Томимый жаждою познаній, я возвратился, свободный, шуда, гдѣ жилъ по неволѣ. Сначала опредѣленъ я при Упсальскомъ Университетѣ привратникомъ, потомъ, долго ли, скоро ли, сдѣлался въ немъ Спудентомъ. Смѣйтесь, господинъ офицеръ! вы видите передъ собою Упсальскаго Спудента Богословіи и Поэзи!... Мнѣ-ль оскорбляясь вашимъ смѣхомъ: и объ Немъ, чудясь, спрашивали: откуда Ему сіе?... Не уже ли вы никогда не читали въ Писаніи: камень, который опвергли зждущіе, потомъ самый сдѣлался главою угла? Опъ Господа сіе содѣлалось, и естъ дивно въ очахъ вашихъ?... Въ Университетѣ любилъ меня особенно одинъ Профессоръ Томасъ Биръ....

— Извините меня, господинъ Цейгмейстеръ и вы, Фрейлейнъ! сказалъ Фрицъ, подкравшійся къ собесѣдникамъ и начинавшій разкладывать разныя блюда съ закускою, на дорогу запасенною.

— Ты пасъ испугаль, Фриць! прервала его дѣвица Рабе.

— Виновашъ! продолжалъ кучеръ съ лицомъ свѣшлымъ, какъ полный мѣсяць въ морозную ночь, поширая себѣ ладонями по груди, будшо у него что-нибудь тяжелое отходило отъ сердца.

— Я обрадовался, что вижу людей живыхъ въ этой долинь; между шѣмъ услышалъ о Вирѣ и хотѣлъ спросить: не сынъ ли его нашъ Адамъ?

— Сумасшедшій, какъ отецъ его! возразилъ Цейгмейсперь: попъ смотрѣлъ все на небо, предвѣщалъ конецъ міра, и едва ли не уморилъ себя и свое семейство въ богадѣльнѣ; эшошь все смотришь подъ ногами и болтаешь безпрестанно объ усовершеніи рода человеческого!

— Пускай эшо говоряшь шѣ, кошорые сами не видяшь далѣе ядра, пущеннаго напорѣлымъ бомбардиромъ! воскликнулъ слѣпецъ съ негодованіемъ. Да, я знаю Адама; онъ любилъ меня, какъ род-

наго, когда я былъ еще приврашникомъ. Опець его прикрылъ нагошу моего ума и души крыломъ Серафима. Божій человекъ! Онъ былъ добръ, яко голубь, и мудръ, яко змій. Ему дано было свыше уразумѣть шапнсшва Природы, слагашъ слова изъ великихъ буквъ ея, начертанныхъ перспомъ Всемогущаго на небесахъ, на каждой былинкѣ и камнѣ, во взорахъ, на челѣ и рукахъ смершнаго. И это называешъ безуміемъ, вы, слѣпошсшвующіе очами душевными, вы, копорые бошпешъ опорвашъ опъ праха звѣно, приковывающее къ нему духъ вашъ? Перспъ и въ перспи погрязли! Злыхъ злѣ погубишъ ихъ и виноградъ предасшъ инымъ дѣлателямъ, иже воздашъ ему плоды во времена своя.

Грудь слѣпца сильно волновалась; негодованіе перехвашывало слова его; шакже и Вульфъ едва удерживалъ свою досаду. Вольдемаръ, положивъ руку на колено шарика, ласково перервалъ его рѣчь: — Другъ! ты забылъ о своей повѣсти.

— Скоро конецъ ея! я это знаю... Да... помню, помню... я сдѣлался больнѣ. Не извѣстно мнѣ, долго ли спрадалъ я, чѣмъ, куда дѣвался мой благодѣтель, сынъ его, что со мною было; извѣстно мнѣ только, что послѣ моей болѣзни я ослѣпъ. Повѣрите ли, добрая госпожа? съ того времени я весь обновился: казалось, спало съ меня проклятіе отца и съ нимъ бремя жизни; возвратились ко мнѣ первые дни моей юности и съ ними все, что меня обворожало. Слѣпой, я прозрѣлъ. Не однѣ картины прежняго знакомаго мнѣ моря, любимаго утеса, сѣвернаго сіянія и неба, прекраснаго ночнаго неба во всемъ его великолѣпіи, со всею Божьею благодатью обспають меня: часто представляются мнѣ такія дивныя видѣнія, за которыя Цари заплашили бы грудами золота. Вскорѣ Провидѣніе даровало мнѣ новое благо. Вольдемаръ нашелъ меня; гдѣ, не знаю; онъ не покидаетъ слѣнца также, какъ и чудныя видѣнія мои. Я свободенъ, счастливъ.

Чего мнѣ желашь болѣе? Когда же Вѣчный воззовешь меня къ Себѣ, послѣдняя молитва моя, чшобы въ мину- ты смерти просіяло надо мною преж- нее, знакомое небо моей юности, и рука единственнаго земнаго друга захватила на сердцѣ послѣдню искру жизни, сей послѣдній завѣщъ ему любви моей. То- варищъ! гдѣ ты? дай мнѣ руку свою.»

Такъ кончилъ слѣпецъ повѣспованіе свое, и высохшая рука его крѣпко сжа- ла руку вождя и друга.

Глава седьмая

Видѣніе.

*Что прежде сбывлося, то будетъ впередъ,
Огнемъ ты завислилъ, и что тебя ждетъ,
Все знаю! . . .*

Подолинскій.

Дѣвица Рабе слушала Конрада изъ Торнео съ видимымъ участіемъ; неоднократно, въ продолженіе разсказа, слезы навершывались на глазахъ ея. Она выразила свою благодарность съ такимъ добросердечіемъ, кътому-жь въ звукахъ ея голоса было для слѣнца столько могущесшвеннаго, что онъ не раскаивался въ опкровенности своей. Цейгмейшеръ думалъ: не даромъ этого

чудака на родинѣ его называли безумнымъ: въ жизни его не вижу ничего разсудительнаго, основательнаго.

Прекрасная спутница изъявила желаніе посмотрѣть на гусли, ею никогда невиданная, и Вольдемаръ спѣшилъ удовлетворить любопытство ея, не только раскрывъ ихъ, но и объяснивъ ихъ устройство. Вниманіе разсматривавшихъ сей инструментъ привлекла также раскрашенная картинка, приклеенная ко внутренней сторонѣ крышки. На ней грубо изображены были нѣсколько густыхъ деревьевъ, посреди коихъ сидѣлъ въ гнѣздѣ уродъ необыкновенной величины: онъ надувался и выпускалъ изъ огромнаго рта воздухъ на подобіе снопа лучей. Противъ него гордо выѣзжалъ на борзомъ конѣ рыцарь, устремивъ на противника стрѣлу ко натянутому луку. Подъ картинкою начертано было спрокъ до двадцати на неизвѣстномъ для нашихъ наблюдателей языкѣ.

— Ба, ба, ба! вскричалъ Вульфъ. Если-бъ не борода, я принялъ бы молодца на деревѣ за Маіора Трабаншскаго Его Королевскаго Величествва полку, Фейергрока, когда онъ изъ-за бапарен спакановъ и бупылокъ пускаешь въ подспувающихъ къ нему фузекъ табачнаго дыма. Смерть на пуховикъ, если я лгу! Расскажи-ка, любезный, что изображается на этой каршинкѣ и что за тарабарщина написана подъ нею?

— Картина взята изъ Русской сказки: *Илья Муромецъ*, опвѣчалъ Вольдемаръ. Храбрый, великодушный рыцарь, защитникъ родной земли, спариковъ, дѣшей, женщинъ, всего, что имѣешь нужду въ опорѣ храбраго, ѣдешь сражаться съ разбойникомъ, котораго называютъ *соловьемъ*, потому что онъ, сидя въ дремучемъ лѣсу на девяти дубахъ, однимъ посвистомъ убиваешь всякаго, на кого только успрямляешь свое помѣшное орудіе. Подъ каршинкою Русскіе спихи.

— Откуда-жь Шведу могло достаться это малеванье? спросилъ Цейгмейсхеръ.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я самъ былъ въ Россіи.

— Въ Московіи, хочешь ты сказать? Ахъ! это очень любопытно, подхватила съ живосцію собесѣдница.

— Я пошатался и по Россіи — чего не дѣлаешь нужда! — прожилъ нѣсколько лѣтъ въ резиденціи Царя, въ Москвѣ, научился тамъ играть на гусляхъ и языку Русскому у одного школьника изъ духовнаго званія, по нашему Студента Теологіи, который любилъ меня, какъ брата, и когда я собрался въ Швецію, подарилъ мнѣ на память этакія ящички вмѣстѣ съ карпиною, какъ теперь видите. Съ того времени берегу драгоценный даръ Московскаго пріятеля. О! чего не напоминаешь онъ мнѣ!

— По этому Московія не совсѣмъ варварская спорона, какъ ее описываютъ, вѣроятно, неприятели ея? спросила дѣ-

вица Рабе. — По этому и шамъ любяшь искусства ?

— Начинаюшь любяшь, опвѣчалъ гус-
лишь. Царь Алексѣй Михайловичъ и
его сынъ Феодоръ ужъ много сдѣлали
для просвѣщенія Россіи. Другой сынъ
его... но онъ врагъ Швеціи: я не смѣю
говорить объ немъ.

— По чему-жь, мнѣ кажется, не хва-
лишь хорошаго и въ непріятель? Ба-
пюшка рассказывалъ мнѣ, что Петръ
великій Государь, достойный поравнятъ-
ся съ нашимъ Карломъ. Имѣлъ ли ты
когда нибудь счастье, добрый спран-
никъ, видѣшь его ?

При этомъ вопросѣ Вульфъ насупилъ
густыя брови. Вольдемаръ, примѣшно
смутившись, опвѣчалъ: — Да... я его
видалъ. Наружность героя и Царя въ
полномъ смыслѣ! Взглядъ его... ахъ!
этого взгляда никогда не забуду!

— Спранникъ! возразилъ Цейгмей-
сперь съ обыкновеннымъ жаромъ и не-
обыкновеннымъ краснорѣчіемъ: ты гово-

ришь о геройствѣ и величїи Царей, по чувству страха къ нимъ, а не благороднаго удивленїя, какъ всякой говорилъ бы на швоемъ мѣстѣ, встрѣшивъ въ первый разъ грознаго владыку народа. Проспипельно тебѣ такъ судить въ швоемъ бышу. (Вольдемаръ съ усмѣшкою негодованїя взглянулъ на орапора, какъ бы хотѣлъ сказать: »не уступлю тебѣ въ выскоски чувствованїй и сужденїй!« и молчалъ. Вульфъ продолжалъ свою рѣчь:) Ты не смотрѣлъ въ очи сѣверному Льву; ты не видѣлъ Карла въ шу минушу, когда онъ, по колѣна въ водѣ, вступалъ на берега Данїи, встрѣченный шучею пуль непрїятельскихъ и съ жадностью прислушиваясь къ свисту ихъ. »Опнынѣ шумъ сей будешъ моею любимою музыкой!« сказалъ двадцатилѣтній герой — и голубые глаза его воспламенились въ первый разъ огнемъ мужества, которое съ шого времени не пошухало; лице его вспыхнуло первымъ желанїемъ побѣды и

осѣнилось первою думою о способахъ побѣждать. Я слышала эми слова, я видѣла эшоу взглядъ, поймала на лицѣ его выраженіе души великой, и признаюсь, доннер-вешперъ, за эми минушы гошовъ бы цѣлую жизнь мою держала спрема у Карла. Съ воспоминаніемъ о нихъ умру сладко. Да! пока мысль можешь ловишь эми минушы, Русскій не возьмешь ни одной бапарен, на которой я буду: клянусь въ шомъ концемъ шпаги Карла XII. Вульфъ не опдастся живымъ въ плѣнь, и мертвеца съ эшимъ именемъ не соберушь оштатки на поруганіе его!

Всѣ слушали Цейгмейстера съ особеннымъ вниманіемъ. За рѣчью его послѣдовала минуша молчанія, какъ послѣ жаркой переспрѣлки наспаешъ въ упомянутыхъ рядахъ мгновенная пишина. Каждый изъ собесѣдниковъ имѣлъ особенную причину молчашъ, или пошому, что краснорѣчіе высокихъ чувспвовацій, какого бы роду ни были онѣ, нала-

гаешъ дань и на самую непріязнь, или пошому, что никто изъ прошивниковъ военнаго орапора не могъ опкровенно изъяснить свои чувствованія. Вульффу, послѣ крапкаго опдыха, предоспавлена была честь перваго выспрѣла.

— Вивашъ! воскликнулъ онъ порже-спвеннымъ голосомъ: моя канонада оглушила васъ до того, что вы спали въ шупикъ и забыли спросить, о чемъ проповѣдуетъ мой Фейергрокъ съ высоты своей липшвенной каедры. Прочитай-ка намъ, любезный камрадъ, Русскіе стихи, написанные подъ карпиною.

— Съ удовольствіемъ, храбрый и любезный Капитанъ! опвѣчалъ Вольдемаръ и началъ читашъ стихи:*

Наѣзжалъ Илья на девяши дубахъ
И наѣхалъ онъ соловья того,
И слышалъ шупъ разбойникъ сей
Того ли шопу конинова
И шоя ли поѣздки богашырскія;

---

* Взашы мною изъ древнихъ Русскихъ Спихошвореній.

Засвиспаль онъ по соловьиному,
 А въ другой зашипѣль по змѣиному,
 А въ шрепшій зрявкаль по звѣриному —
 Подъ Ильею ковь окарачился...
 Вынимаешъ онъ калену спрѣлу
 И спрѣляешъ соловья разбойника...

— Какъ мнѣ нравится эшошъ языкъ!
 сказала дѣвица Рабе: попрошу господина
 Пастора, чшобы онъ выучилъ меня ему.

— Можешъ бышь, придетъ время, чшо
 вы спанете учишья Русскому языку;
 можешъ бышь, Лифляндцы...

— Лифляндцы? никогда! прервалъ съ
 досадою Вульфъ. Ты забылъ, Шведъ,
 чшо страна здѣшняя находишья подъ
 владычествомъ непобѣдимаго Карла. Ско-
 рѣй повѣсишь онъ свои шпоры къ боль-
 шому колоколу Московскому, и заспа-
 вишь его говоришь на своемъ языкѣ,
 чѣмъ Лифляндцы будушь вышудены
 когда-либо знашь по-Русски. Предоста-
 вимъ одной сесприцѣ моей Рабе учишья
 варварскому нарѣчю у всезнающаго на-

шего Глика, именно для того, что я не люблю Русскихъ дикарей, или попому, что она съ нѣкопорога времени имѣеть особенное приспраспие къ Алексѣевичу.

— Шупише, сколько угодно, братаецъ Вульфъ! а я въ своемъ приспраспии шверда, возразила дѣвушка. Уважаю, боюсь даже Карла, героя, побѣдителя, съ его голубыми глазами, блистающими умомъ военнымъ, копорога у него никто не опнимаешь; но люблю Алексѣевича, Зандамскаго плошника, солдата въ своей пошѣшной рошѣ, путешешвенника, собирающаго опвсюду познанія для обогащенія ими своего Государства; люблю его, не смотря, что онъ непрятель моего Короля... Можешь бышь, я это говорю попому, что мнѣ это напвердилъ и крѣпко внушилъ мой благодѣтель. Впрочемъ, что можешь сужденіе бѣдной, неизвѣстной сироты на вѣсахъ, гдѣ лежатъ окровавленныя шпаги?

Дѣвица Рабе произнесла сіи слова съ особеннымъ сердечнымъ волненіемъ: взоры ея блискали необыкновеннымъ огнемъ, щеки ея горѣли.

— Вошь какими бреднями опушаль голову моей сесприцы велемудрый господинъ Паспоръ! воскликнулъ Цейгмесперъ, пожимая плечами. Безмолвспвую передъ ней... но пы, Шведъ? — продолжалъ онъ, обратившись къ младшему спраннику съ видомъ упрека.

— Не принимайте словъ моихъ въ худомъ смыслѣ, господинъ офицеръ. Вѣрьте, что никто болѣе меня не желаетъ долгоденспвенной славы моему опечеству. Я хошѣлъ сказать, что два великіе народа...

— Два великіе народа? Гмъ! Видно, свои и чужіе согласились бѣснить меня... возразилъ Цейгмесперъ: однако-жъ продолжай, продолжай. Хочу выпить горькую чашу до дна.

— Шведы съ Русскими могутъ помиришся; тогда произойдутъ большія пе-

ремѣны въ здѣшнемъ краю; порговья, дружескія сношенія скрѣплятъ союзъ Лифляндцевъ съ сосѣдами ихъ; тогда, можешь быть, эта прекрасная госпожа захочешь съѣздить во Псковъ, въ Москву.

— Что ей шамъ? чего шамъ смотришь: не соловья-ль разбойника?... Скорѣй она поѣдетъ въ Спокгольмъ.

— Неисповѣдимы пути Господни! произнесъ слѣпецъ. Кто знаетъ, какой путь написанъ ей въ книгѣ Судебъ!

— Ей, Катеринѣ Рабе, написано быть за Шведскимъ офицеромъ. Катеринѣ Рабе, приемышу Паспора Глика, кажется, не безчестно идти за Королевско-Шведскаго Цейгмейстера. Понимаете ли вы, спранники? — вскричалъ Вульфъ раздраженнымъ голосомъ, который испугалъ даже невѣсту его.

Слѣпецъ, казалось, не слышалъ сихъ восклицаній: схвативъ дрожащую руку дѣвушки, онъ забылся въ какомъ-то внутреннемъ созерцаніи; незрящія очи

его горѣли; наконецъ, возвысивъ вдохновенный голосъ, какъ бы прозирая въ небѣ: Вижу — сказалъ онъ — вижу: изъ сумрака выступаетъ дѣва, любимица Небесъ; голова ея поникнута, взоры опущены долу, волосы падаютъ небрежно по открытымъ плечамъ; рдянецъ спыдливости, играя по щекамъ ея, споритъ съ румянцемъ зари упренней, засвѣпвшей воспокъ. Вспаетъ алмазная гора, дивною рукой изсѣченная. Оступилась дѣва на первой ступени, еще ночью пѣнью одѣшой; смиренно преклоняетъ колѣно — и вздохъ, тяжелый вздохъ вылетаетъ изъ груди ея. Вскорѣ, обновленная жизнью неземной, вспаетъ и шествуетъ далѣе, не поднимая очей своихъ. Еще четыре ступени, и головъ алтарь... и розовый вѣнецъ обвиваетъ ея прекрасное чело. Старецъ совершаетъ надъ нею дивное таинство. Взоры ея уже не опущены долу, волосы искусно подобраны назадъ. Изумленная, она озирается кругомъ: она не вѣрится своему счастью,

но уже его ощущаетъ. Еще четыре ступени, и розовый вѣнецъ смѣненъ алмазною короною. . .

— Сумасшедшій! Ха, ха, ха!

— Смѣйся! . . . я тебѣ говорю: *на дѣвѣ*, копорую я видѣлъ, *лежитъ корона!* Эта рука мнѣ знакомая. Я смотрѣлъ ее нѣкогда у десятилѣтней дѣвочки въ Роопѣ, въ пятый день Апрѣля.

— Въ Роопѣ? . . . Я тамъ жила. . . сказала испуганная и вмѣстѣ изумленная дѣвица Рабе, попирая себѣ пальцами по возвышенному челу своему, какъ бы развивая въ памяти прошедшее. — Пятое Апрѣля день моего рожденія. . .

Между тѣмъ и Вольдемаръ обратился на нее свои пронцапельные взоры; онъ, казалось, узнавалъ въ ней давнишнюю знакомую. — Не припомните ли, спросилъ онъ ее, двухъ спранниковъ, похожихъ на насъ? Одинъ былъ помоложе меня, другой такой же слѣпецъ, какъ и товарищъ мой. Можешь спашься, что вы ихъ видѣли лѣтъ восемь назадъ?

— Да, точно припомню, какъ будто сквозь шумань, ошвѣчала дѣвушка, понемногу ободряясь: спранники были похожи на васъ ; они тогда зашли на дворъ къ господину Пастору Даушу, у копораго я жила въ услуженіи.

— Смиряй себя вознесетъ ! воскликнулъ слѣпецъ.

— Подлѣ меня стояла большая Дашская собака, копорая напугала прохожихъ.

— Я вздрогнулъ ошъ ужаснаго лая собаки ; такого еще никогда я не слыхивалъ : мнѣ показалось, что буря заревѣла, сорвавшись съ цѣпи своей. Невольно прижался я къ рукѣ своего молодаго товарища.

— Тогда, примолвилъ Вольдемаръ, прекрасная малюшка — какъ шеперь вижу — принявъ гнѣвный видъ и грозя пальчиками своими, повелительнымъ голосомъ закричала на собаку : Смощри Плушонъ, берегись Плушонъ !

— Точно ! у насъ была собака этого имени, сказала дѣвица Рабе, покраснѣвъ.

— И лай собаки зашихъ, какъ замираешь буря на голосъ Повелителя стихій!

— Грозное живошное, прибавилъ младшій пушникъ, легло съ покорносцію у ногъ своей маленькой владычицы, махая униженно хвостомъ. Тогда-то слѣпой другъ мой захохѣлъ увидѣшь поближе дшя; онъ взялъ ее за руку и осязаль оную долго. Въ это время закричала на нее хозяйка дома, грозясь... даже побить ее за то, что впустила побродягъ. Товарищъ мой, самъ прикрикнувъ на Пасторшу, сказалъ то же, что онъ пеперь говорилъ вамъ, держа вашу руку.

— Бѣдные! васъ тогда выгнали за меня со двора и не дали вамъ даже напиться.

Вульфъ, молча, съ коварною усмѣшкою слушалъ этотъ разговоръ обоихъ странниковъ съ дѣвицею Рабе, и вдругъ разразился какимъ-то дикимъ, принужденнымъ смѣхомъ; но вскорѣ одумавшись, просилъ у ней прощенія, просилъ

даже прощенія у Конрада изъ Торнео. »Въ самомъ дѣлѣ надъ кѣмъ смѣяшься мнѣ? на кого мнѣ сердишься?« — говорилъ онъ про себя: — »одна женщина, другой убогій, сумасшедшій шарикъ!« Каперина замѣтила ему только, что громкимъ смѣхомъ своимъ могъ онъ разбудить Паспора. Въ самомъ дѣлѣ, примѣтно было по движенію колебавшагося зеленаго намета, что Гликъ просыпался. Гуслисъ, предупрежденный догадливою собесѣдницею о сосѣдствѣ его, посмотрѣвъ сначала на Фрица, тихо условился о чемъ-то съ поварищемъ, подалъ слѣпцу скрипку, поставилъ свой музыкальный ящикъ на складной спулѣ, и пальцы его запрыгали по струнамъ, копорыя, казалось, издали отъ себя перебѣгающій пламень. Звуки, возвышенные, прогашельные звуки раздались по рошѣ. Слепецъ, вшоря ему на скрипкѣ дрожащимъ теноромъ, съ особеннымъ чувствомъ запѣлъ подъ музыку своего товарища Псаломъ: *Господь пастырь мой, я не буду*

въ скудости. Невольно присоединила къ нимъ голосъ свой дѣвица Рабе, сначала изумленная и обрадованная нечаяннымъ подаркомъ музыканшовъ. (Надобно замѣшишь, что въ киркѣ Маріенбургской пріятный и возвышенный голосъ ея господствовалъ надъ многочисленнымъ хоромъ прихожанъ.) Вульфъ поникнулъ головой; самъ Фрицъ забылся на время и, казалось, молился. Паспоръ, какъ бы обвороженный, остался неподвиженъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ заспалъ его первый стихъ Божественнаго пѣснопѣнія. Нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ звуки умолкли, онъ началъ проширать себѣ глаза и не зналъ, вѣришь ли ушамъ своимъ: ему казалось; что все это слышалъ онъ во снѣ.

— Папахенъ! тебѣ нездорово такъ долго спать, сказала ему знакомый голосъ, и вывелъ его изъ сего обвороженія. Воспитанница объяснила ему всю тайну концерта, составленнаго такъ це-

ожиданно; рассказала ему съ краснорѣчіемъ добродушія и чувствительности, ей свойственнымъ, о старинномъ знакомствѣ своемъ, нынѣ подновленномъ, о занимательной повѣсти слѣльца, объ участи, которое оба странника такъ сильно возбуждали къ себѣ, хотя одинъ изъ нихъ казался нѣсколько помѣшаннымъ въ умѣ; и предупредивъ такимъ образомъ своего воспитателя въ ихъ пользу, спѣшила свести ихъ вмѣстѣ.

Пасторъ скоро полюбилъ поэтическаго старца и таинственнаго его спутника. Онъ терялся въ различныхъ догадкахъ на щепъ послѣдняго, тѣмъ болѣе, что странническому состоянію его измѣняла благородная наружность вмѣстѣ съ возвышенностію мыслей и чувствованій, по временамъ блиставшихъ изъ крапкихъ оплѣшковъ его, какъ золотая монета въ сумѣ нищаго. Вольдемаръ былъ неразговорчивъ, и когда примѣчалъ, что съ нимъ хотяшъ сблизиться откровенностію и ласками, что любо-

пышество искало слабой спороны, куда могло бы проникнуть до шайны его жизни, онъ облакалъ себя двойною броней угрюмости и лаконизма. Догадливый товарищъ его, въ затруднительныхъ случаяхъ, приходилъ къ нему на помощь рѣченіями изъ Св. Писанія и поэтическими видѣніями.

Гусли были снова открыты и разсмотрѣны. Картина возбудила въ Паспорѣ смѣхъ; однако-жъ онъ находилъ въ ней нравственный смыслъ, добирался источниковъ ея въ сѣверной Миѣ и доказывалъ, что Московія имѣла свой вѣкъ рыцарства; но чего онъ не открылъ, такъ это внутреннее убѣжденіе, что странное изображеніе Ильи Муромца и Соловья разбойника имѣло отношеніе къ единоборству двухъ современныхъ, высшихъ особъ. Музыкальный инструментъ сравнивалъ онъ съ арфой или съ *коклей**,

* *Кокля* музыкальный инструментъ, бывшій въ употребленіи у Лифляндцевъ въ древнія времена.

положенной въ ящикъ; полагалъ, что можно бы употребить его въ церквахъ вмѣсто органовъ, и что играющій на одномъ изъ сихъ инструментовъ можешь скоро выучиться и на другомъ. Тотчасъ блеснула въ сердце его счастливая мысль: — »Органистъ Маріенбургскій спаръ и давно просился на покой — вотъ удобный случай замѣстить его молодымъ музыкантомъ! Сверхъ того Вольдемаръ будетъ ему хорошимъ помощникомъ для усовершенствованія себя въ Русскомъ языкѣ. Слѣнца можно пристроить въ богадельню.« Все это скоро придумано, и предложеніе сдѣлано. Конрадъ ничего не отвѣчалъ; онъ предоставлялъ товарищу говорить за себя и за него самаго. Вольдемаръ и не ожидалъ его отвѣта: отъ имени обоихъ благодарилъ онъ Пастора, обѣщалъ воспользоваться великодушными его предложеніями, только для того, чтобы посѣтить его и побывать въ Маріенбургѣ на короткой срокъ; присовокупилъ,

что странническая жизнь, можетъ быть, униженельная въ глазахъ свѣта, не менѣе того сдѣлалась ихъ потребностью, что осѣдлость, вѣроятно, покажется имъ ограниченіемъ ихъ свободы, всегда для человѣка пятоспнымъ, и что поэпическій, причудливый характеръ друга его, которому было тѣсно и душно въ домѣ родителельскомъ, не поперпишь на себѣ и легкихъ цѣпей единообразной жизни богадѣльни. Сіи причины, и особенно привязанность его къ спарцу, не позволяли ему ни за какія блага рзспаться съ нимъ и, разочаровавъ созданное Конрадомъ для себя счастье, оставишь его снова одного въ пустынь мѣра. Вольдемаръ повторишь еще, что непременно скоро и очень скоро постараются они быть въ Маріенбургѣ и посѣпишь домъ благословенія Вожія: такъ называлъ онъ жилище Глика. Молчалъ слѣпецъ; но примѣпно было, что улыбка душевнаго удовольствия перебѣгала по успамъ его. Онъ другаго опѣта и не ожидашь опѣ

своего товарища. Глику никогда не нравилась странническая жизнь, подь какимъ бы видомъ она ни была представляема; не смотря на это и на отказъ новыхъ знакомцевъ, не охладѣла въ немъ надежда приспособить ихъ со временемъ около себя, продливъ ихъ пребываніе въ Мариенбургѣ всѣмъ, что могло принести имъ утѣшеніе и спокойствіе, заставивъ ихъ полюбить семейную жизнь и такимъ образомъ сдѣлать ручными эсихъ гордыхъ звѣрей сѣверныхъ лѣсовъ.

Полдникъ давно ожидалъ путешественниковъ : онъ состоялъ изъ домашняго сыра, лоснящейся оипъ копоши рыбы и пирога, съ курицею и яицами, румянаго, хорошо начиненнаго. Пасторъ прочиталъ вслухъ приличную случаю молитву: каждый про себя повторилъ ее въ глубокомъ благоговѣніи. Послѣ того расположились всѣ въ кружокъ около походной трапезы. Дѣвица Рабе съла возлѣ слѣпца, которому взялась сама прислуживать. Отвѣдавши

блѣднаго сыра, принялись за пирога, болѣе приманчивый: сдѣлать въ немъ брешь предоспавлено было аршиллери-спу, вооруженному столь же храбрымъ аппешпомъ, какъ и духомъ; другіе, уже по слѣдамъ его, побрели смѣле въ проломъ и dokonчили разрушеніе пирога. Такъ въ маломъ и большомъ ведется на свѣш!

Когда дѣло дошло до конченыхъ язей, Пасторъ принялся рассказывать, что рыба сія ловится только въ Эмбахъ, близъ Дерпша; потомъ нашедши историческія сношенія съ сею рыбою, повѣдалъ своимъ слушателямъ, что некогда смиренная братія Аббатства Фалкенаускаго, основаннаго близъ береговъ Эмбаха первымъ Епископомъ Дерпшскимъ, Германомъ, накормили язями Италіянскаго Прелата, присланнаго отъ Папы для изслѣдованія нуждъ монастырскихъ, напоили *Moi signore* пивомъ, въ кошоромъ вмѣсто хмѣля былъ положенъ

багульникъ*, и въ добавокъ свели его въ жарко напололенную комнату, въ которой — о ужасъ! — поддавали безпрестанно водою на горячіе камни, съкли себя немилосердо пуками лозъ и наконецъ окачивались холодною, изъ прорубей, водою. Въ слѣдствіе несваренія желудка своего опъ язей и пива съ багульникомъ, Прелатъ заключилъ, что монастырь крайне бѣденъ, а въ слѣдствіе банныхъ эволюцій, напугавшихъ его, приписалъ въ донесеніи своемъ Свяшійшему Опцу слѣдующее восклицаніе: »Великій Боже! ужъ сіе-то монастырское правило слишкомъ жестоко и неслыханно между людьми!« Изъ этой исторической драгоценности нашъ Паспоръ выводилъ свое заключеніе, что Лифляндскіе природные жишелы переняли обыкновеніе париться въ баняхъ опъ Русскихъ, во времена владычества оныхъ надъ Ливонією. Опъ слова: *владычество*, бышь

---

* Очень горькое и вредное растеніе: *ludum palustre*. См. *Etat de la Livonie, par le C. de Bray*.

бы опять раздору между археологомъ и Вульфомъ, когда-бъ на сей разъ не случилось необыкновеннаго происшествія, опрокинувшаго все вверхъ дномъ въ умъ нашихъ путешественниковъ.

Не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи, къ споронѣ, гдѣ стояли кареша и лошади, послышался выстрѣлъ. »Что бы это значило?« говорили, смотря другъ на друга, встревоженные собесѣдники, кромѣ Вульфа, котораго первое дѣло было взяться за карабинъ, а второе бѣжать въ ту сторону, откуда раздался выстрѣлъ. За нимъ последовала Вольдемаръ, также осмѣлился вздушь полегоньку свои паруса Фрицъ, доселѣ внимательный слушатель всего, что говорено было, и усерднѣйшій прислужникъ хозяевамъ и гостямъ. Паспоръ съ своею воспитанницею оспался на твердой землѣ. Ему вспало на умъ, что небольшой опрядъ Русскихъ фуражировъ перебрался въ долину мершвецовъ и началъ на Баронессинныхъ лошадей. Онъ спѣшилъ

самъ вшоргнувшись въ арсеналь своей памяти и началъ опрометью рыться въ немъ, чтобы найти приличное оружіе, если не для отраженія непріятеля, по крайней мѣрѣ, для убѣжденія и смягченія его сердца; но есть онъ собиралъ разбросанныя въ памяти своей Русскія сильнѣйшія выраженія, какія только зналъ, чтобы составить изъ нихъ рѣчь ех abrupto, которая могла бы въ несчастномъ случаѣ столь сильно подѣйствовать надъ ожесточенными непріятелями, что они должны бы признавъ себя побѣжденными и преклонивъ грозныя оружія къ ногамъ орашора, какъ профет его краснорѣчія.

Выстрѣлы не повторялись; все было тихо. Конечно, Марсъ не вынималъ еще грознаго меча изъ ноженъ? Не скрылся ли онъ въ засадѣ, чтобы лучше напасть на важную добычу свою? не хочешь ли, вмѣсто желѣза или огня, употребить силки Татарскіе? Впрочемъ пора бы ужъ чему нибудь оказаться! — и оказа-

лось. Послышались голоса, но это были голоса пріяшельскіе, именно Цейгмейстеровъ и Фрицовъ. Первый сердился, кричалъ и даже грозился выколошпить душу изъ шѣла бѣднаго возничаго; второй оправдывался, просилъ помилованія и звалъ на помощь. »Несчастный погибашь! Чего добраго ожидашь опъ этого бѣшенаго пушкаря?» сказалъ Гликъ; для вѣрнѣйшей диверсіи позвалъ свою воспитанницу съ собою, и оставивъ слѣпца одного на мѣстѣ опдыха, поспѣшилъ съ нею въ долину, чшобы въ случаѣ нужды не допустить завязывающагося по видимому дѣла до настоящаго побоища. Спустившись съ холма, увидѣли они слѣдующее.

Цейгмейстеръ, съ глазами, налипыми кровью, съ посинѣлыми губами, кипя гнѣвомъ, вцѣпился въ камзолъ кучера, который, стоя передъ нимъ на коленяхъ, тряся, какъ въ лихорадкѣ. Между шѣмъ арлекинъ и зефирка, вышпанувшись, мчались по лугу изъ стороны въ

другую: уши ихъ прилегли назадъ; грива ихъ поднялась, какъ взмахнутое крыло. Тощаго Вульфова коня не было видно. — «Куда дѣвалась моя лошадь? вопилъ въ бѣшенствѣ Цейгмейшеръ, немилосердо шормоша своего плѣнника: почему не смопрѣлъ ты за нею? Говори, или ты опжиль свой вѣкъ: ложись живой въ землю.» — По... поми... лосердуйте, господинъ Баронъ фонъ... господинъ Полковникъ... господинъ Цейгмейшеръ! — произносилъ жалобно Фрицъ. — Уфъ! я задыхаюсь... опнимите немного вашу ручку... я ничѣмъ не виновашъ; вы видѣли сами: я прислуживалъ вамъ же. Оппустите душу на покаяніе. — «Спыдно, Вульфъ! гдѣ у васъ Минерва?» сказалъ Паспоръ съ неудовольствіемъ, качая головою. «Чѣмъ перзашъ бѣднаго служилеля Баронессы Зегевольдъ, кошорый не обязапъ спорожишъ вашего Буцефала, не лучше ли поискашъ его? Пожалуй, вы и меня возмеше скоро въ свою команду и за-

спавише караулишь цѣлую Шведскую кавалерію! Я требую, чтобы вы сію минушу оппустили Фрица, или мы навѣки разстанемся.» — Сюда, сюда! закричалъ Вольдемаръ, стоя на *высотѣ креста* и махая рукой, которою вмѣстѣ указывалъ, чтобы перебрались черезъ рѣчку и подошли къ боку горы, обрѣзанной сокрушительнымъ заспуномъ времени. Этомъ зовъ оспановилъ роковое слово, готовое вылетѣть изъ устъ взбѣшеннаго Цейгмейстера и, можешь бышь, навсегда бы разрушившее дружескія связи его съ Паспоромъ и его воспитанницей. Шведскій медвѣдь выпустилъ изъ лапъ бѣдную жертву свою, которая едва могла скоро оправиться, и гигантскими спонами поспѣшилъ шуда, куда указывалъ музыканшъ. Здѣсь увидѣлъ онъ свою лошадь; но въ какомъ жалкомъ положеніи находилась она! Едва поддерживали ее на краю утеса нѣсколько кустовъ различныхъ деревьевъ, въ которыхъ она заупалась и при малѣйшемъ движеніи

своемъ качалась на воздухѣ, какъ въ люлькѣ; подъ нею, на площадкѣ, оставшейся между рѣчкою и утесомъ, лежало нѣсколько опломковъ глинистой земли, упавшихъ съ высоты, съ копорой, по видимому, и бѣдное живописное капилось, сполкнувшее какою нибудь нечислою силой. Конь дрожалъ и по временамъ взвизгивалъ. Пробравшись къ нему, съ опасностію упасъь самому, Вульфъ, при ловкой и безспрашной помощи сошедшаго къ нему-жъ Вольдемара, вынулъ лошадь изъ когтей сапанинскихъ; ибо — какъ говорилъ послѣдній — одинъ лукавый могъ ее такъ угораздить. Когда сѣдло съ приборомъ и вьюкомъ, перевернутые и спутанные на ней, были сняты, увидѣли они, что чушка была прожжена и курокъ у одного пистолета спущенъ: — свидѣтельство, что слышанный выстрѣлъ произошелъ изъ сего оружія, вѣроятно, разряженнаго сильнымъ преніемъ лошади о что нибудь твердое, и былъ причиною испуга ея, занесшаго ее

такъ далеко и въ такія сѣни. Первымъ дѣломъ Цейгмейсшера было разсшегнушь вьюкъ и осмопрѣшь кувертъ: печать была сломлена; крошки ея шупъ же находились; но самый кувертъ былъ невредимъ — и послѣднее успокоило его. Пакетъ былъ уже положенъ въ камзолъ съ величайшею осмопрѣшельностью. На лошади слѣдами сего происшествія остались только небольшія царапины, а въ ней самой страхъ къ *высотѣ креста*, ибо не было возможности заставить ее пройдши въ долину симъ путемъ; и потому принуждены были провесши ее сосновымъ лѣсомъ, по оплогости горы. Дорогой Вульфъ и музыкантъ сдѣлались опкровениѣ другъ къ другу до того, что послѣдній, объяснивъ ему причины его суроваго молчанія при людяхъ постороннихъ и, можешь бышь, ненадежныхъ, показалъ ему какую-то бумагу за подписаніемъ Генерала Шлиппенбаха. Въ ней, между прочимъ, заключалась важная шайна, касающаяся до лица самаго Воль-

демара, копорой мы до времени не смѣемъ открышь. Вульфъ былъ въ восторгѣ, обнималъ Шведа, честію своею клялся хранишь сію шайну на днѣ сердечнаго кладезя и дѣйствовашь съ нимъ единодушно, и съ своей стороны подиялъ ему нѣсколько завѣсу, за копорой скрывались нѣкоторыя Маріенбургскіе секреты. Возвратясь въ долину, новые пріятели остались въ прежнемъ холодномъ отношеніи другъ къ другу.

— Бѣда еще не велика! сказалъ Вульфъ, подавая руку Паспору въ знакъ примиренія: но вашъ гнѣвъ почишаю истиннымъ для себя несчастіемъ, шѣмъ большимъ, чпо я его заслуживаю. Миѣ предспавилась только важность бумаги, положенной мною во вьюкъ — примолвилъ онъ въ полголоса, опведя Глика въ сторону. — Если-бъ вы знали, какія послѣдствія можешъ навлечь за собою открытіе шайны, въ ней похороненной! Честь моя, обезпеченіе Маріенбурга, слава Шведскаго имени, заключаюшя въ ней. Послѣ

этого судите, мой добрый господинъ Паспоръ. . .

— То-то и есть, Вульфъ, отвѣчалъ Паспоръ, склонившись уже на миръ, ему предлагаемый съ такою честію для него: почему еще въ Маріенбургѣ не положишь пакета въ боковой карманъ мундира вашего? Своя голова болитъ, чужую не лечушь. Признайтесь, что вы нынѣшній день заклились вести войну съ Минервой.

— Не упрекайте меня такъ много. Я вамъ скажу причину — шепнулъ ему на ухо Цейгмейсперъ, нѣсколько покраснѣвъ — вошь видите. . . худо бытъ безъ хозяйки! . . . въ боковомъ карманѣ зашпились, вѣроятно, какія нибудь крошки. . . давнишнихъ солдатскихъ сухарей, и проклятыя мыши прогрызли его. . . Я хватился нынѣ; хотѣлъ зашить хоть самъ, но спыдился Фрица, который, какъ вы знаете, ночевалъ у меня по шѣсношѣ вашего дома, и который, на бѣду, безпрестанно около меня вертѣлся съ услу-

гами своими; вы спѣшили, и попому, не ожидая такихъ послѣдствій, вынужденъ я былъ положить кувертъ во вьюкъ. Впрочемъ, скажу опять, бѣда не велика! бумага писана моею рукой и только подписана Комендантомъ; Генераль меня хорошо знаетъ, и подозрѣній никакихъ бытъ не можеть.

— Все хорошо; да посовѣшовавъсь бы съ Минервою не худо! Вопъ я, напри- мѣръ, на такія дѣла крайне оспорженъ. Со мною шеперь шепрадка... о! она спѣишь вашего куверта: въ ней заклю- чается благо цѣлой Лифляндіи; именно это адресъ Королю... Берегу его, какъ зеницу ока. Вы не можете повѣрять, сколько я долженъ былъ рыться въ старыхъ фоліаншахъ; сколько законовъ вызвалъ я изъ мрака древности и за- ставилъ пройти мимо себя одинъ за однимъ, какъ вы солдашь своихъ на спеціальному смолу! Здѣсь ничего не пропущено; каждая пешелька и кроче- чекъ на своемъ мѣстѣ. Здѣсь изложены

привилегіи Архієпископа Өомы, Короля Сигизмунда Августа, Радзивила, резолюція Королевы Хриспины и прочія и прочія пошановленія объ ушверженіи правъ Лифляндскаго рыцарства и Земства: все такъ выведено, сведено и приложено, что если Его Величество, Король Шведскій и *иныхъ*, Карль XII, прочитавъ сей адресъ, не соблаговолишь снизойдши на усерднѣйшія моленія вѣрно-подданныхъ своихъ и *сего* адреса, то...

— Произнеся слово: *сего*, Паспоръ засунуль правую руку въ лѣвый боковой карманъ своего кафшана, и не найдя въ немъ бумаги, которую шуда положилъ, вдругъ остановился среди рѣчи своей и среди дороги, какъ будто языкъ его прильнулъ къ небу, а ноги приросли къ землѣ.

— Что съ вами сдѣлалось, господинъ Паспоръ? вы поблѣднѣли? вамъ дурно?

— Такъ! ничего, совершенно ничего!... Маленькой ударъ въ голову!... Вошь уже и прошель.

Гликъ, въ самомъ дѣлѣ, старался придти въ себя, и боясь быть приспыженнымъ Цейгмейстеромъ въ томъ самомъ прослупкѣ, въ которомъ его-жъ самъ обвинялъ, скрылъ причину своего замѣшательства. — Вѣроятно, думалъ онъ, когда я дремалъ дорогою, адресъ выпалъ изъ боковаго кармана. Тотъ, кто его найдешь, ничего съ нимъ не сдѣлаешь безъ согласія Лифляндскаго Дворянства. Тебрядъ вложена исправно въ пакетъ, на которомъ ясно означено, кто поссессоръ этой бумаги. Но если нашедшій воспользуется моими шрудами? сыщеть случай? . . . Я его предупрежу непременно, во что бы ни спало! Къ счастью, у меня остался другой экземпляръ.

Сей разговоръ былъ прерванъ докладомъ кучера, что все гошова къ опъѣзду съ этого проклятаго перепущья. »Правда, Фрицъ, несчастнаго перепущья!« опвѣчалъ со вздохомъ Паспоръ, увидѣвъ, что Цейгмейстеръ опъ него ускользнулъ. — Развѣ и съ вами что

нибудь случилось, какъ съ моимъ крестнымъ опцемъ? сказала Фрицъ съ видомъ изумленія. — Нѣшъ, Фрицъ, ничего; такъ, совершенно ничего! Не поднималъ ли ты однако-жъ бумаги? такъ, пустячной, ничего неспоющей бумажонки?« — Не подымалъ и не видалъ, господинъ Паспоръ! Вы знаете, я чипать не умъю. —»Ни слова, никому объ этомъ, Фрицъ! Бросимъ въ сторону этошъ вздоръ, и съ Богомъ въ пущь! Аминь!»

— »Знаешь ли, папахенъ?« прервала его заботливую рѣчь дѣвица Рабе, пошхоньку подспунивъ къ нему. »Я хочу пригласить музыканшовъ ко дню рожденія моей доброй Луизы и обрадовать ее нечаяннымъ концертомъ. Лучшимъ подарить мнѣ ее нечѣмъ. О! какъ изумишь ее моя музыка! ты увидишь, какъ я все успрою.« Гликъ легко согласился сдѣлать удовольствіе своей воспитанницѣ, представивъ ей самой трудъ убѣдить музыканшовъ къ пупешествію въ Гельмешъ. Легко склонились слѣпецъ и

молодой поварищъ его на просьбу доброй дѣвушки, шѣмъ скорѣе, что они давно желали, какъ говорили они, побывашъ въ помѣстьѣ Баронессы Зегевольдъ, и что имъ пріятно будетъ показашъ свое искусство на большомъ пиру разыграніемъ какой нибудь важной шпунки.

Солнце удалялось отъ полудня; лучи его уже косвеннѣе падали на землю; шѣнь деревь расла примѣшно и жаръ ослабѣвалъ. Всѣ разспались друзьями. Кареша, запряженная рыжими лошадками, пронулась; и опяшь, по правую спорону ея, на высокомъ, шощемъ конѣ, медленно двигался высокій офицеръ, будто вылишый вмѣстѣ съ нимъ. »Добрая, прекрасная дѣвица!« сказалъ Вольдемаръ, проводивъ глазами экипажъ и коннаго спутника. »Не знаю, съ кѣмъ ее сравнишь. Софія, правда, была нѣкогда прекраснѣе ея.« — Не уже ли Софія была такъ хороша, какъ ты объ ней рассказываешь?

спросилъ слѣпецъ. Съ этими словами музыканты поплелись по шроуѣ, извивающейся въ роуѣ, изъ которой они пришли, и разговора ихъ не стало слышно.

Глава осьмая

ЗАМОКЪ ГЕЛЬМЕТЪ.

Чванкина.

Такъ знаютъ во дворцѣ объ насъ?

Полишъ.

Не только знаютъ;

Но и по комнатамъ о насъ лишь разсуждаютъ.

Ком. Хваспунъ. — Княжнинъ.

На замки Лифляндіи смотришь еще, какъ на представителей феодальнаго ея быта, дикаго и романческаго. Это ветераны некогда знаменитаго и болѣе не существующаго войска, ветераны, изувѣченныя, отдающіе уже дань Крону и засыпающіе сномъ вѣчнымъ на изломанныхъ профеляхъ своихъ. Они имѣли также свое великое время. Разбудите ихъ,

вопросише съ перпѣиємъ и уваженіемъ, должнымъ ихъ сѣдинамъ и заслугамъ — и они, въ краснорѣчивомъ лепетѣ младенческой старости, расскажутъ вамъ чудеса о давно *быломъ*; и гигантскія стѣны ихъ полководцевъ, прислушавшись изъ праха къ словамъ *чести* и *красоты*, встанутъ передъ вами, грозные, залитые съ ногъ до головы желѣзомъ, и готовые, при малѣйшемъ сомнѣніи о величіи ихъ, бросить вамъ гремящую рукавицу, на коей видны еще брызги запекшейся крови ихъ враговъ.

Чего не расскажешь одинъ замокъ Гельметъ? Видишь только развалины; но какъ онъ досель краснорѣчивъ! Забываешь даже, что небо служилъ имъ покрышею, а украшеніями — распушія по нимъ пихта, рябина и береза. Кажется, и нынѣ опдающся по заламъ тяжелыя стопы грознаго основателя его, Юргена Фонъ Айхшпедта;* сквозь желѣзную рѣшетку косящаго окна мелькаешь

---

* 1265 года.

блѣошасная ручка и передаетъ девизъ побѣды или смерти молодому рыцарю, стоящему въ оврагѣ подъ смиренною одеждою пилигрима. Кажется, слышишь изъ отверстія подземной пюрьмы вздохъ Орденмейстера Иогана Фонъ Ферзена, засаженнаго въ ней по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ Русскими*; видишь подъ спѣнами замка храбраго Воеводу, Князя Александра Оболенскаго, рѣшающагося лучше умереть, чѣмъ опсунитъ опъ нихъ**, и въ окружныхъ холмахъ доискиваешься его праха; видишь, какъ Герцогъ Иоганъ Финляндскій, среди многочисленныхъ своихъ вассаловъ, опсчитавъ Полякамъ лежащіе на споль 125,000 шалеровъ, запиваешь въ серебряномъ бокалѣ пріобрѣшеніе Гельмеша и другихъ окружныхъ помѣстій***; передо мною проходяшь, какъ фантасмагорическія явленія, Рыцари, Епископы, Русскіе, Поляки, Шведы, то осаждающіе сей замокъ, то обладатели его, то геройскіе

* 1472 года. — ** 1502 г. — *** 1562 г.

мученики своихъ побѣдителей. Сколько приключеній ужасныхъ, чудныхъ, романтическихъ, разбросано на обломкахъ Гельмеша, на сихъ лоскутахъ давно прерванной лѣтописи!

Мѣстоположеніе Гельмеша * есть одно изъ пріятнѣйшихъ въ Лифляндіи: имъ одушевлялись, въ разнообразіи дарованій, кисть, рѣзецъ, перо и лира; сонни пупешествениковъ, оставивъ на песчаниковыхъ (de grès) сводахъ его гробовъ имена свои, хотѣли высказать, что *и они были въ Аркадіи*. Дѣйствительно содѣлала его маленькимъ Едемомъ бывшая обладательница Гельмеша, Г-жа Герсдорфъ, умѣвшая, при алтарь вкуса и любви къ изящному, сочетать Искусство и Природу. Нынѣ сіе помѣстье на *арендѣ* довольно эпого слова, чтобы

---

* Гельмешъ находится отъ Дерпша къ Юго-Западу въ 65 верстахъ: поворошъ на него съ Рижской дороги отъ Рингена, или, проѣхавъ отъ станціи Куйкацъ, нѣсколько верствъ въ право. Послѣдняя дорога шѣмъ пріятнѣе, что на перепутьѣ находишь Пекгофъ, гдѣ, среди мрачнаго лѣса, сооруженъ великолѣпный памятникъ Фельдмаршалу Барклаю-де-Толли.

выразишь его невыгодное во всемъ измѣненіе. Не смотря на то, и нынѣ любишься по нѣскольку разъ красотоми сихъ мѣспъ; прощаяся съ ними, хошѣлъ бы еще разъ на нихъ взглянуть, и невольно завидуешь жителю Гельмеша, могущему наслаждаться ими, когда онъ хочешь.

Не ищите здѣсь вѣдовъ обширныхъ, въ которыхъ бы взоры и сердце разсѣивались: прекрасное все здѣсь вмѣстѣ; кажется, для Гельмеша страна кругомъ обижена Природою. Развѣ иногда мелькомъ, сквозь уголокъ, сбереженный догадливымъ Искусствомъ, представляется вамъ возвышенная даль. Лучшій видъ, безъ сомнѣнія, отъ господскаго дома, съ краю оврага, изрышаго кругомъ замка. Живописныя развалины послѣдняго споятъ на бугристомъ, высококомъ холму. Правая сторона замка болѣе другихъ уцѣлѣла: длинную стѣну, неровно зазубренную временемъ, поддерживающъ двѣ четверугольныя башни, еще

бодро выступающія впередъ на грудистыхъ насыпяхъ. Осшашокъ свода опъ одной изъ сихъ башень, такъ сказашь, на волоску держишя. Левѣй неумолимое время свирѣпствовало наиболѣе, какъ бы нарочно для того, чшобы разнообразишь красоты развалинъ: здѣсь вездѣ слѣды, оставленные бореніемъ времени съ дѣломъ рукъ человѣческихъ. Въ одномъ мѣстѣ лежишь обломокъ, будто брошенный на бѣгу огромный щипъ; въ другомъ возвышается неровною пирамидой; далѣе цѣлая стѣна, понемногу клоняся, оперлась на другую, болѣе швердую, какъ дряхлѣющая старость облакачивается на родственнаго мужа; индѣ обломокъ, упавъ съ высоты, покапшился по холму, и вдругъ отряхнувшись, швердо выпрямился въ серединѣ его и ушвердился на ней. Кругомъ оврага обшашающъ холмы, выступающъ мысы и разливаюшя въ разныхъ направленіяхъ хребты небольшихъ горъ. Влѣво на двухъ холмахъ, на конхъ зе-

лень такъ равна, какъ будто они облипы ею, спояшь, въ близкомъ другъ ошъ друга распояннн, красивыя березовыя рошцы, образующія между собою раму для одного изъ прелестнѣйшихъ видовъ. На площади обширнаго поля представляются деревенька, развалины старой Гельмешской кирки, немного вправо новая кирка, и въ небольшомъ опда-леннн дикіе и неровные берега рѣчки, съ могилами Русскихъ, падшихъ въ войну за обладаніе Лифляндіей. Ближе рѣчка сія разлилась озеромъ, попомъ сдержанная скапершью Феллинской до-роги и плошиною, суживается въ ручей, пробирается подъ моспикомъ; съ безпрерывнымъ ропомъ на свою не-волю, падаешъ, будто изъ урны, сере-бреною спруей, разсыпается о камни, наконецъ зангравъ на свободѣ, въ изви-линахъ шеряется между дикими ку-спарниками и спѣшишь соединншься въ саду съ ручьемъ Тарваспомъ. Вправо, между холмами, видъ болѣе спѣсненъ и

болѣе просянущъ: разнопѣнные возвышенія одно за другимъ полосяшся, будто неровныя бразды вспаханной нивы. Обойдите развалины замка: какія очаровательныя мѣста и виды представляются вамъ! Съ восточной стороны взгляните съ высоты внизъ, и передъ вами глубочайшій, мрачный оврагъ, заросшій деревьями, которыя, будучи лишены солнечнаго свѣта, растутъ почти безлиственные. Тутъ же поднимите взоры ваши, и васъ привѣтствуютъ изъ-за десятковъ верствъ сизыя горы Оденпе. Обойдите садъ, и на каждомъ шагу гоговъ прелестный ландшафтъ, достойный кисти Клода - Лоррена, и убѣжище, въ которомъ Руссо хопѣлъ бы жить и умереть. Пригорки, холмы, долины, открытыя и запаенныя подъ сѣнью роць; ручей Тарвасъ, по сердцу прорывающійся пѣнистыми ниями между огромными камнями, по падающій спекловиднымъ порогомъ, по скачущій съ шумомъ по мел-

кимъ камешкамъ; мостики, образованные изъ повалившихся черезъ ручей деревьевъ или искусствомъ накинутае; цвѣшники, купы деревъ, разбросанныя съ пламенною любовью къ природѣ; гропы, ушесы, подземный ходъ; за садомъ озеро съ прекраснымъ островкомъ и приманчивою для дикихъ птицъ осокою, заставляющею даже ихъ забывать, что ихъ обманываетъ искусство; мельница съ своимъ шумнымъ водопадомъ; поля, испещренныя рошицами, жнивами и деревенками: все это, повшоряю, дѣлаешь изъ Гельмеша настоящій рай земной.

Господскій домъ стоялъ въ началѣ 18 столѣтїя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ нынѣ, именно противъ развалинъ замка, раздѣленный съ ними обширнымъ дворомъ и обращенный главнымъ фасомъ въ поле, и вообще построень былъ безъ большаго уваженїя къ Архитектурѣ, по вѣчно однообразному плану Нѣмецкихъ, сельскихъ и городскихскихъ домовъ. Черемна, которою

въ немъ сдѣлали успѣхи Зодчества въ Лифляндіи, или своеправіе его обладательей, есть только та, что готическія окошки превращены въ обыкновенныя четверугольныя, и богатая терасса въ лѣспяницу. Должны мы также присовокупить, что тамъ, гдѣ стоить нынѣ, на Филлинской дорогѣ, проспой мостикъ, былъ подъемный.

Въ то время, когда происходило дѣйствіе нашего романа, замокъ Гельметъ (такъ будемъ называть вообще мызу и помѣстье сего имени) принадлежалъ Баронессѣ Амаліи Зегевольдъ по правамъ аллодіальнымъ*, утвержденнымъ редуціонною Коммиссіей, съ грѣхомъ пополамъ, въ уваженіе къ ея родственнымъ связямъ съ предсѣдателемъ оной Коммисіи, деспотическихъ Графомъ Гаспферомъ.

Баронесса Зегевольдъ — оупъ колыбели ненаглядное дитя Фортуны — избалованная слѣпою любовію оупца и матери;

---

* Родоуаслѣдственныиъ.

единственная наследница богатого имения, котораго, по смерти ихъ, она сдѣлалась и полною владѣтельницей на двадцатомъ году веселой прогулки по пупи жизни; испытавшая во все продолженіе оной только одно горе, не несчастіе — потерю мужа крохотаго, перепливаго, сморѣвшаго въ глаза своей повелительницы и любившаго ее, какъ идолопоклонникъ любитъ свой кумиръ; Баронесса, всегда окруженная роемъ постороннихъ и домашнихъ почитателей ея ума, красоты и богатства, была бы осьмымъ чудомъ свѣта, если-бъ не допустила самолюбія, тщеславія и любви къ господству возобладать собою. Въ душѣ ея зашли сіи страсти, такъ что все, имѣвшее честь принадлежать ей и находиться въ зависимомъ къ ней отношеніи, кряхтѣло подъ бременемъ ихъ. Во цвѣтѣ ея молодости ей неизвѣстно было, что такое любовь. Если послѣдняя находила иногда путь къ ея сердцу, то это было подъ личиною лести:

узнавъ обманъ, Амаля шакъ сердито выпроваживала опъ себя Амура, чшо онъ въ другой разъ не смѣлъ къ ней показашься. Теперь же, когда ей спукнуло за сорокъ лѣтъ, его самага обольщеніями не лзя было приманишь къ ея ногамъ. Властлюбіе сдѣлалось единственною по-ребностью ея души. Но дѣйствовашь волею своею на шѣсный кругъ семейства, приближенныхъ и крещьянъ своихъ казалось ей недостапочно: дышашь въ воздухъ этой ограниченной сферы было для нея тяжело. Ей помечталось, чшо она имѣешь столько глубокомыслия и пронцапельности, столько знанія людей и обспояпельствъ, шакое сильное вліяніе на соопечеспвенниковъ, чшо можешь управляшь ходомъ политическихъ дѣлъ Лифляндіи. »Кшо не умѣешь поставишь себя выше своего званія и состоянія, шопъ недостойнъ пользоваться ни шѣмъ, ни другимъ« — повпоряла она за Королевою Христиной, которую во многомъ взяла себѣ

въ образецъ, какъ мы увидимъ послѣ. Слѣдуя правилу сему, рѣшилась она показать чудесное явленіе, именно женщину-дипломатку, и занявъ, во что бы то ни стало, порядочную страничку въ Исторіи 18 столѣтія. Хитрому Папкуню взялась она пропихивать себя, перехитрить его, и какъ онъ дѣйствовалъ въ пользу Россіи, также дѣйствовать для блага Швеціи. Съ сего времени домъ Баронессы сдѣлался очагомъ политическихъ мнѣній Лифляндіи и телеграфомъ всѣхъ новостей, имѣвшихъ вліяніе на оную.

Добровольно возложивъ на себя обязанности дипломата, Амалія Зегевольдъ старалась привести въ движеніе все тонкости, съ симъ званіемъ сопряженныя. Не только въ отечествѣ своемъ имѣла она лазутчиковъ, но хвалилась, что имѣетъ ихъ даже при Дворахъ Августа и Петра, Были люди, которые вѣрили ей на слово, что въ перепискѣ ея съ Г-жею Монсъ, соотечественницею ея и временною лю-

бимицей ПЕТРА I, заключались извѣстїя обо всѣхъ движенїяхъ Русской политики. Между тѣмъ знавшіе хорошо Россійскаго Государя, знали также вѣрно, что хотя онъ всякой прекрасной женщины старался быть прїятымъ, но еще ни одна изъ нихъ не могла прибавить ключа къ его кабинету. Не совсемъ довѣряли также, чтобы тайная корреспонденція Баронессы съ Графиней Кенигсмаркъ, извѣстной своею красотою и властію надъ Королемъ Польскимъ Августомъ, могла быть полезнаю для Лифляндіи. Кажется, всѣ сіи члены кабинета Аспазіи плашили другъ другу фальшивою монетою. Но одною изъ надежнѣйшихъ и сильнѣйшихъ пружиць, которыя Баронесса заставляла играть для достиженія своей цѣли, были раскольники, убѣжавшіе изъ Россіи будто бы отъ гоненій Правительства и нашедшіе себѣ новое отечество около Чудскаго озера, большею частію, на земляхъ фамиліи Зегевольдъ, или, по содѣйствію ея,

во владѣніи ея близкихъ знакомыхъ. Она бросила успѣшно виды свои на Андрея Денисова, одного изъ коварнѣйшихъ людей того времени въ Россіи, главу и учителя Поморскихъ раскольниковъ. Въ Лифляндіи находился Ересіархъ сей уже нѣсколько мѣсяцевъ, пришедши изъ Выгорѣцкаго скита* для соглашенія споровъ, возникшихъ въ разныхъ зарубежныхъ согласіяхъ**, и для обращенія на путь истинный *суетныхъ****, или оппавшихъ членовъ своихъ, умѣлъ выспасть господствующія въ Баронессѣ спрасши и, не смотря на различіе вѣръ и народности, заключить съ нею противъ Русскаго Государя оборонительный и наступательный союзъ. Вѣсти, получаемыя отъ Андрея Денисова о внутреннихъ дѣлахъ Россіи и даже тамошняго Двора, могли бытъ вѣрны, во первыхъ по тому, что хитрые миссіонеры старообрядцы, шатаясь безпрестанно

* Монастырь старообрядческій.

** Общества раскольниковъ.

*** Неисполняющіе въ точности правилъ старообрядческихъ.

не изъ края въ край, изъ одного скипа въ другой, не упустили на мѣстахъ развѣдывашь обо всемъ, что имъ нужно было знашъ, и вовторыхъ, потому, что Ересіархъ ихъ, давно извѣстный честлюбивой Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, велъ съ нею шайную переписку*. Переводчикомъ въ чудныхъ сношеніяхъ Денисова съ Лифляндскою Баронессою служилъ *Жидовинъ*, находившійся въ числѣ его учениковъ. По щеславію *патріотки*, такъ прозвали ее наконецъ, можно судить, сколько она старалась различными услугами поддержать сію связь.

Дружескія ея сношенія съ Генераль-Вахшмейстеромъ Шлиппенбахомъ, основанныя на разныхъ пожертвованіяхъ въ пользу Шведскаго войска, были также скрѣплены полипшикою. Въ минушы сердечнаго изліянія (надобно знашъ, что и дипломаты проговариваются) открылъ

---

* Смощри Полное Историческое извѣстіе о древнихъ Сшригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, изданное Прошоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ 1799. сшран. 115.

онъ Баронессъ, что имѣешь въ Лифляндіи повѣреннаго умнаго, шонкаго, всезнающаго, которой, подъ видомъ доброжелательства Папкулю, ведешь съ онымъ переписку, даешь ему ложныя извѣстія о состояніи Шведскаго войска и между тѣмъ увѣдомляешь своего настоящаго довѣришеля о дѣйствіяхъ Русскихъ. »Вошь какъ — прибавлялъ Шлиппенбахъ — проводимъ мы хитреца, играющаго роль Министра Россійскаго! Прихлопнемъ, ужь прихлопнемъ мы его въ ловушку!« Довѣренную свою особу называлъ Генераль-Вахтмейстеръ Шведомъ, знающимъ совершенно языки: природный (само собой разумѣется), Нѣмецкій, Лапышскій и Русскій. Шведъ былъ всячески укрытъ отъ поисковъ Баронессы, которая могла бы имъ овладѣть въ свою пользу. Она успѣла однако-жь вывѣдать, что эшонтъ таинственный человекъ былъ музыкантъ, играющій на какомъ-то Русскомъ инструментахъ и спранспвуетъ съ слѣпцомъ-

пророкомъ. Намъ легко узнать въ эпихъ лицахъ Вольдемара изъ Выборга и Конрада изъ Торнео. Такимъ образомъ разсказывались сѣни полиптикъ Русской: бѣдная Россія!

Какая была награда женщинѣ-дипломату за всѣ труды и пожертвованія ея? — Слава въ будущемъ, спраничка въ Исторіи, а покуда благодарность Пипера, Министра Карла XII. Послѣдній, очищая увѣдомленія ея въ горнилѣ опытности и благоразумія, и умѣя извлекать грани чистаго золота изъ пудовъ нечистой примѣси, неменѣе того оставался признателемъ богатой и знашной Лифляндкѣ, жертвующей своимъ достояніемъ и трудами пользѣ Швеціи и направлявшей умы своихъ соотечественниковъ къ преданности Шведскому престолу. Съ этой стороны подвиги *патриотки* не были щедрыми, и потому люди, судящіе по наружности, почитали ее довольно сильною у Двора Шведскаго — Двора, несуществующаго, безъ

полипики, или лучше сказать, находившагося тамъ, гдѣ раскидывалась ставка Карла XII, и дѣйствовавшего по направленію его снаги. Вѣроятно, и самъ Король, не имѣлъ понятія о Баронессѣ Зегевольдъ; ибо онъ никогда, ни объ одной женщинѣ не хотѣлъ слышать.

Любопытство, праздность, лукавство, желаніе сдѣлать угодное Баронессѣ, искапельство, связи дружбы и родства, собирали въ Гельмешъ многочисленное, иногда блестящее общество, которое она почитала за Дворъ свой. Къ удовольствію посѣщителей, не смотря на различіе партій, она принимала всѣхъ съ равнымъ гостепріимствомъ, хотя съ нѣкоторымъ условленнымъ этикетомъ, и допускала въ свой кругъ свободу мнѣній, лишь бы она не посягала на щеславныя, личныя права самой владѣтельницы замка. Особенно старалась она завлечь въ Гельмешъ путешественниковъ, художниковъ, ученыхъ, чтобы уронить въ сердца ихъ сѣмена благорасположенія къ себѣ и

выманишь опть нихъ занимапельныя новоспи о тѣхъ спранахъ, копорыя они протзжали. Не рѣдко слышала она перпѣливо изъ успъ ихъ нѣкопорыя горькїя испины на счешъ неблагоразумїя, съ какимъ продолжалась наспоящяя войпа, и заносчивоспи молодого вѣнценоснаго Побѣдителя — слушала, и продолжала дѣлать свое.

Мы сказали, что она во многомъ взяла себѣ въ образецъ Хриспину. Въ самомъ дѣлѣ многіе характерическіе прїемы Королевы Шведской перешли въ наслѣдство къ Баронессѣ. И та и другая не любили женскаго общества; обѣ занимались липшерапурию, покровишельспвовали ученыхъ, ласкали предпочпительпо иноспранцевъ, были щедры безъ разсудишельноспи и, между нами сказашъ, не думали о благѣ своихъ подданныхъ; обѣ не шолько въ своихъ поспупкахъ, но и въ одеждѣ вывѣшивали спранноспи характера своего и, на зло природѣ, старались показывать себя

болѣе мужчинами, нежели женщинами. »Какъ пристали къ Баронессѣ темный галстучекъ, Amazonское плашье à la Reine de Suède, отважная верховая ѣзда по слѣдамъ гончихъ, ученая словопрѣія съ Профессорами и даже чернильныя пятна на пальчикахъ ея и манжетахъ! Настоящая Христина!« Такъ говорили ея поклонники; а послѣднихъ было у ней довольно, пошому что желаніе владычествовать и *обязывать* заставляли ее быть великодушною, очень часто къ собственному вреду. Просьба ученаго, особенно иностранца, намѣки знашаго родственника, челоуѣка значительнаго о нуждахъ своихъ, искушеніе казаться шѣмъ, чѣмъ она въ самомъ дѣлѣ не была, прославились высокими свойствами души, коихъ она не имѣла, развязывали ея кошелекъ, закрывая ей глаза на счетъ домашнихъ обстоятельствъ. У себя съ своими она была деспотъ настоящей: Я покрывало и собственныя ея пользы и благо вѣренныя ей Провидѣніемъ

кресстьянъ. О состояніи послѣднихъ *патріотка* не хотѣла знать. »Они должны въ точности выполнять положенное на нихъ — говорила властолюбивая помещица: я даю имъ раза два, при въ годъ праздники, шью невѣстамъ нарядныя плашья, женихамъ цвѣтныя кафшаны; спрахъ какъ бы хотѣла преобразить моихъ Лапышей и Чухонъ въ Швейцарцевъ; но упрямы оспанулся вѣчно Лапышами и Чухонцами. Не мнѣ чепа, Стефанъ Баторій хотѣлъ улучшить ихъ состояніе: но принужденъ же былъ согласиться оставить ихъ, какъ они есть, чшобъ не было имъ хуже!... Чшо-жь болѣе и мнѣ для нихъ дѣлать? Все прочее поручаю моимъ управителямъ, которымъ плачу хорошія деньги, именно за то, чшобы избавляли меня отъ скучныхъ обязанностей экономки и сношеній съ этимъ необразованнымъ, грубымъ народомъ.« Взвѣсивъ эти разсужденія, можно судить, каково было состояніе кресстьянъ Баронессиныхъ. До-

ходы не умножались, хозяйство не спорилось, и хотя Амшманъ Шнурбаухъ увѣрялъ, что финансы ея приходяшь день ото дня въ лучшее состояніе, что все подвластное ей благословляешь и прославляешь ее; но худо покрышыя избы, хлѣбъ пополамъ съ мякиною и бѣдная, печисная одежда поселянъ ея вѣрнѣе сказывали истину. Надобно замѣшишь, что Лифляндскіе помѣщики тогдашняго времени не одушевлялись еще шѣмъ благороднымъ, высокимъ ко благу челоувчества спремленіемъ, какое видѣли мы, къ чеспи ихъ, въ современную намъ эпоху.

Глава девятая

Д О М О Ч А Д Ц Ы.

Всѣхъ, всѣхъ давайте намъ на сцену!

Анонимъ.

Баронесса имѣла единственную дочь. Луиза душевными качествами ни мало не походила на мать свою. Казалось, природа хотѣла недостатки первой вознаградить достоинствами другой. Не смотря на странности даннаго Луизѣ воспитанія, которымъ желали удивить современниковъ (въ нашъ вѣкъ нѣтъ уже ничего удивительнаго); ибо съ преподаваніемъ языковъ Шведскаго, Французскаго и даже Латинскаго, учили ее не только спрягать, но и жать

рожь; не смотря на то, что съ малолѣтства ея заставляли ее швердить ролю богатой наслѣдницы, она опшолкнула опъ себя всѣ обольщенія самолюбія. Крошостью и смиреніемъ Ангельскимъ, всегдашнею готовностью помогать несчастнымъ, привѣпливымъ обхожденіемъ съ низшими, она часто заставляла подвласныхъ Баронессѣ Амаліи забывать всю шажестъ ея господства. Это милое швореніе, какъ гостепріимная пальма въ степи, заслоняла собою жгущіе лучи гордаго свѣшла. Любовью ко всему доброму и высокому напшана была душа ея. Характеръ ея былъ созданъ, чшобы составлять счастье другихъ; но въ немъ же замѣшна была степень чувствительности, опасная для нея самой. Досель прогали ее однѣ бѣдствія ближнихъ, копорымъ она и поспѣшала на помощь безъ всякихъ вычисленій ума. Надобно было ожидать, что Луиза съ сердцемъ, пригшовленнымъ для нѣжныхъ впечатлѣній,

узнавъ другую любовь, кромѣ состраданія къ ближнимъ, предаспя сему чувствованію, какъ просподушное дшпя, и увлечешя имъ съ шѣмъ постоянствомъ и силою страсти, копорья опличають ея полъ и выбирають изъ него своихъ несчастныхъ жершвъ чаще, нежели изъ другой половины рода челоуьческаго.

Машъ Луизы, бывъ счастлива супружесшвомъ по разсчешу своихъ родителей, одолженная также спокойсшвіемъ и удовольсшвіями жизни богашому сосшоянію, хощѣла доставить и дочери шѣ же блага. По одинакому-жѣ разсчешу, Луизѣ съ девятилѣшняго возраста назначень въ супруги Баронъ Адольфъ фонъ Траушфешперъ, мальчикъ, спарѣея шремя годами. Дядя по матери его, Баронъ Балдуинъ Фюренгофъ, одинъ изъ богашѣйшихъ Лифляндскихъ помѣщиковъ, былъ челоуькъ удивительный: онъ умѣлъ выбивашъ изъ копѣйки рубль комическою скупосшью, необыкновенными ро-

сповыми обородами и вѣчными процессами, и успѣлъ еще, при владѣннн небольшимъ имѣнемъ, доставшимся ему отъ матери, составить себѣ значительный капиталъ. Сверхъ того, чтобы переполнить его казнохранилище, случилось, къ изумленію всей Лифляндіи, что отецъ, опрѣшнвшій-было его отъ наслѣдства за безуспѣство и жадность къ деньгамъ, вдругъ неожиданно передъ смертію уничтожилъ свое прежнее завѣщаніе, сдѣланное въ пользу двухъ дочерей и оставилъ Балдуину, по новому уже завѣщанію, родовое и благопріобрѣшенное имѣніе, за нѣкоторымъ малымъ исключеніемъ въ пользу сестеръ его. Этого Балдуинъ Фуренгофъ, одолженный Баронессъ утверженіемъ за нимъ редуціонною Коммисіею имѣнія, щеславная дипломатка и Паспоръ Гликъ, всегда подававшій свой голосъ тамъ, гдѣ шло дѣло объ устройенн чьей-либо будущности, составили нѣкогда впроемъ совѣтъ, въ которомъ

положили, для общаго благосостоянія, соединить законными узами Луизу и Адольфа, какъ скоро первой наступитъ семнадцать лѣтъ, а второму двадцать. Чтобы ни одна сторона не могла нарушить сіе положеніе, оно утверждено было законнымъ актомъ: только смерть невѣсты или жениха освобождала ту или другую сторону отъ сего обязательства. Съ выполненіемъ онаго Адольфъ долженъ былъ вступить во владѣніе половиной части дядина имѣнія, а по смерти Фюренгофа пользоваться всѣмъ, чѣмъ эиотъ владѣлъ правдою и неправдою. Надобно объяснить, что изъ фамиліи Траушфештеровъ оставались въ Лифляндіи только Адольфъ и двоюродный братъ его Густавъ, двумя годами его старшій. Матери ихъ были родныя сестры, и какъ онѣ, такъ и отцы ихъ умерли еще до 1690 года. Ближайшими родственниками ихъ оставались Фюренгофъ и Рейнгольдъ Пашкуль. Последний, до приговора его къ казни, имѣлъ

объ оставшихся сиротахъ истинно отеческое попеченіе. Бѣжавъ изъ Швеціи и лишась всего имѣнія, взятаго въ казну, онъ поручилъ ихъ покровительству Фюренгофа, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ и опекуномъ того незначительнаго участка, который достался сиротамъ послѣ смерти ихъ родителей. Доходами съ сего участка, оцѣпаннаго усердіемъ скупаго дяди, Адольфъ и Густавъ начали пользоваться, какъ скоро приняты были въ военную службу.

Адольфъ, до вступленія своего въ Университетъ, не рѣдко госпиль по нѣскольку мѣсяцевъ въ замкѣ Баронессы Зегевольдъ, желавшей укрѣпить привычкою будущій союзъ его съ Луизой. Дѣти любили другъ друга, какъ дѣти, долго жившія подъ одною кровлей и сближенныя привлекательною наружностью, играми, извѣстностью ихъ будущности, для нихъ непонятной, но представляемой имъ въ пріятномъ видѣ родства. Милая Луиза! милый Адольфъ!

были имена, кошорыя они давали другъ другу и вырѣзали даже въ одномъ изъ Гельмешскихъ грошовъ. Не зная, что такое любовь, они уже ощущали ее въ какомъ-то удовольствіи бытъ чаще вмѣстѣ. Случалось даже, что маленькій женихъ ревновалъ къ двоюродному брату Густаву, пріѣзжавшему иногда, хотя гораздо рѣже его, госпизъ въ Гельмешъ. Адольфъ и Луиза были вездѣ вмѣстѣ: въ шанцахъ, въ играхъ, въ прогулкахъ шрудно было разлучить эту пару голубковъ. Была ли больна одна, нездоровилось другому; видя одного грустнымъ, можно было догадаться, что и другой въ такомъ же состояніи. Маменька не могла налюбоваться на эту маленькую чешу. Баронессъ особенно нравилось, что будущій мужъ былъ услупчивъ и покоренъ волѣ будущей супруги. Нѣкоторыя сосѣды, неослѣпленные пристрастіемъ, посихоньку осуждали это слишкомъ раннее въ дѣтяхъ развитіе

чувства, которое никогда не поздно узнать. Но Баронесса, обольщенная мыслью, что дочка будетъ обладательницей огромнаго имѣнія, предвидѣла одно ея величіе и благополучіе. Фюренгофъ, который душевно желалъ бы зарыть свои сокровища въ землю, чтобы онъ никому не доставались, объявлялъ между тѣмъ, что онъ утѣшается мыслью передать свое имѣніе, нажитое многолѣпными трудами, сыну сестры, которую онъ особенно любилъ, и молодому чело-вѣку съ хорошими надеждами. Дѣйствительно извѣстно было, что онъ перенѣть не могъ мать Густава за горькія испины, нѣкогда ею сказанныя, и процессъ, запѣянный ею по случаю оспориванія послѣдняго опцовскаго завѣщанія.

Когда Адольфъ принужденъ былъ отпра-виться въ Упсальскій Университетъ, доканчивать ученіе и начинать новую жизнь, убивать первыя, чистыя впечатлѣнія природы и знакомиться съ тяже-

лыми опытами ; когда нашимъ друзьямъ надобно было расстаться : одиннадцатилѣтняя кевѣста и четырнадцатилѣтній женихъ обливались горькими слезами, какъ настоящіе влюбленные. Долго не могла она забыть своего дорогаго Адольфа ; долго не могли испребишься изъ памяти и сердца студента глазки Луизы, томные, черненькіе, какъ жучки, кашпановые, шелковые локоны, которыми онъ такъ часто игралъ пальцами своими, бѣлыя ручки ея, обвивавшія такъ крѣпко его шею при тяжкомъ расставаніи, и слезы, горячія слезы его, лившіяся въ то время по его щекамъ. Иногда Профессоръ Исторіи, среди краснорѣчиваго повѣствованія о побѣдахъ Александра Великаго, отъ коихъ передвигался съ мѣста на мѣсто парикъ ученаго, густыя брови его колебались, подобно Юпитеровымъ бровямъ въ страхъ земпороднымъ, и кафедра шрещала подъ молотомъ его могущей длани, — иногда говорю я, великій Педагогъ умильно

обращался къ Адольфу съ слѣдующимъ возгласомъ: »Вижу, вижу по блестящимъ глазамъ господина Траушфештера, что онъ далеко пойдешь за великимъ Полководцемъ.« Адольфъ краснѣлъ отъ этой похвалы, потому что огонь, горѣвшій тогда въ его глазахъ, зажгли не побѣды Александровы, но воспоминаніе о прогулкахъ съ Луизой по Гельмешскому саду. Онъ встрѣчалъ ее въ путешествіяхъ по всемъ странамъ свѣта, проходимымъ съ учителемъ Географіи: свѣтъ его былъ тамъ, гдѣ была милая Луиза. Она преслѣдовала его и на бастіонахъ, которыми планы чертилъ Адольфъ для математическаго класса. Отъ студенческой скамьи перевели его въ Трабантскій полкъ и отправили прямо въ побѣдоносную Королевскую армію, не давъ ему повидаться съ предметомъ его нѣжныхъ воспоминаній. На первыхъ квартирахъ и даже въ первыхъ лагеряхъ разбиралъ онъ еще залогомъ дружбы, цѣловалъ съ

жаромъ ленточку, кошорую нѣкогда *милая* подпоясывалась, клочокъ бумажки съ магическимъ именемъ: *Луиза*, засохнувшій цвѣпокъ, ею подаренный. Но чего не дѣлаешь всемогущее время и не въ такія лѣта? Прошло два, пригода, и Адольфъ, одинъ изъ опличнѣйшихъ офицеровъ Шведской арміи, молодой любимецъ молодаго Короля и Героя, причисленный къ свитѣ его, кипящей опвагою и преданносцію къ нему — Адольфъ, хопя любилъ изрѣдка припоминашь себѣ милья чершы невѣсны, какъ бы видѣнныя во снѣ; но ревнивая слава уже сдѣлалась полною хозяйкой въ его сердцѣ, оставивши въ немъ маленькой уголокъ для другихъ чувспвованій. Въпреникъ расперялъ даже залогы дружбы, для него прежде безцѣнныя. Ктому-жъ онъ зналъ Луизу, какъ дитя, а образъ дѣтскій не сильный проводникъ къ сердцу 20-лѣшняго пригожаго воина, кошорому каждый побѣжденный городокъ дарцшь вмѣстѣ

съ лаврами и свѣжія миршы. Съ другой стороны, Луиза вспоминая свое прежнее обращеніе съ женихомъ, начинала стыдѣться дѣшскихъ своихъ пѣжностей. При имени Траутфешпера она краснѣла и показывала неудовольствіе, если уже слишкомъ краснорѣчиво описывали ея бывалую къ нему привязанность. Впрочемъ они изрѣдка вели другъ съ другомъ переписку, которую диктовала невѣстѣ мать, а жениху обязанность. Слова: *милый Адольфъ, милая Луиза*, замѣнились въ письмахъ болѣе холодными именами: *любезный, любезная*. Наконецъ они спали помнишь только *обязательство*, которое, можетъ быть, попому не забывали, что Баронесса напоминала о долгѣ каждому изъ нихъ, подъ разными видами. Не мудрено, что мигъ свиданія могъ расшевелишь огонь, плѣющій подъ пепломъ времени, и произвестъ пожаръ, который трудно было бы потушить.

Срокъ, положенный для брака по раз-

счешу, насупилъ; но война свирѣпствовала во всей ея силѣ, и Адольфъ, спраспно приверженный къ особѣ и славѣ Короля, почиталъ неблагодарностью, пресупленьемъ, безчестіемъ удалиться отъ милостиваго лица своего Монарха и побѣдоносныхъ его знаменъ. Онъ могъ получить дозволеніе служить въ Лифляндскомъ корпусѣ, но даже и сей предлогъ, отбывъ изъ главной Шведской арміи, представлялся ему какимъ-то постыднымъ бѣгствомъ. Въ слѣдствіе чего писалъ онъ рѣшительно къ дядѣ, что прежде года не можешь быть на своей родинѣ. Сіе извѣщеніе ничего не перемѣнило въ обязательствѣ Баронессы Зегевольдъ и Фюренгофа: рѣшились ожидать терпѣливо еще годъ и, если нужно, болѣе. Какъ благоразумные кормчіе, они не перяли между шѣмъ надежды, что попушный въперъ скорый вздуешь паруса управляемаго ими судна и принесеть его благополучно къ острову Гименя и

Плуруса; простѣе сказать, они ожидали, что благопріятный случай доставитъ Адольфу возможность скорѣе удивить ихъ нечаяннымъ прїездомъ.

Снявъ очерки съ матери и дочери, и описавъ обстоятельство, въ какихъ онѣ находились, обрисуюемъ и другихъ членовъ придворнаго Гельмешскаго шпата, играющихъ болѣе или менѣе важную роль въ нашемъ романѣ. Впервыхъ выступашъ передъ нами дѣвица Аделаида фонъ Горнгаузенъ. Она считала 7-го Гермейстера Бургарда своимъ родоначальникомъ и по видимому упала очень низко съ эшого дерева; ибо опъ всей давнопрошедшей знапности предковъ удержала за собою только имя ихъ и старый пергаментъ, на коемъ ничего разобрать нельзя было, и который, будшо бы, пошому-то и доказывалъ высокій родъ ея. Опъ всего же богатства Гермейстерскаго доставились ей въ удѣль нѣсколько гаковъ земли, частію подъ пескомъ, частію подъ болошами,

принятыхъ вмѣстѣ съ ея особою подъ покровительство Баронессы. Аделаида считалась *Demoiselle d'honneur* при Гельмешскомъ Дворѣ. Не только зрѣлая, но ужъ и увядающая дѣва, она казалась всегда сердитою, потому что нѣкогда, а не шеперь слыла прекрасною, потому что нѣкогда мотыльки обжигали себѣ крылья около ея пріятностей, а нынѣ удалялись ихъ, какъ погорѣлой жнивы. Она вела подробно, съ математическою точностію, рееспръ годамъ своихъ подругъ, а о своихъ лѣпахъ умалчивала съ приличною скромностію; читала всегда панегирики безбрачной жизни и между тѣмъ внутренно ожидала себѣ суженаго съ вѣчною любовью, котораго вела къ ней вѣчная надежда; съ присрасптіемъ говорила о старомъ, золотомъ времени, о поколѣніяхъ знаменитыхъ Гермейсперовъ, о кровныхъ связяхъ съ Магистрами и Кoadьюторами, о высокихъ замкахъ, гдѣ каждый Баронъ былъ независимый Государь, окруженный

знапными вассалами, пригожими пажами, волшебниками-карлами, богатырями-оруженосцами и толпою благородной дворян (Hofleute), о турнирахъ, гдѣ красота играла первенствующее лице, на коихъ брошенная перчатка любимой женщины возбуждала къ подвигамъ скорѣе, нежели въ началѣ 18-го столѣтія всѣ возможныя жертвы, неоправленные въ золото; и наконецъ она такъ спраспно любила рыцарскіе романы, что за чтеніемъ ихъ забывала общество, пищу и сонъ. Воображеніе ея наспроено было симъ чтеніемъ до того, что ей во снѣ и на яву безпреспанно мерещились карлы, волшебники, великаны и разнаго образа привидѣнія. Она была и чувствительна, какъ цвѣшокъ *недотрога*: не могла безъ ужаса видѣть паука, кричала, когда пшичка вылетала изъ клѣшки, плакала отъ малѣйшей непріятности и смѣялась всякой бездѣлицѣ, какъ ребенокъ. Уваженіе связей ея съ родственницею Предсѣдателя редуціонной Коммисіи и желаніе

протезировать высокую опрасль седьмого Лифляндскаго Гермейстера побудили Баронессу Зегевольдъ принять ее подъ свое крыло и смотрѣть на ея недоспапки снисходительнымъ окомъ. Ее берегли, какъ старый жетонъ, для рѣдкости, а не потому, чтобы онъ имѣлъ цѣнное достоинство.

Второе лице Гельмешскаго придворнаго шшапа былъ Библиошекаръ, Адамъ Биръ. Отець его, Томась, математикъ и аншикварій, сколько же славился ученостью своею, сколько и кабалистикою, разспроившею его разсудокъ до того, что онъ предсказывалъ конецъ міра и держалъ закладъ съ однимъ Упсальскимъ аптекаремъ, который не соглашался съ нимъ только въ годъ и мѣсяцъ исполненія пророчества. Чудакъ, увѣренный въ своихъ кабалистическихъ выкладкахъ, роздалъ свое имущество бѣднымъ и съ двумя дѣтьми умеръ бы, конечно, съ голоду, если-бъ его не омыскали благодѣянія Королевы Христины.

Сынъ его наслѣдовалъ, вмѣстѣ съ ученостью и умомъ отца, нѣкоторыя его странности — нѣкоторыя, говорю я, попому что, идя по ступенямъ своего вѣка, онъ умѣлъ оставишь позади себя шъ схоластическія бредни и предрасудки, принадлежавшіе 17-му столѣтію. Любя науки и природу, какъ спрасный юноша, съ чувствованіями свѣжими, какъ жизнь, развернувшаяся въ первый день творенія, онъ чуждался большаго свѣта, въ которомъ не находилъ наукъ, природы и себя, и попому создалъ для себя свой, особенный міръ, окружилъ себя своимъ обществомъ Грековъ и Римлянъ, коихъ онъ былъ спрасный поклонникъ. Онъ любилъ людей, какъ братьевъ, желалъ служишь обществу своими трудами и дарованіями; но общества бѣгалъ, какъ заразы. Воображеніемъ и сердцемъ Адамъ былъ въ помъ состояніи, какъ одноименный ему первый человекъ, когда не гремѣли еще надъ нимъ слова: *»вѣ потѣ лица свѣси хлѣбѣ твой.«* Онъ не

зналъ, что и насущному хлѣбу надобно дѣлать *прииски*. Не говоримъ уже о милостяхъ фортуны, которая давнымъ давно спустила повязку съ одного глаза и жалуешь только усердныхъ своихъ почпшателей. Доспигнувши возмужалости, онъ былъ все еще молодъ и неопытенъ сердцемъ, какъ въ лѣтахъ своего младенчества. Характеръ его можно было уподобить горному въпру, который спускается иногда въ долину, но въ немъ никогда не удерживается. Ничего не лзя было заставить его сдѣлать по неволѣ, все можно — ласкою, словами чести, уваженіемъ законовъ любви къ ближнему и къ опечеству. Крошкій, услужливый и почпшительный, пока шребовали отъ него должнаго, и не угнетали его, онъ умѣлъ даже сносить нѣкоторыя легкія оскорбленія; но когда, чувствоваль удары, прямо направляемые на доброе его имя, тогда онъ и самъ размахивался и возвращаль ихъ безъ околичности, со вприцею. Бѣлое ни-

когда не называлъ онъ чернымъ и черное бѣлымъ, хотя требовали того собственныя его выгоды и угожденія людямъ сильнымъ. Надобно ли было молчать объ угнетеніи — онъ говорилъ вслухъ и именно при тѣхъ, которые на теплыхъ крылышкахъ гонимы были перенести его слова, какъ обыкновенно случается, съ прибавками; надобно ли было говорить о громкихъ подвигахъ великихъ злодѣевъ — онъ молчалъ. — Къ довершенію его портрета, скажемъ, что онъ, проведя большую часть жизни въ уединеніи, сдѣлался заспѣнчивъ, спыдливъ, подобно красной дѣвицѣ, неловокъ, чуждъ ушонченныхъ приличій большого свѣта и разсѣянъ до смѣшнаго.

Этотъ чудакъ воспитывался въ Упсальскомъ Университетѣ и, по смерти отца, получилъ въ ономъ кафедрѣ. Но за несоблюденіе будшаго формы по одному дѣлу, а болѣе за то, что онъ, въ избытокъ опкровенности, сказалъ, что Университетомъ управляешь не Рек-

поръ, а Рекпорша, его гнали и изгнали съ ашшесшацію чловѣка безпокойнаго и ненадежнаго. Нужды напали на него со всѣхъ споронъ; люди, незнавшіе его и непринимавшіе никогда на себя шруда изслѣдовать его поступки, повпоряли за его *доброжелателями*, что онъ чловѣкъ негодный. Больно было Адаму шерпѣшь несправедливья гоненія; но онъ не преклонилъ головы ни передъ людьми, ни передъ рокомъ своимъ. Онъ шерпѣлъ нужды, оскорбленія и вражду съ швердсшью, истинно шпоическою, находя въ обьяшіяхъ природы и наукъ вознагражденія и упѣшенія, ни съ чѣмъ несравненныя. Судьбѣ угодно было испоргнушь его изъ бѣднаго его положенія: сеспра его, одна изъ ученѣйшихъ женщинъ своего времени, нашла случай помѣститъ своего брата въ домъ Баронессы Зегевольдъ, въ должность учителя къ ея дочери. Сію священную обязанность исполнилъ онъ наилучшимъ образомъ. Тщеславная обладательница

Гельмеша, умѣвшая постигнувъ его познанія и понявъ слабости, умѣла и сберечь его. Окончивъ воспитаніе богатой наслѣдницы, Адамъ перешелъ въ должность Секретаря при Баронессѣ. Но здѣсь онъ не годился. Частыя поѣздки его съ дипломаткою, посѣщенія знаменитыхъ домовъ, гдѣ онъ часто, отъ застѣнчивости, горѣлъ какъ Монпезума на угольяхъ, обѣды, казавшіеся ему пышнѣе дежурствъ, иногда несогласія съ Баронессою въ мнѣніяхъ по разнымъ предметамъ, произвели въ немъ отвращеніе отъ новой должности. Сама дипломатка искала благовиднаго случая отказать ему отъ оной. Случай этотъ вскорѣ представился. Пріятельница Баронессина увѣдомляла ее, какъ водилось, съ прискорбіемъ, о кончинѣ 60-лѣшняго мужа своего, бывъ увѣрена, что она, по дружескимъ связямъ съ нею, приметъ участіе въ ея горестной потерѣ. Какъ нарочно, въ то же время сосѣдка Амаліи Зегевольдъ извѣщала ее о

смерти щенка знаменитой породы, котораго она, по просьбѣ ея, достала съ необыкновенными трудами и готовилась отправить къ *патріоткѣ*, для отсылки извѣстному Министру Шведскому, спрастному охотнику до собакъ. Отвѣты, исполненные, почти сходно одинъ съ другимъ, сожалѣнія о смерти рѣдкаго мужа и щенка съ необыкновенными достоинствами, погибнувшими для свѣта, были подписаны Баронессою; но Адамъ, въ разсѣянности, улетѣвъ воображеніемъ своимъ за шридевяшь земель въ шридесятое царство, перемѣшалъ куверты писемъ. Можно вообразить, какую сумашоку надѣлали посланія. »Называетъ щенка мопмъ мужемъ!« говорила одна, задыхаясь отъ гнѣва. »Называетъ щенкомъ моего мужа! Слыхана ли такая дерзость? Этого безцѣннаго друга, Ангела земнаго!...« говорила другая (хотя она этого Ангела при жизни терпѣть не могла). Много спокло труда Баронессѣ помириться съ пріятель-

лицами своими. Между шѣмъ Секретарь уволенъ былъ опть настоящей должности и опредѣленъ въ Библіотекарни Гельмешскаго замка. Здѣсь онъ былъ совершенно въ своей сферѣ: могъ безъ важныхъ послѣдствій ставитъ Фоліанты вверхъ ногами, сближать Эпикура съ Зенономъ, сочешать *Квинта-Курція* съ *Амазонками* изъ монастыря, помѣщать *Награжденную* пробу любви вѣрнаго *Белламира* между *Проповѣдями*, и такъ далѣе въ забывчивости перемѣшать всю библіотеку, на приведеніе коей въ порядокъ потребовалось бы цѣлое общество библіомановъ. Вмѣстѣ съ новою должностію, Адаму дана полная свобода бытъ, гдѣ пожелаешь, и дѣлать, что хочешь. Съ этой эпохи почишалъ онъ себя счастливѣйшимъ изъ человѣковъ.

На мѣсто его поступилъ Секретаремъ къ Баронессѣ Эліасъ Никласзонъ. Не знали именно, откуда онъ родомъ, хопя выдавалъ онъ себя за Нѣмца. Иные почишали его Италіянцемъ, другіе

увѣряли, что онъ изъ роду, считающаго своимъ опечесствомъ то мѣсто, гдѣ находишь для себя болѣе денегъ. Въ самомъ дѣлѣ все, что особенно свойственно Еврею: неупомимое перѣвнѣе, пронырство, двуличность, низость и наконецъ сребролюбіе, означались въ Эліасѣ рѣзкими чертами. Когда онъ имѣлъ въ комъ нужду, гошовъ былъ въ первый день своего искашельства вытерпѣшь даже побои. На другой день онъ споялъ уже на спупени, ближе къ своей цѣли: если здѣсь онъ былъ обруганъ, то молчалъ и кланялся. На третій день онъ являлся въ передней и дежурилъ въ ней, не пивши и не ѣвши съ упренней зари до полуночи, не смотря на оскорбленія слугъ. Можно бышь увѣрену, что къ концу недѣли встрѣчался онъ въ кабинетѣ того, въ комъ искалъ милостей, и выходилъ отъ него, получивъ желаемое, съ гордостью Набоба. Въ Нпкласзонѣ было два челоуѣка: виѣшній и виупренній. Лице его всегда

улыбалось, хощя въ груди его возились адскія спрасши; судя по взгляду его сѣроглубыхъ глазъ, привѣшливому, ласковому, казалось, что онъ водой не замушишь, между шѣмъ, какъ гошовиль злодѣйскіе замыслы. Чершы его лица вообще были правильны, по обезображены шрамомъ на лбу, смѣ неизгладимымъ знакомъ буйной жизни; ибо говорили, что онъ нѣкогда получилъ сей почешный рубецъ осколкомъ бушылки, пущенной въ него шоварищемъ въ спорѣ за предметъ, ихъ достшойный. При людяхъ значшельныхъ онъ боялся прикоснушься къ рюмкѣ, не могъ принимать лекарства, въ кошоромъ хощь нѣсколько капель было вина; за шо въ кругу задушевныхъ, ему подобныхъ, онъ исправно осушалъ спаканы. Разговоръ его былъ самый ушпучивый и сладкій; казалось, онъ не находиль словъ для прошиворѣчія; въ замѣну, краснорѣчіе лести было въ немъ неисшощимо. На языкѣ носилъ онъ медъ, а подъ языкомъ ядъ. Въ Гель-

мещскомъ замкѣ онъ умѣлъ угодишь всеѣмъ, опъ госпожи до дворовой собачонки: одинъ Адамъ Биръ не перилъ его, и не скрывалъ своего отвращенія. Баронесса особенно любила его за почное и усердное исполненіе секретарскихъ обязанностей, за щегольской почеркъ его письма и сладкій слогъ, угождавшій всеѣмъ, кому онъ писалъ, за умѣнье пишашъ ея самолюбіе и особенно за обѣщаніе привестъ къ ней плѣнникомъ Папкуля. Безграмотному Шнурбауху составлялъ онъ аптекарскіе счефы, въ которыхъ приходъ съ расходомъ всегда былъ вѣренъ, и шаніе исправные, что иголки нельзя было подъ нихъ поднустить; жену Амшмана никогда не забывалъ величашъ госпожею фонъ Шнурбаухъ, и даже дворецкому пожималъ онъ дружески руку. Но высшія въ немъ достоинства, коими покрывались все другія, и съ коими можно далеко пойдши въ свѣшъ, были: умѣнье *выдерживать* и умѣнье *пользоваться*. — Мы должны прибавить,

что онъ былъ въ шѣсныхъ связяхъ съ Фюренгофомъ, и по его ходатайству попалъ въ домъ Баронессинь.

Остаеяся памъ взглянуть еще на парочку двуногихъ живошнихъ, и попомъ запереть свой звѣринецъ. Первый изъ нихъ, амшманъ Шнурбаухъ, пошому только не назывался ни вазовымъ, ни вьючнымъ, что ходилъ на двухъ ногахъ и имѣлъ образъ человѣческой. Онъ былъ простенекъ; но сей умшвенный недостатокъ вознаграждался въ немъ также двумя высокими качествами, *исполнительностью и строгостью*, кошорья, въ нѣкошоромъ кругу и особенно у большихъ баръ, выигрываютъ иногда болѣе достоинствъ ума и сердца. Если бы приказали ему дать сто ударовъ: то онъ почелъ бы за преступленіе дать ихъ только девяносто девашь. Тотъ, кто плашилъ ему деньги, могъ навьючить его всякою нечистотшою, неучшиво погонять его и даже засшавить караулить мухъ, будучи увѣ-

рень, что онъ все исполнишь и снесешь съ подобострастїемъ, лишь бы плашили ему деньги и приговаривали припомъ чащцу фонб. Въ доказательство преданности его къ особѣ Баронессы, она приводила, что онъ два года служилъ при ней изъ одного усердія, безъ всякаго жалованья. Кто, однако-жь, выведаль его хорошо, зналъ, что на обманы для своей пользы онъ проведь бы мудреца. Лишенный одного глаза взрывомъ пороха при учрежденіи фейерверка, Шнурбаухъ видѣль оспальнымъ, гдѣ было мягко упасть и сладко поѣсть, не хуже зрячаго обоими глазами. Супруга его была столько же толста глупостью, какъ и *корпусомб*, любила рассказывать о своихъ давно прошедшихъ побѣдахъ надъ военными не ниже Оберстъ-Вахтмейспера, почиала себя еще въ пышномъ цвѣтѣ лѣтъ, хопя оныхъ было ей гораздо за сорокъ, умѣла изгошавливать годовые припасы, управлять мужемъ, управителемъ пѣсколькихъ сотъ крестьянъ, и падашь въ обю-

рокъ, когда онъ не давался ей вцѣлишься хорошенько въ послѣдніе осяшки его волосъ. — Таковы были главные домочадцы Гельмешскаго двора.

Глава Десятая

О Ш И Б К А.

*Душа ждала... кого нибудь,
И дождалась. Открылись очи!
Она сказала: это онъ!*

Пушкинъ.

Въ одинъ Майскій вечеръ того-жь года, съ кошораго началось повѣствованіе наше, сѣли въ карешу, поданную къ террасѣ Гельмешкаго господскаго дома, женщина зрѣлыхъ лѣтъ, въ Амазонскомъ плащѣ, и за нею мущина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ улыбающимся лицомъ, опмѣченнымъ шрамомъ на лбу. Это были Баронесса Зегевольдъ и Секретарь ея Никласзонъ. Они отправлялись, по дипломатическимъ дѣламъ, въ Дерптъ,

опкуда хопѣли возвратиться черезъ двое сутокъ. Баронесса объявила однако-жь, что если къ этому сроку не явится, такъ это будетъ знакомъ, что она поѣхала въ Перновъ, куда ее давно приглашаетъ Университетъ. Бичъ хлопнулъ; карета покапимась съ двора; скоро облако пыли окутало ее вдали, и все въ домѣ оживилось; лица у всѣхъ просвѣплѣли. Толпа слугъ походила на людей, выпущенныхъ изъ шюрмы: такую перемену сдѣлало въ Гельмепѣ опсуществіе властлюбовной его обладательницы!

Луиза, проводивъ мать свою, опправи-лась въ рощицу, на ближайшій къ дому холмъ, мимо котораго пролегла Феллинская дорога. Съ нею была дѣвица Горнгаузенъ, хопѣвшая дочипать, для большаго *эффекта*, вблизи развалинъ замка, презанимательный рыцарскій романъ, въ коемъ описывались приключенія двухъ любовниковъ, заброшенныхъ — одинъ въ Палестину, другой въ Ланландію, и наконецъ, съ помощью карлы, аспролога и

волшебницы, соединенныхъ вѣчными узами на островѣ Св. Доминго. Глаза Аделаиды засверкали огнемъ вдохновенія, щеки ея горѣли; временемъ кашились по нимъ слезы, копорыя она спѣшила перехватить платкомъ, чшобы сокрыть ихъ отъ коварныхъ свидѣтелей. Другая спутница Лупзы, домоправительница Фонъ Шнурбаухъ, занявъ одна цѣлую скамейку, посреди жирныхъ мопсовъ, никогда съ нею неразлучныхъ, хошъла-было расплодисься въ повѣспованіе о какомъ-то драгунскомъ Полковникѣ времянь Хриспины, вышедшемъ за нее на дуель; но увидѣвъ, что ее не слушающъ со вниманіемъ, должнымъ высокому предмету, о коемъ говорила, она задремала и захрапѣла вмѣстѣ съ своими моськами. Для Лупзы сіи подруги были совершенно посторонни чувспвованіями и образомъ мыслей. Умѣвшая ее понимать была далеко. Съ особеннымъ удовольспвіемъ засмопрѣлась она на пріяшности вечера, на копорыя Природа во всю весну не была

еще шакъ щедра. Разгорѣвшійся ликъ солнца началъ склоняться на землю; около него небо подернулось розовою чешуей, а вдали по свѣшлоголубому полю бѣжали въ разныя спороны облачка бѣлоснѣжныя, какъ спадо аглицевъ, рассыпавшихся около своего паспыря. Рдѣлся гребень возвышеній, между шѣмъ, какъ шѣнь одѣвала уже скашъ ихъ и разрѣзала озеро пополамъ. Фасъ дома былъ облишъ заревомъ небеснаго пожара; спекла въ окнахъ горѣли. Деревья переливались опшѣнками зелени, желпизны и румянца. Соловьи въ разныхъ мѣспахъ сада распѣвали пламенные гимны любви. Съ кудрей черемхи шеплый вѣперокъ далеко разносилъ благоуханье. Вечерніе мошылки во множеспвѣ перепархивали съ мѣспа на мѣспо, и рои мошекъ толпились въ умирающихъ лучахъ солнца, спѣша насладиться, можешъ бышь, остальными минушами своей дневной жизни. Все въ природѣ, пользуясь послѣдними его благодѣянціями, радовалось и нѣжилось.

Облокопясь на ручку скамейки, Луиза предалась различнымъ мечпаніямъ: по думала о милой Кеше, по вспоминала о своемъ дѣтствѣ, вспоминала объ Адольфѣ, можешь бышь, упрекала его въ забвеніи, и — таково вліянье весны! — вздохнула о своемъ одиночествѣ. Въ это время слышался конскій топотъ. Вслѣдъ за шѣмъ съ горы, по Феллинской дорогѣ, мелькнулъ кавалеристъ. Онъ ближе: можно ужъ замѣшишь, что это офцеръ гвардейскаго Трабантскаго полку, того самаго, въ которомъ служишь Адольфъ. Кто бы это такой былъ? въ такое время?—Онъ даетъ знакъ спорожу у подъемнаго моста, чшобы его опустили. Цѣпи звучать; мостъ опущень. Спашный вороной конь, испуганный шумнымъ паденіемъ его, храпшишь и встаешь на дыбы. Луиза боишся за незнакомца; но конь, покорный искусному всаднику, быспро переносишь его черезъ мостъ, подъ нимъ въ перекапахъ гремящій. Офцеръ проѣзжаешь мимо холма, на коемъ сидишь

Луиза. Проницательные взоры осьмнадцатилетней дѣвушки могутъ ужь различить, что онъ очень недурень собой. Замѣшивъ ее, онъ учтиво ей кланяется, вѣтжаешь на гору, на господскій дворъ, останавливаешься у терассы и слѣзаешь съ лошади. Фрицъ принимаешь у незнакомаго лошадей и, всмодрѣвшись пристально въ его лице, говоришь ему: »Добро пожаловать, гость желанный!« — Кто бы это такой былъ? спрашиваешь себя Луиза. Сердце ея необыкновенно бьется. — Маменьки нѣтъ дома: какъ принять безъ нея незнакомаго мушкетера? — Слуга выходитъ на встрѣчу офицеру. »Дома ли Баронесса?« спрашиваетъ послѣдній. — Нѣтъ, отвѣчаешь слуга: она уѣхала съ часъ тому назадъ въ Дерптъ. — »Кто-жъ дома?« — Фрейлейнъ. — »Доложи ей, что Баронъ Траупфенбергъ, прѣхавшій изъ арміи, проситъ позволенія ей представиться.« Слуга, не дѣлая дальнѣйшихъ распросовъ, опроремью побѣжалъ въ домъ, искалъ кашеляна для

докладу, и дорогою толкая встречныхъ и поперечныхъ, кричалъ, какъ сумасшедшій, что женихъ барышникъ пріѣхалъ. Тотчасъ по всему дому разнеслось одно эхо: женихъ, женихъ барышникъ пріѣхалъ! Опъ передней до дѣвичьей повторялись эти слова. Вѣроятно, ихъ слышала и гость. Наконецъ явился передъ молодою госпожей своей старикъ дворецкій и провозгласилъ, какъ герольдъ, что Варонъ Адольфъ фонъ Траушфештеръ пріѣхалъ изъ арміи и желаетъ имѣть честь ей представиться. Луиза въ ужасномъ волненіи. Какъ съ неба упалъ передъ нею шопъ, кто съ малолѣтства назначенъ ей въ супруги, опъ коего зависѣло счастье или несчастіе ея будущности, и тогда явился онъ, когда полагали его за тысячу верстъ. Домоправительница, испоргнутая необыкновеннымъ движеніемъ изъ моря покоя, въ которое была погружена, вскочила со спула, за нею бросились моськи съ лаемъ. Первый предметъ, ей предспа-

вившійся, была Луиза, блѣдная, какъ полошно. »Что сдѣлалось съ вами, Фрейлейнъ Зегевольдъ, любезная, драгоценная Фрейлейнъ Зегевольдъ? Воды! муравейнаго спирту!« кричала Шнурбаухъ, переваливая свою дородную фигуру съ мѣста на мѣсто. Но Луиза и безъ посторонней помощи пришла въ себя. Она оповѣчала дворецкому, что просить гостя пожаловать. — »Грубый, желѣзный вѣкъ!« произнесла Аделаида Горнгаузенъ съ шомнымъ жеманствомъ. »Любовники являющся въ собственномъ видѣ, и еще подъ своимъ собственнымъ именемъ! Фи! каспеляны объ нихъ докладываютъ! Въ былой, золотой вѣкъ рыцарства, ужь конечно явился бы онъ въ одеждѣ спранспвующаго монаха, и нѣсколько мѣсяцевъ спалъ бы испышывающъ любовь милой ему особы.« Здѣсь она тяжело вздохнула, хотѣла продолжашъ, и вдругъ остановилась, смушившись приходомъ гостя, награжденнаго опъ природы необыкновенно привлекаштельною наружностью.

Боже! какъ она прелестна!» подумала Траушфешперъ, вспрѣшась съ глазами Луизы. »Какъ онъ выгодно перемѣнился!» думала, въ свою очередь, молодая хозяйка, у которой кровь отъ сердца быспро поднялась въ щеки при первомъ взглядѣ на нее милаго знакома-ца-жениха. Гельмешскія жишельницы говорили про себя: Хорошенькой мальчикъ сдѣлался пріятнѣйшимъ мужчиною. Въ немъ сей часъ узнать можно Адольфа, хотя пѣкошорыя черпы измѣнились. Удивительно ли? его не видали семь лѣтъ, съ того времени, какъ онъ уѣхалъ изъ Гельмеша четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ.» Домоправительница не совсѣмъ однако-жъ вѣрила глазамъ, чшобы это былъ любимецъ ея Адольфъ. Казалось, у того пось былъ нѣсколько болѣе вздернушь, и глаза не шакъ черны, хотя шакъ же живы и плушовашы, какъ у эшого; и волосы у того были посвѣтлѣе! Она хотѣла бы, но стыдншся надѣшь очки:

ей только подъ пятьдесятъ, а ее почтунъ старушкою! Но, опять, Адольфъ могъ переѣннться съ того времени, какъ его не видали.

Милый гостъ говорилъ пріятно и умно; рассказывалъ, что онъ опредѣленъ въ корпусъ Шлиппенбаха; — шутя, прибавлялъ, что назначенъ съ своимъ эскадронномъ бытъ защитникомъ Гельмешкаго замка, вмѣщающаго въ себѣ столько драгоценнаго, и что первую обязанностью почелъ явиться въ домъ, въ которомъ съ дѣтства былъ обласканъ и провелъ нѣсколько часовъ, пріятнѣйшихъ въ его жизни. — «И я помню эти часы!» думала съ удовольствіемъ Луиза. — «Вотъ каковы влюбленные Трабанты Его Величества!» говорила Шнурбаухъ, въ полголоса и вздыхая, дѣвицѣ Горнгаузенъ: «мѣсяцы кажутся имъ часами. Ахъ! и я знала нѣкогда времячко, лѣтѣвшее для меня спрѣлою.» — «Чего не могу просить этому пригожему офицеру — произносила шепотомъ сеници-

ментальная дѣва — такъ это холодность, съ которою онъ явился къ своей невѣстѣ! Ни коленнопреклоненій, ни страстныхъ вздоховъ! Опъ него такъ и несеть его холоднымъ 18-спольшіемъ. Предчувствую, что *ихъ* любовь не будетъ *вѣчна*.» Замѣтно было, что Луизѣ не непріятенъ ея женихъ. Привлекательная его наружность, особенно глаза, копорые высказывали такъ много и такъ убѣдительно; благородство, умъ, чувство въ каждомъ словѣ: все было въ его пользу при сравненіи его съ другими муццинами, копорыхъ она знавала. Все, что выходило изъ краснорѣчивыхъ устъ его, падало на сердце Луизы, оплодотворялось и развивалось въ немъ. Первое впечатлѣніе надъ обоими сдѣлано, и невозвратно. То, что она чувствовала къ нему, не считала опаснымъ: сердце ея повиновалось матери, слушалось обязанностей, напверженныхъ ей съ девяти лѣтъ. Любовь манила ее въ храмъ, куда она шла съ душою

непорочною. Какъ сладостно предаваться мечтамъ, согласнымъ съ долгомъ и разсудкомъ! Что-жь чувствовалъ онъ? . . .

Мы должны открыть читателю ошибку Луизы и обидчателей замка, встрѣпившихъ гостя. Онъ не Адольфъ, не женихъ ея; но двоюродный братъ Адольфа, Баронъ Густавъ Траушфеттеръ, старшій его двумя годами, но схожій съ нимъ до того, что знавшіе ихъ некоротко и выдавшіе ихъ порознь принимали одного за другаго. Лукавые люди не находили ничего замѣпить пропавъ сего рѣдкаго сходства, потому что матери ихъ были родныя сестры, также чрезвычайно похожія другъ на дружку. Густавъ пріѣхалъ изъ арміи Короля Шведскаго въ Лифляндію служивъ подъ начальствомъ Шлиппенбаха, и получилъ назначеніе командовать эскадрономъ драгунъ, расположеннымъ близъ Гельмеша, въ Оверлакъ. Имѣя съ собою письмо отъ Адольфа къ Баронессѣ Амаліи Зегевсльдъ, и помня, что въ

малолѣтствѣ принявъ былъ въ ея домѣ, какъ родной, онъ воспользовался первыми свободными часами, хотя уже и вечерними, чшобы скорѣе выполнишь порученіе своего двоюроднаго брата. Надобно было, чшобъ Судьба, издѣваясь надъ человѣческими разсчетами и планами, слишкомъ рано запѣянными, вызвала Баронессу въ пошъ же самый день изъ Гельмеша и, какъ нарочно, передъ прїѣздомъ въ оный Густава. Не извѣстно, безъ умысла ли онъ не сказалъ своего имени служилею, встрѣтившему его на терасѣ, или съ умысломъ, по случаю бывшаго у него съ Адольфомъ шуточнаго спора, что невѣста приметъ за жениха посторонняго человѣка, слѣдственно забыла Адольфа и перестала его любить. Густавъ легко замѣнилъ, за кого его принимали, и, въ шоржеспвѣ побѣды своей, или вѣрнѣе, по сильному впечатлѣнію, сдѣланному надъ нимъ прелестями Луизы, вмѣсто того, чшобы скорѣе обнаружитъ истину,

спарался всячески продлить ошибку, для него приятную и ни для кого не опасную — по крайней мѣрѣ, такъ ему казалось!

Начало смеркаться. Гуславъ, упоенный успѣхами первой встрѣчи, хотѣлъ бы продлить долѣе свое пребыванье въ Гельмешѣ; надобно было однако-жъ отпраляться домой. »Маменька непременно черезъ два дня будешь назадъ« сказала Луиза, прощаясь съ нимъ, какъ съ давнишнимъ знакомцемъ своего сердца. »Черезъ два дня, отвѣчалъ онъ вздохнувъ, буду здѣсь непременно.« — Возвращаясь въ Оверлакъ, Гуславъ сбился съ дороги, о коей разспросилъ не хуже колонновожапаго, и проплуталъ до разсвѣта, какъ человекъ, одержимый куриною слѣпошью. Также и въ замкѣ было что-то не по прежнему. Домоправительница, смѣшливая въ дѣлахъ сердечныхъ, смекнула, по какой причинѣ Луиза необыкновенно нѣжно поцѣловала ее, отходя въ свою спальню. Въ мину-

пы истинной любви всѣхъ любишь. Даже горничная замѣтила, что барышня до зари не могла заснуть и провозилась въ постели.

На другой день въ замкѣ только и было разговоровъ что о пригожемъ женихѣ; не упустили изъ виду, что онъ и съ низшими былъ привѣтливъ, Фрица особенно ласково благодарилъ за то, что подержалъ его лошадь, а спорожу у моста далъ серебряную монету: знаки добраго, щедраго сердца! Всѣ обитатели замка молили оупъ души Бога, чтобъ Онъ даровалъ будущей чепѣ долгія лѣта. Видно, говорили они, за доброе сердце нашей барышни посѣщаешь ее Господь своими милостями. Шнурбаухъ не наговорила о достоинствахъ мнпмаго Адольфа и признавала, перебирая шрехлокольную роспись своихъ поклонниковъ, что ни одного равнаго ему не находила. Въ этомъ случаѣ Луиза не сердилась на нее. И самъ Биръ изъявилъ свое желаніе видѣть Адольфа, въ дѣшспвѣ любив-

шаго Натуральную Исторію, Грековъ и Римлянъ, и пошому обѣщавшаго много добраго.

Въ назначенный день въ замкъ ждали съ неперпѣніемъ не Баронессу — жениха молодой госпожи. Домоправительница особенно желала ему понравиться, чшобы заслужить богатый подарокъ въ день свадьбы, и пошому, распушенная, какъ пава, въ гродешпуровой, радужнаго цвѣща, роброндъ, спянушая, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, едва двигаясь въ обручахъ своихъ фижемъ, она успѣшила предсшашь въ эшомъ нарядѣ на шерассу замка, опкуда можно было скорѣе увидѣть пребышіе ожидаемаго госпя. Казалось, что она спряхнула съ себя десяпка два лѣпъ; даже рѣшилась она, по просьбѣ Луизы, сдѣлать важное пожертвованіе и вытерпѣть гнѣвъ Баронессы, прогнавъ своихъ мосекъ въ депаршаментъ супруга и приспроивъ по дальнимъ опдѣленіямъ замка Сибирскихъ и Ангорскихъ

кошекъ, собачекъ поспельныхъ и охошничьихъ, Курляндскихъ, Дапскихъ, многихъ другихъ различныхъ достоинствъ, породъ и краевъ — весь эпошъ звѣринецъ Баронессинныхъ любимцевъ. Луиза, боясь насмѣшекъ домоправительницы, убѣдила ее не поминать даже словечка о дѣшской привязанности ея къ Адольфу и избавишь шѣмъ ее ошъ необходимости краснѣшь.

Мнимый Адольфъ не заставилъ долго ожидать себя. Онъ явился вскорѣ послѣ обѣда. Ему казалось, взглянувъ на Луизу, что въ два дня, копорые онъ ее не видалъ, развились въ ней новыя прелести. Глаза ея блистали привѣшнымъ огнемъ, копорый прешьяго дня едва шлѣлся изъподъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ; лице ея, прежде нѣсколько блѣдное, нынѣ ожилося румянцемъ здоровья и удовольствія; уста ея какъ будто улыбались встрѣчѣ счастья и манили насладисься имъ. Она еще любезнѣе, еще доврчивѣе въ обращеніи съ своимъ женихомъ;

въ простосердечіи невинной любви, она шолько-что не говорила: видишь, Адольфъ, не смотря на долгую разлуку, я люблю тебя по прежнему! Густавъ, безразсудный Густавъ предавался также болѣе и болѣе обольщеніямъ сердца. Къ несчастію ихъ, Баронесса въ эпошъ день не пріѣзжала, и въ эпошъ день ничто не подало повода къ разочарованію обмана, въ копорой введены были всѣ обипашели замка на счешъ мнимаго Адольфа. Самъ Биръ, близорукій и разсѣянный, призналъ его за того неушомимаго мальчика, спущника своего по горамъ и лѣсамъ, копорый разъ нашель ему рѣдкое расшеніе изъ рода *Selinum*, а въ другой разъ безспрашно убилъ палкою змѣю изъ поколѣнія *Coluber berus*. Густавъ увѣрять, что онъ забылъ сіи услуги и подвиги; но Адамъ, въ доказапельство оныхъ, непремѣнно обѣщаль ему къ завпрашнему дню опыскашь расшеніе въ справникѣ своемъ и показашь въ банкѣ змѣю. Бывшій учитель Луизы

очень полюбили мнимаго Адольфа, увѣряя, что сердце не обманывается его на счетъ нравственныхъ достоинствъ жениха. Казалось, малѣйшая бездѣлица, одно наименованіе къмъ - либо Гусшава Адольфомъ, могло разрушить усиливавшуюся къ нему любовь Луизы, какъ малѣйшій въперокъ разрушаетъ карпочныя палаты. Но Судьба сама спорожила очарованье.

Когда Гусшавъ возвращался домой, совѣсть пробудилась - было въ его сердце ; но онъ старался заглушить ее слѣдующими разсужденіями : »Вѣспренникъ Адольфъ мало думаетъ о своей невѣстѣ. Еще передъ моимъ отъѣздомъ наказывалъ онъ мнѣ помолчать о своихъ проказахъ, и божился, что если-бъ не миліоны дядюшкины и не походъ на слѣдующій день, то онъ навсегда бы проспился съ Гельмешскою Луизой, копорая одиннадцати лѣтъ была для него мила, какъ Амуръ, но копорая теперь годится только въ наперсницы какой-то Линхень, прелестной въ

осьмнадцать лѣтъ, какъ мать Амуровъ. Въпрогонъ! не знаешь всей цѣны сокровища, его здѣсь ожидающаго; онъ не знаетъ, что для Луизы можно забыть и дядюшкины милліоны и всѣхъ жепщинъ на свѣтѣ. Право, когда-бъ не благосостояніе моего двоюроднаго брата и его попомства, я попытался бы опясть у него нареченную. Она такъ мила, что, ей Богу, неостанешь силъ человѣческихъ отказатьсь отъ удовольствія быть ей пріятнымъ. Впрочемъ не велика бѣда нѣсколько минушь попользоваться невинными правами жениха. Завтра легко будетъ поправить ошибку и привести все въ прежнее состояніе; завтра, торжественно, при маменькѣ этого Ангела, произнесу магическое имя: *Адольфъ*, подамъ его письмо — и опять превращусь въ бѣднаго, ничтожнаго Гуссава. А теперь пусть не взыщешь въпреникъ, если обспояшельства, не отъ меня завиствшія, не мною нарочно устроенныя, дають мнѣ пріятный случай по-

поржеспвовашь надъ нимъ и пошупишь на его счепъ. Можешъ бышь, это плаша пою же монешою за какіе нибудь спарые долги. Въ первомъ письмѣ къ нему опишу свои проказы и рѣшительно объявлю ему, чптобы онъ спѣшилъ насладитъ ся счаспемъ, сполько лѣтъ его ожидающимъ. А по не мудрено, чпто сыщешся другой избранникъ, который не шупя и не подъ пменемъ Адольфа понравився его невѣспъ.» Такъ разсуждалъ Густавъ, упѣшая себя мыслью, чпто эша игра случая кончипся завтра.

На другой день Густавъ опяшь въ замкъ, для свиданія съ Баронессою, и опяшь Баронесса не прѣзжала. Говорили о любви. Надобно знашь, чпто дѣвушка, поперявшая право внушашъ сіе чувствованіе, имѣешъ право разбирашь его, сколько угодно; и пошому дѣвица Горнгаузенъ упшверждала, чпто испинная любовь не можешъ сущеспвовашь безъ преняшспвій. На сторонѣ ея былъ Густавъ, увлеченный голосомъ сердца, кошорое въ наспоящемъ

своемъ положеніи помирилось бы на большія пожертвованія, лишь бы увѣрену бышь во взаимности любимаго предмета и не лишишься надежды когда-либо обладать имъ. Луиза молчала; она казалась оскорбленною. »Спиранныя желанія!« думала она: »счастіе, пригошовленное благо-разумными распорядженіями нашихъ родителей, намъ улыбаясь, идетъ на встрѣчу. Мы можемъ пользоваться имъ спокойно. Нѣтъ; это намъ не нравится. Надобны несчастія, препятствія, спраданія!... Но... можешь бышь... Адольфъ не любишь меня? Не даромъ онъ задумывается такъ часто! Не грустишь ли, что пріѣхаль исполнишь свои обязанности?... Съ радостью освобождаю его отъ сихъ обязанностей, если сердце въ нихъ не участвуешь. Съ радостью?... Полно, такъ ли?... Правда, мнѣ будетъ тяжело это сдѣлать. Я люблю... да! я должна себѣ въ этомъ признайся; но желала бы, чшобъ и онъ любилъ меня, свободно, безъ расчетовъ и припужденія.

Въ прошивномъ случаѣ, союзъ нашъ будетъ пренесчастный.» Луиза рѣшилась немного пококешствовашь, сама не зная того, и начала явно показывашь свое равнодушіе къ мнимому Адольфу. Эпоть опышъ не долго продолжался: Густавъ сдѣлался еще грустнѣе; между шѣмъ глаза его, нѣжное его обхожденье только и говорили ей о спрасши, робкой, но истинной. Въ одинъ мигъ всѣ ненрѣяшности забышы: онѣ были легки, подобно дыханію, которое шускнишъ на мигъ свѣшлую спаль и вдругъ съ нея сбѣгаешъ. Въ замкѣ Густавъ былъ весь любовь, безразсудная, ослѣпленная; но когда онъ шерялъ изъ виду Гельмешъ, раскаянье вступало въ права свои надъ нимъ. Мѣшъ — разсуждалъ онъ вновь съ самимъ собою — нѣшъ, не буду продолжашъ далѣе обмана, опаснаго для насъ обоихъ! Она не можешъ бышъ моею. Дружба, родство, честь, долгъ — спо преградъ прошивъ меня. Хорошо, что еще время! Завшра не поѣду въ замокъ; послѣ

завтра буду шамъ: къ этому сроку подъѣдешь мамъ, и все опкроется. Можешь бышь, я ошибаюсь, видя къ себѣ нѣкоторыя знаки особеннаго вниманія; шѣмъ лучше, если ошибаюсь. Впрочемъ, если-бъ она въ самомъ дѣлѣ могла чувствовашь ко мнѣ что нибудь: то это что нибудь происходишь въ ея сердцѣ единственно опъ увѣренности, что я женихъ ея. Въ прошивномъ случаѣ, она обходилась бы со мною иначе. Поперяю имя Адольфа, и поперяю все, что оно въ себѣ заключаешь, всѣ блага, которыя оно съ собою приносишь. Мнѣ ужъ 22 года: я знаю женщинъ! На бѣднаго Густава не будушь сморѣшь шѣми глазами, какими сморѣли на Адольфа, наследника миллионера. Поспѣшу отбросишь опъ себя эшошь пагубный талисманъ. Слава Богу, еще время!»

Нѣсколько дней Густавъ не являлся въ замокъ — эши дни были для него въкомъ пышки! Онъ хотѣлъ бышь швердымъ и переломишь себя: такъ

онъ говорилъ. Въ замкѣ пуспопа была оцущипельна; скука опушала всѣхъ въ ливрею свою: прекрасные дни казались душными; если не было грозы, такъ несносный жаръ предвѣщалъ ее; мошки кусали неспернимо; рассказы дѣвицы Горнгаузенъ о рыцарскихъ временахъ были пришорны, бесѣда домоправительницы — несносна. Всѣ эти обстоятельства не выходили изъ обыкновеннаго круга природы и жизни обитателей замка; но для Луизы онѣ казались необыкновенными. Только по временамъ, когда упоминали объ Адольфѣ, удовольствіе проглядывало на ея лицѣ, какъ улыбка, вынужденная на уста больнаго ушѣшеньемъ лекаря. Къ скукѣ привилось и безпокойство, что Баронесса такъ долго не возвращалась. Рѣшились написать къ ней въ Перновъ, узнать объ ея здоровьѣ и увѣдомить, что Адольфъ пріѣхалъ изъ арміи. Опвѣтомъ медлили; однако-жъ его получили и, будшо нарочно, передъ самымъ прибытіемъ Густава

въ замокъ. Онъ не могъ выдержашь, болѣе прехъ дней не выдавшись съ покою, съ кошорою долженъ былъ скоро разлучишься, можешь спашься, навсегда. Это предчувствоваль онъ, и между шѣмъ шелъ на зовъ собсшвеннаго сердца, какъ на обманчивый голосъ крокодила. Баронесса Амалія писала къ своей дочери, чтобы не беспокоилнсь на счешь ея здоровья, кошорое въ наилучшемъ положеніи, чшо она радуешься нечаянному пріѣзду Адольфа, и наказывала дочери, сколько можно ласковѣе принимаешь дорогогаго гостя, чаще приглашаешь его въ Гельмешь и помннть, чшо онъ женихъ ея. Изъ этого письма опышный наблюдашель правовъ могъ видѣшь, чшо и въ началѣ 18-го столѣшя маменьки умѣли даваешь дочкамъ искусныя наспавленія, какъ завлекаешь въ свои сѣшн богатыхъ женшшковъ, хошя въ шогдашнее время наука сія не была еще доведена до шакого упонченія, въ какомъ виднмъ ея нынѣ. Баронесса не могла предвидѣшь,

что самыя эпи паставленія соберушь новыя грозныя шучи надъ ея домоуъ. Между прочимъ пщеславная папріотка описывала торжество, съ какимъ приняли ее въ Перновъ ученые Дерптскаго Университета и доканчивала свое описаніе изрѣченіемъ Королевы Христины: »C'est ainsi qu'on entre incognito à Rome*?« Баронесса присовокупляла, что важныя дѣла задерживаюшь ее въ Перновъ еще на нѣсколько дней.

— »Маменька здорова« сказала Луиза, вспрѣшивъ Густава съ лицомъ, сіявшимъ ошъ радости и вмѣстѣ выражавшимъ упрекъ за долгсе опсушествіе. »Она приказала вамъ сказашь, что помнишь и любишь васъ по прежнему, когда вы были дитяеу нашего дома.« — »Развѣ вы ужъ писали къ ней, кто пріѣхалъ? Кажется, такой незначущій человекъ, какъ я, недостойнъ былъ заняшь столько строкъ въ вашемъ и ея писъмѣ« — опвѣчалъ смущенный Гу-

---

* Такъ-шо вспупаюшь инкогнишо въ Римъ?

сшавъ. — »Напрасно вы такъ думаете. Напрошивъ, я поспѣшила ее обрадовать, она такъ много любишь васъ.« — »Обрадовать?... Богъ знаетъ!« возразилъ онъ, тяжело вздохнувъ. — »Въ старые годы вы были къ намъ довърчивѣе.« — »Просшите, я всегда былъ увѣренъ въ мплосяхъ вашей маменьки.« — (Ага! сказала сама себѣ Луиза, въ просходущи истинной любви думавшая бытъ чрезвычайно догадливою: онъ сомнѣвается въ *моихъ* чувствованіяхъ. Если-бъ я могла открыть ихъ! Но, можетъ бытъ, онъ старается выдумывать препятствія? Не уже ли находить онъ удовольствіе мучить другихъ? Если таковъ его нравъ, я буду съ нимъ несчастна. Я хотѣла бы открыть душу мою соединить съ такою же душой.) — »Я имѣю порученіе къ вашей маменькѣ отъ челоуѣка, мнѣ близкаго« — продолжалъ Густавъ дрожащимъ голосомъ — »порученіе, весьма важное, отъ котораго зависить участь нѣ-

сколькихъ людей.» (Лице Луизы вспыхнуло отъ мысли, что онъ имѣешь письмо отъ дяди съ напоминаніемъ объ утвржденіи ихъ союза.) »Будьте моею судьбою! скажите, объясните ли теперь все, что я имѣю на сердцѣ?» Она подумала не много, потомъ спросила въ свою очередь: — »Исполненіе вашего порученія сдѣлаешь ли счастливыми всѣхъ людей, которыхъ вы разумѣете?» — »Думаю, только одинъ будешь несчастливъ. Дай Богъ, чтобы гроза надъ нимъ и обрушилась! Онъ одинъ виноватъ.» — »Это для меня загадка: я не понимаю васъ, господинъ Траушфештеръ! Если и одинъ будешь несчастливъ, такъ лучше навсегда оплошишь сдѣланное вамъ порученіе« отвѣчала Луиза съ гордостію и болѣе досадою оскорбленной любви, нежели самолюбіемъ, и, показывая необыкновенное равнодушіе, обратила разговоръ на другой предметъ.

— Виноватъ ли я? сказалъ мысленно

Гуспавъ: сама судьба не позволила мнѣ опкрышья нынѣ. Впрочемъ, шѣмъ лучше: пригошовлю ее по немногу къ этому опкрышю. — И между шѣмъ онъ упопробилъ, въ оспальные часы дня, всѣ хипрости сердечнаго краснорѣчія, чшобы скрышъ роковую шайну, помиршья съ Луизой и приобрѣсшъ у нея снова то, что онъ единспвенно по наружности поперялъ - было. Испинная любовь сколько довѣрчива, сполько не злопамятна: легко заслушивается обольщениѣ, легко прощаетъ оскорбленія, лишь бы увѣрена была, что онѣ происходяшъ опъ истинной же любви. Луиза старалась забышъ непоняшныя слова жениха своего, приписывая ихъ своенравію сердца, любящаго спроишъ препяшспвія, чшобы усилитъ въ ней привязанность къ нему. Такъ соображала она, основываясь на одномъ мѣспѣ изъ романа, копорой читала недавно, и на словахъ дѣвицы Горнгаузенъ. Гуляя по саду, Луиза нечаянно уронила розу,

которая приколото была у ея груди. Густавъ поднялъ цвѣшокъ, спраспно прижалъ къ губамъ и спряпалъ въ боковой карманъ, ближе къ сердцу. Луиза, казалось, не примѣшила его движеній. По нѣкоторымъ висопамъ, въ саду разсыпаннымъ, прудно было одному, безъ помощи поспоронней, взойдти и сойдти. Въ такомъ случаѣ Густавъ подавалъ Луизѣ руку, на которую она съ удовольствіемъ опиралась и которую нѣсколько минушъ не оставляла отъ боязни увлечься внизъ тяжестью своего тѣла. Иногда въ упоеніи любви, будто окаменѣлые въ блаженнѣйшую минушу ихъ жизни, они останавливались нѣсколько мгновеній посреди горы на тѣсной площадкѣ, на которой едва можно было двумъ человѣкамъ умѣститься. Шелковые локоны водосъ Луизы навѣвались вѣперкомъ на его уша; рука ея мѣла въ его рукѣ, щеки ея горѣли, глаза останавливались на немъ съ нѣжностью и пошуплялись отъ стыда. Это все дѣлала невѣста

съ своимъ женихомъ : можно ли ее обвинять? . . . По лабиринту песчаниковой пещеры, изрытой въ одной изъ садовыхъ горъ, она была его пугеводишельницей. »Сюда, сюда, Адольфъ !« закричала она въ одномъ мѣстѣ. Роковое имя, произнесенное при немъ еще въ первый разъ съ того времени, какъ онъ началъ посѣщать Гельмешъ, заставило его запрепетать. Онъ забылъ все на свѣтѣ, помнилъ только ужасное для него имя, и зашумался еще болѣе въ темныхъ извилинахъ пещеры. »Сюда !« повторила Луиза Ангельскимъ голосомъ своимъ, ворошила назадъ и схвативъ его за рукавъ мундира, спѣшила вывести на свѣтъ. Густавъ казался смущеннымъ, нездоровымъ ; но одинъ взоръ нежнаго соучасія, на него брошенный, оживилъ его на то короткое время, которое онъ оставался въ Гельмешъ.

Послѣ сего посѣщенія Густаву предсавился весь ужасъ ихъ состоянія. Спрашивать его казалась ему злодѣяніемъ. Онъ видѣлъ

въ себѣ величайшаго преступника, издѣ-
вающагося надъ довърчивою чувствви-
тельностью милаго, невиннаго шворе-
нiя; зналъ, что испребитъ въ себѣ
этой страсти было невозможно; но,
по крайней мѣрѣ, швердо рѣшился при
первомъ свиданii отккрыть все Луизѣ
и принести себя въ жертву для ея спа-
сенiя.

30 Мая — это было въ последнее по-
сѣщенiе духа искушителя — сидѣлъ онъ
вмѣстѣ съ Луизой въ садовомъ гробѣ.
Прошекавшiй мимо ихъ ручей Тарвасъ
нашеншываль будно бы пѣни любви.
Съ ними никого не было. Въ удаленii
Адамъ Биръ разбираль занимательное
расшенiе до послѣдней ниши его, какъ
пчела пьетъ сладость изъ любимаго
цвѣтка до послѣдняго его истощенiя,
Въ воспоргѣ, что обогатишь свой
правникъ новымъ сокровищемъ, и въ
удивленii къ премудрости Божiей, по-
мѣспившей себя въ такомъ маленькомъ
шворенii, онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ

около себя, и если-бъ сокрушилось надъ нимъ вешное дерево, подъ коимъ онъ сидѣлъ: то не выпустилъ бы изъ рукъ драгоценнаго найденыша. Домоправительница не показывалась. Она заперлась въ своей спальнѣ, упоая въ горькихъ слезахъ: кто могъ бытъ несчастнѣе ея, жертвы мужнина своеправія и власполюбія? Вообразите ея горешное положеніе: — въ возраженіе на словцо, неловко сказанное ея Вулканомъ, она замахнулась на правую его ланипу башмакомъ; а онъ? — *ахъ!* *Боже мой!* онъ, *Карбонарій*, сказали бы въ наше время — не подставилъ ей еще лѣвой ланипы, и вырвалъ изъ рукъ ея башмакъ! Можно ли снести такую обиду, какой не бывало съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась его нѣжною половиной и полною обладательницей? ... На дѣвицу Горнгаузенъ нашель то же недобрый часъ: она еще не могла оправиться отъ чувства ужаса, произведеннаго въ ней по утру видомъ бабочки, шрепе-

павшей подъ смерпоноснымъ орудіемъ *безчеловѣчнаго* Бпра (шакъ она его называла), который готовилъ ее для своего энпомологическаго *кладбища*. По спеченію сихъ несчастныхъ обстоятельствъ, Луиза и Гусавъ находились одни, сидя въ грошѣ на дерновой скамьѣ. Никогда еще не была она шакъ прелестна; никогда еще не казалась шакъ счастливою. Коварная любовь сама, будто бы нарочно, пощилась убрать ее въ лучшіе свои наряды, какъ въ древнія времена убирали дѣвъ, копорыхъ вели на жертву къ алтарю разгнѣваннаго божества. Гусавъ былъ скучень; она искала разсѣять безпокойство его души, для нея непонятное. Глаза ея остановились на одномъ мѣстѣ гроша и пробѣгали съ удовольствіемъ какую-то надпись, на песчаникѣ вырѣзанную; потомъ она спросила его съ нѣжною ошкровенностію: »Кто это писалъ?« Жадными взорами пробѣжалъ онъ надпись, нѣсколько спершую временемъ, ра-

зобралъ въ ней слова: *милая Луиза!* имѣлъ еще силу прочесть ихъ вслухъ, и попомъ, не отвѣчая прямо на вопросъ ея, примолвилъ: »Счастливъ смертный, который безъ страха можешь выговоришь эти слова! еще счастливѣе, кто могъ слышать отвѣтъ!» Луиза ничего не сказала, но взорами, исполненными привѣтомъ любви, остановилась на другой надписи. Трещень пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ; холодный потъ выступилъ на чело, когда онъ взглянулъ на роковыя слова: *милый Адольфъ!* »Счастливый Адольфъ!» произнесъ онъ замирающимъ въ груди голосомъ: »несчастливъ тотъ, кого принимали за Адольфа!» — »Я васъ не понимаю!» сказала испуганная Луиза: »что это значить? вы блѣдны, вы нездоровы? Боже мой! что съ вами дѣлается?»

Гуславъ упалъ передъ нею на колѣна. »Я обманщикъ! — произнесъ онъ съ выраженіемъ спрашки и отчаянія — сначала ошибкою служителя и вашихъ

домашнихъ , попомъ безразсудствомъ , наконецъ любовью я невольно вовлеченъ въ обманъ — любовью истинною, безкорыстною , которая можетъ только съ жизнью моею кончиться. Нынь достойной казни для наказанія подобнаго мнѣ изверга ! Кляните, кляните меня : я этого достоинъ ! Я — не Адольфъ !» — «Кто же вы ?» спросила Луиза умирающимъ голосомъ . — «Густавъ, двоюродный братъ Адольфа.» — «Густавъ ! что вы со мною сдѣлали ?...» могла она только произнести, покачавъ головой, закрыла глаза руками, и не въ состояніи перенести удара, поразившаго ее такъ неожиданно, упала безъ чувствъ на дерновую скамейку. Въ испугѣ онъ схватилъ ея руку: рука была холодна, какъ ледъ; на лицѣ ея не видно было слѣда жизни. «Боже мой ! я убилъ ее!» кричалъ онъ, какъ сумасшедшій, бѣгая по саду и ломая себѣ руки. На крикъ сей оглянулся Биръ. Если бы мертвецы всставали , крикъ сей могъ бы ихъ под-

няшь. Съ силою опчаянія Гуславъ сжалъ его руку и увлекъ за собою къ мѣсту, гдѣ лежала его жертва. — « Попише , попише! » бормоталъ съ негодованіемъ Биръ: »вы изомнете мою находку. Съ тѣхъ поръ, какъ сущесствую, я вижу въ первый разъ насѣкомое изъ рода *Coccinella exclamatiois*. » — »Помогите, ради Бога, помогите! Я убилъ ее! Она умретъ! « раздавались вопли несчастнаго. Тупъ Адамъ очнулся и, догадавшись по виду изступленія своего поварища, что дѣло шло не о пусшыкахъ, спѣшилъ освободиться изъ желѣзныхъ рукъ его и спрятавъ бережно своего найденыша въ камзолъ. Когда же подошелъ къ Луизѣ, то, всплеснувъ жалостно руками и сказавъ только : Гмъ, гмъ ! схватилъ шляпу Гуслава, почерпнулъ ею въ ручьѣ воды, которою и вспрыснулъ лице Луизы; но замѣшивъ, что это средство не помогало, опроремъ побѣжалъ въ домъ, какъ проворный мальчикъ, въ мигъ возвращился, сопровождаемый горничною и

снабженный разными спиртами, шеръ Луизѣ виски, ладони, и успѣлъ привести ее въ чувство.

Она открыла глаза. Первый предметъ, ей представившійся, былъ Густавъ, блѣдный, какъ смерть, дрожащій, какъ преступникъ. »Попросите его, чтобъ онъ удалился!« сказала Луиза едва внятнымъ, умоляющимъ голосомъ, склонившись на плечо Бира; потомъ увидѣвъ, что Густавъ не шогался съ мѣста, прибавила, обратившись ужъ къ нему: »Густавъ! ради Бога, удалитесь.« Здѣсь она опять закрыла глаза руками, и рыданія заглушили ее слова. Онъ обратился на нее помупившіеся взоры, пожалъ руку Биру, и удалился ошь нихъ. Такъ бѣжалъ изъ рая первый преступникъ, гонимый пламеннымъ мечемъ Ангела и греющимъ надъ нимъ приговоромъ Вышняго Судіи. На поворотѣ дорожки въ кусты, Густавъ остановился, еще разъ взглянулъ на Луизу, и исчезъ. — Въ замкѣ ошдалъ онъ письмо

ошь Адольфа къ Баронессѣ первому попавшемуся ему на встрѣчу слугѣ.

»Что это все значить?« шепталъ про себя Адамъ. »Спранно! Адольфъ? Густавъ? Да, да, помню шеперь; онъ проговаривалъ мнѣ однажды, что онъ не Адольфъ. Я пропустилъ это мимо ушей: проклятое разсѣяніе! Впрочемъ, какъ знашь, что перемена имени могла имѣть такія горестныя послѣдствія? Да, опять, развѣ зящъ Адольфъ пріятнѣе для Баронессы зящя Густава? Не лучше ли отдашь дочь свою за Густава, котораго дочь любишь, нежели за Адольфа, котораго она забыла даже въ лице? Гмъ, гмъ! не все равно для Баронессы!... Торговое, проклятое обязательство! Нужда въ деньгахъ... шщеславіе!« Такъ разсуждая самъ съ собою, Биръ велъ съ помощію горничной, или лучше сказать, несъ домой несчастную свою воспитанницу. Дѣвица Горнгаузенъ, встрѣпивъ печальную процессію, сначала перепугалась; но сообразивъ состояніе,

въ коемъ находилась Луиза, со внезапнымъ опъездомъ Траушфешшера, успокоила себя мыслию, что между ними начинается истинная любовь, на прешспвiяхъ основанная. Я это предвидѣла — шепнула она на ухо Адаму — истинная страсть не существуетъ безъ...» Биръ прервалъ ея рѣчь такимъ сердешнымъ восклицанiемъ, что въ мигъ разсѣялись всѣ романическіе выводы, скопившіеся въ головѣ ея и гошовые осадить Адама. Такъ пробившееся изъ окна пламя вдругъ охвачено искуснымъ ударомъ воды изъ шрубы пожарной. Только-что управился онъ съ огненнымъ явленiемъ изъ перемка, другая вспышка пробилась изъ прехъэшажнаго корпуса домоправительницы, которая запѣла на всегдашній, постоянный шумъ свой: »Что съ вами сдѣлалось, милая, драгоценная, Фрейлейнъ Зегевольдъ?« — Адамъ молчалъ, списнувъ зубами свою досаду. — Не спрашивайте меня, опвѣчала едва внятно Луиза, поведя рукою по

лбу: я хочу думать, что это был сонъ, ужасный сонъ! Мнѣ очень тяжело... голова моя горитъ...

Луизу спѣшили положить въ постель: такъ сдѣлалась она слаба. Спыдъ, что она обращалась съ Густавомъ, какъ съ женихомъ, и что всѣ домашніе это видѣли; любовь къ нему, не смотря на перемѣну обстоятельствъ, и извѣстность, что она не можетъ ему принадлежать: все это сдѣлало вдругъ во всемъ ея составѣ сильное потрясеніе, котораго она не могла перенести. На слѣдующій день она слезла въ постель. Оправили нарочныхъ въ Перновъ за Баронессою и къ Медику Blumenспросу. Приѣхала первая и, прочитавъ письмо отъ Адольфа, оставленное Густавомъ, тотчасъ объяснила себѣ причину болѣзни своей дочери. Еще болѣе разрѣшились догадки Баронессы собственными словами Луизы, вырывавшимися у нея по временамъ въ бреду горячки. Тутъ вся тайна сердца ея обнаружилась. »Густавъ!... Гу-

спавъ!...« говорила она, усшремивъ на какой-то предметъ глаза, исполненныя помъщашельства: »за чѣмъ ты обманывалъ меня? за чѣмъ въ первый день не открылъ своего имени?... Теперь ужъ поздно, поздно!... Я невольница! я продана!... Меня перзаюшь за то, что я тебя любила: почему-жъ не любишь мнѣ жениха?... Какъ я была счастлива!... Спросите его, за чѣмъ онъ споишь передо мною и манишь меня сойдши въ какую-то бездну?... Бѣдный! онъ думаетъ, что мы сходимъ съ холма... онъ взглянулъ еще на меня! Боже! Эшопъ взглядъ жжетъ меня... Пронцай, мой... нѣтъ, не Адольфъ, Густавъ! ужъ, конечно, Густавъ! Онъ хочетъ броситься въ пропасть. Постой... и я за тобою. Вмѣсшъ... вѣчно вмѣсшъ!« Домашніе проливали слезы, слушая эту ужасную исповѣдь сердца доселѣ скромной, спыдливой дѣвушки, кошорая, въ состояніи здраваго разсудка, предпочла бы смерть, чѣмъ

сказахъ при сполькихъ свидѣтеляхъ половину того, что она произнесла въ помѣшательствѣ ума. Казалось, мать ея сама поколебалась этимъ зрѣлищемъ и показала знаки сильнѣйшей горести; но ея ^{3-го} состояніе души ея было мгновенно. Она старалась придти въ себя и успѣдилась своей слабости — такъ называла она дань, копорую заплашила Природѣ. »Прежде, чѣмъ я мать, я Зегевольдъ!« — сказала она, показывая въ себѣ духъ Спаршанки. »Скорѣй соглашусь видѣть мою дочь мертвою, чѣмъ опдать ея когда-либо за человѣка, такъ жестоко меня оскорбившаго. Обязанности мои выше вздорной любви, копорая пройдетъ съ бредомъ горячки. Явился Адольфъ, и все забудется. Луиза дочь Баронессы Зегевольдъ: — прикажу, и она, узнавъ свое заблужденіе, опдастъ руку тому, кто одинъ можетъ составить ея счастье. Не такъ ли, Никласзонъ?« — Секретарь, къ ко-
ему обращалась рѣчь сія, съ ужимкою всепокорнѣйшаго слуги, не замедлил со-

гласишься, что все это было и будешь пустячками, что этошь первый пароксизмъ сердечный, хопя и сплень, но прой-дешь, лишь бы Фрейлейнъ Зегевольдъ выздоровѣла, и что сама судьба конечно постарается исполнить благородные, высокіе планы Баронессы. Досаду и гнѣвъ свой она поспѣшила излить на домашнихъ. Слуга, прибѣжавшій первый съ повѣсткою о прїѣздѣ мнпмаго Адольфа, и старый дворецкій, удостоиваемый почешнаго имени кастеляна, столь громгласно возвѣспившій о женихѣ, были сосланы въ ближайшую деревню, въ должности пасхуха и скопника; домо-правительницѣ не позволено было нѣсколько недѣль показываться на глаза своей повелительницы, а дѣвицѣ Горн-гаузенъ сдѣланъ такой выговоръ, что истерика и спазмы принимались мучишь ее въ нѣсколько пріемовъ. На Бира, въ уваженіе его чуднаго, разсѣяннаго характера, шолько-что косились, какъ Наполеонъ на крѣпость Грауденцъ, оставшуюся

невредимою среди всеобщаго завоеванія и разрушенія.

Пріѣхаль докторъ Blumenprossъ. Ошъ искусства его ожидали многого; а онъ возлагаль все свое упованіе на Бога и на силу природы, которой обѣщался помогать по возможности своей. Ожидали съ надеждою и спрахомъ назначеннаго имъ перелома болѣзни. Въ сіи-то часы ожиданія, въ замкѣ и въ хижинахъ поселянь, все было полно любви къ Луизѣ: мысль поперять ее усиливала еще сіи чувствованія. »О *Гуммалъ*, о *Гуммалъ*!* молились въ простотѣ сердца подданные Баронессы: « смилуйся надъ нашею молодою госпожей. Если нужно тебѣ кого нибудь, то возьми лучшее дитя наше ошъ сосца матери, любаго сына ошъ сохи его ошца, но сохрани нашу общую мать.»

---

* О Боже! — *Гуммалъ*, во времена идолопоклонства Лашышей, былъ верховнымъ ихъ божествомъ.

Глава одиннадцатая

В ъ с т и.

*Что день грядущій мнѣ готовитъ?
Его мой взоръ напрасно ловитъ;
Въ глубокой мелѣ таится онъ!*

Пушкинъ.

Что дѣлалось въ это время съ Гуспавомъ? — Когда онъ выѣхалъ изъ Гельмеша, совсѣмъ въ прошивную сторону, куда ему ѣхать надлежало, и когда опустился за нимъ подъемный мостъ, ему представилось, что съ неба упала между нимъ и Луизой вѣчная преграда. Сердце его раздиралось любовью, раскаяніемъ, чувствомъ униженія, мыслию что ша, которая была для него всего дороже на свѣтѣ, почищаетъ его гну-

снымъ обманщикомъ, что онъ оскорбилъ ее и возмутилъ ея жизнь, досель беззаботную и счастливую. Дорого безразсудный плашилъ за нѣсколько дней блаженства. Приѣхавъ на мызу, гдѣ кваршировалъ, съ ужасомъ вошелъ онъ въ свое жилище: ему представилось, что всѣ предметы, его окружавшіе, дико озирали его, что служители смотрѣли на него пасмурно; исполняли его приказанія неохотно. — Все опвращается опъ меня, какъ опъ убійцы! думаль онъ. Спрашно было ему взглянуть въ себя; еще спрашите — обратитесь въ прошедшее.

Черезъ два дня слуга вручилъ ему письмо опъ Баронессы Зегевольдъ. Не успѣлъ онъ еще распечатать его, ужъ сердце опгадало его содержаніе. Вотъ что писали къ нему:

»Милоспивый Государь!

»Вы, конечно, почли домъ мой домою зрѣлищъ, гдѣ позволены всякаго рода превращенія и терпимы оборотни: долгомъ почишаю вывести васъ изъ за-

блужденія, съ тѣмъ, чтобы просить васъ покорно въ него никогда не заглядывать, даже безъ личины и подъ настоящимъ именемъ. Оспаюсъ» и проч.

Гуспавъ, скрѣпивъ сердце, отвѣчалъ со всѣмъ уваженіемъ, должнымъ мапери Луизы, что онъ хотя чувствуешь себя виноватымъ, но не заслуживаетъ оскорбительныхъ выраженій, которыми его осыпали; что онъ обстоятельствомъ и любовью вовлеченъ былъ въ обманъ, и что если любить добродѣтель въ образѣ ея дочери есть пресупленіе, то онъ почитаетъ себя величайшимъ преступникомъ. Онъ просилъ, по крайней мѣрѣ, не полагать въ немъ тѣхъ низкихъ чувствованій, коихъ онъ не имѣлъ, и присовокуплялъ, что молишь Бога доставить ему случай доказать мапери Луизы, хотя бы цѣною его жизни, всю безпредѣльность его уваженія и преданности къ ея фамиліи.

Черезъ нѣсколько дней принесли къ нему письмо отъ Фюренгофа. »Отъ

дяди? — подумалъ Густавъ, разрывая печать: — не даромъ начинаешь со мною родственныя сношенія тошъ, который навсегда-было прервалъ всѣ связи съ сыномъ сестры, ненавистной ему.» Содержание сего письма было слѣдующее:

»Государь мой!

Мы давно другъ другу чужіе: сынъ Эрнестины былъ мнѣ всегда таковъ. Въ противномъ случаѣ, я сказалъ бы, какъ племяннику, что вы гнуснымъ поспуномъ своимъ ввергли благородное семейство въ горестное состояніе, опниали у матери дочь, у брата вашего жену и у дяди лучшія его надежды. Теперь не наше дѣло вамъ объ этомъ говорить. Оставимъ карать васъ Божьему суду и совѣсти вашей, если вы не совсѣмъ ее пошеряли. Другое важнѣйшее дѣло по-нуждаешь меня писать къ вамъ. Мать ваша заграбила у меня въ 1685 году при гака земли, смѣжныхъ съ...»

При чтеніи сихъ спрокъ глаза Гу-става встрѣпили ниже слова: *нищая...*

сумасбродная... процессъ... судъ. Далѣе онъ не могъ чинать. »Скажи, вскричалъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, обращаясь къ служившему своего дяди — скажи пославшему тебя, что если-бъ онъ не былъ братомъ моей матери... Нѣтъ, лучше не говори ему этого. Опвѣсть мой: пусть владѣешь онъ теми гаками, которые считаешь своими; все бумаги, присланныя имъ для утвержденія его правъ на сей клочокъ земли, будутъ скрѣплены мною. Спроси, не оспалось ли чего изъ имѣнія Траупфешпера, чтобы я могъ уступить ему: все отдамъ безъ суда, которымъ онъ грозитъ мнѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ скажи ему, чтобы онъ берегся перевести прахъ моей матери. Въ противномъ случаѣ сынъ оскорбленной Эрнестины можетъ забыть, что оскорбитель — дядя.« Выговоря это, Густавъ изорвалъ въ клочки письмо и присовокупилъ посланному: »Спунай! другаго опвѣща не будешь.«

Судьба, какъ бы нарочно, устроила лепшую почву для нанесенія Густаву жестокихъ ударовъ, одного за другимъ; ибо не успѣлъ онъ еще образумиться опъ дядиной цидулки, какъ вручили ему письмо изъ арміи, именно опъ Адольфа. »Получивъ швое посланье*, любезный бранъ и другъ — писалъ онъ къ нему — я опъ всего сердца посмѣялся ошибкѣ, доставившей тебѣ особенно ласковый пріемъ опъ моей невѣсмы и домочадцевъ Гельмешскихъ. Пробилъ я закладъ, но все паки съ честью для себя. Каковъ же швой двоюродный бранецъ! Не только собственною персоной, онъ даже именемъ своимъ окывываетъ сердца прелесныхъ и шворишь любовныя чудеса! Въ Польшѣ лично веду апшаки и побѣждаю; а въ Лифляндіи хлопчешъ за меня услужливый Сози мой. Вивашъ Адольфъ Траушфештеръ! Жаль, что на время эшихъ

---

* Письма эшого мы не могли опыскашъ въ фамильныхъ бумагахъ Траушфештера.

проказъ я не на швоемъ мѣспѣ, а ты не на моемъ: я провель бы тогда подкопъ, и, чоршъ меня возьми, если-бъ я не взорваль на воздухъ всѣ обязашельства расчесливыхъ маменекъ и дядюшекъ! Но ты... съ швоимъ холоднымъ, нерѣшишельнымъ характеромъ, ты разомъ спрусишь и опкроешься. Ты пишешь, что Луиза прелестна. Вѣрю, пошому что она и одиннадцати лѣшъ была премиленькая дѣвочка. И шеперь еще, какъ два фонарика, свѣпяшся передо мною ея глазки, преумильно поглядываешь на меня и дядюшкино чищенное золотцо, кошорому надѣюсь, со временемъ, еще лучше прошереть глаза. Но всѣ эти прелести ничшо передъ милою, дивномилою Пблечкою. Имени ея не скажу; оно завѣшное. Ахъ, любезный Гуспавъ! я влюбленъ, и влюбленъ не на шупку. Если-бъ ты видѣль ножку ея?... Ну, право, шри шакихъ уляжущя въ одномъ башмакѣ нашихъ Лифляндскихъ спряпухъ и экономокъ: опъ

одной ножки можно съ ума сойдти; суди же обо всемъ прочемъ! Ты смѣешься постоянству моей новой любви, Тома невѣрный? Божусь тебѣ, я спрахъ перемѣнился въ два мѣсяца; ты меня не узнаешь теперь. Спрасъ моя такъ сильна, такъ искренна, что я почишаю ее предвѣстіемъ ужаснаго кризиса въ моей жизни: или я *долженъ* буду скоро ѣхать въ Лифляндію, куда меня выпишутъ, чтобы женишь на твоей Луизѣ и дядюшкиномъ милліонѣ (здѣсь ужъ объ эшомъ хлопотала папріотка); или меня убьютъ въ первомъ сраженіи. Не передъ добромъ мое постоянство — разумью въ любви; ибо тебѣ хорошо извѣстно, что дружба и честь никогда не знавали меня въпреникомъ. Опшиши мнѣ поскорѣе объ успѣхѣ твоихъ дальнѣйшихъ посѣщеній: берегись слишкомъ скоро опсступишь опъ профеевъ, дарованныхъ тебѣ волшебнымъ, все побѣждающимъ имячкомъ Адольфа; помни, что ты не Августъ и передъ тобой

нѣшь Карла XII. Вѣрь, что ты имѣешь во мнѣ самага терпѣливаго соперника. — Ксташи обрадуй патріотку прилагаемымъ у сего письмомъ къ ней опъ Пипера, Министра Его Величества, Короля Шведскаго. Посылая это письмо, чувствую, что у меня сердце не на мѣстѣ: не заключается ли ужь въ немъ обѣщанія выслать меня въ бѣдный Шлиппенбаховъ корпусъ? Предчувствую, что мнѣ шеперь не удастся подмѣнить себя двоюроднымъ брашцемъ, какъ я сдѣлалъ это при опправленіи себя въ Лифляндію. Надобно признахься тебѣ, во всемъ этомъ я виноватъ; а какъ я это смастерилъ, при случаѣ тебѣ расскажу. И безъ того мое письмо длинно, какъ носъ швоего нынѣшняго начальника послѣ новаго года.

Твой брашъ и другъ

Адольфъ Т.

Немедленно послалъ Гуславъ письмо Пипера по адресу, приказавъ своему

слугѣ поосторожнѣе развѣдашь, что дѣлалось въ замкѣ. Письмо приняли; но какъ всѣмъ жителямъ Гельмеша приказано было молчать на счетъ семейныхъ дѣлъ Баронессы, то посланный могъ узнать только, что *Фрейлейнъ нездорова*. Эта вѣсть еще болѣе расправила сердечную рану Густава. На слѣдующій день, только-что начало свѣтать, онъ вскочилъ съ постели, спѣшилъ одѣться и выдши изъ деревни съ швердымъ намѣреніемъ, во что бы ни стало, приблизиться къ замку и узнать, отъ кого бы то ни было, о состояніи больной. Углубленный въ задумчивость, попунивъ глаза въ землю, шелъ онъ по дорогѣ въ Гельмешъ. Сельскія дѣвки, гнавшія скотину въ поле, съ боязнію глядѣли на угрюмаго Шведа и старались подалѣе обойдши его. Крестьянинъ, ѣхавшій съ своею сохою на пашню, распѣвалъ въ добрый часъ — что очень рѣдко случается у Лапышей — веселую пѣсенку:

У кого шакая милочка,
Какъ у брашца моего ?
Сука моешь у него посуду ;
Козы полюшь огородъ.

Но примѣшивъ синій мундиръ, спалъ въ шупикъ, и проворчавъ Гуспаву свое обычное : *терре оликустѣ** ! спѣшилъ обогнашь военнаго постояльца, кошорый не только не кивнулъ ему, но, казалось, такъ ужасно на него посмошрѣлъ, какъ бы хотѣлъ его съѣсть. Гуспаву было не до привѣта людей, чуждыхъ ему : одна въ мѣрѣ занимала его мысли и сердце. Онъ прошелъ уже болѣе половинны пужи до Гельмеша, какъ вдругъ кто-то назвалъ его по имени. — Куда такъ рано, господниъ Оберспѣ-Вахпмейстеръ ? сказалъ ѣхавшій верхомъ на встрѣчу ему, снявъ униженно шляпу и пріоспановивъ бойкаго рыжаго конька. Гуспавъ приподнялъ голову, и увидѣлъ передъ собой шого самаго служителя Баронес-

---

* Доброе утро !

сина, которъй въ первое его посѣщеніе замка вызвался держашь его лошады и коего умѣль нѣ опличишь опъ другихъ дворовыхъ людей, замѣшивъ въ немъ необыкновенное къ себѣ усердіе. Несчастный обрадовался неожиданной встрѣчѣ, какъ упоающій спасительному дереву, мимо его плывущему.

— Ахъ! это ты, Фрицъ? сказала Гусавъ: прекрасное упрое выманило меня прогуляшья, и я нечаянно очутился на этой дорогѣ. Накройся, спарикъ! на дворѣ еще свѣженько.

Фрицъ съ нѣкоторымъ принужденіемъ надѣлъ шляпу, лукаво посмогрѣлъ на молодого офицера, слѣзъ съ лошади и при молвилъ: — Видно, я объѣзжалъ своего коня, а вы своего, господинъ Оберспъ-Вахпмейсперъ! Иной подумаешь, что я къ вашей милоспи, а вы къ моей. (Тутъ конюхъ спяжело вздохнулъ.) Куда-жъ прикажете мнѣ за вами слѣдовать? Между бездѣльемъ, я хошѣлъ сказащъ вамъ и дѣло.

— А какое бы? спросилъ Гусшавъ съ видомъ неперпѣнія и, между тѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, невольно заставилъ Фрица слѣдовать за собой по дорогѣ къ замку.

— Вошь изволише видѣть, во первыхъ, вы командуете эскадрономъ драгунъ?

— Такъ.

— Вовпорыхъ, говорятъ, вашъ коноваль отправился на тошъ свѣшъ лечить лошадей. Покуда сыщется другой (Фрицъ снялъ опять шляпу, почесалъ себѣ пальцемъ по шеѣ и униженно поклонился), ге, ге, вашъ преданнѣйшій и всеусерднѣйшій слуга, великій конюшій Двора Ея Свѣшлости, Баронессы Зегевольдъ, осмѣливается предложить вамъ... ге, ге...

— Свои услуги, не такъ ли?

— Малую-толику, господинъ Оберстъ-Вахшмейстеръ! За меня поручишься вся округа, что я залечиваю менѣе чепве-

роногихъ, нежели иной свою брашью двуногую.

— Вѣрю, вѣрю, и охотно принимаю тебя въ свою команду врачомъ, и нынѣ же готовъ велѣшь показать тебѣ всѣхъ чепвероногихъ паціентовъ; но Баронесса...

— Понимаю: будете гнѣваться, думаете вы, что я посѣщаю вашу квартиру и, можете быть, выношу соръ изъ ея палаты?

— Справедливо.

— Не безпокойтесь! Я не дворовая собака, которую она вольна держать на привязи: служу свободно, пока меня кормятъ и ласкаютъ; не такъ, при первомъ толчкѣ ногой, могу показать и хвостъ, то есть, хочу сказать, что я не крѣпостной слуга Баронессинь. Ктому-жъ, занимаясь къ ней въ кучера и коновалы, я условился съ ея милостію, чтобы мнѣ позволено было заниматья пракпикою въ окрестности Гельмеша. Надѣюсь, вы мнѣ

дадите хлѣбець и по другимъ эскадронамъ. Въ плашѣ-жь за пруды. . .

— Конечно, не будешь обиженъ. Съ этого часа ты нашъ.

— Вашъ и тѣломъ и душой.

— И совѣстью коновальской, не правда ли?

— Для васъ не помучу ее; но когда-бъ пришлось имѣть дѣло, на примѣръ, съ вашимъ дядюшкой, не счелъ бы за грѣхъ обмануть его.

— Почему-жь нравишься тебѣ племянникъ болѣе дяди?

— Объ этомъ скажу вамъ послѣ, когда созрѣешь яблочко, посаженное сѣмечкомъ въ доброй землѣ.

— Припѣвомъ эшимъ не ты одинъ прельщаешь. Мнѣ кажется, что ты сказочникъ.

— Мои сказки, не такъ, какъ у иныхъ, длятся тысячу и одну ночь — того и смотри, какъ сонъ въ руку. Нѣтъ, я скорѣй оптадчикъ. Давно извѣстно, что мельникъ и коноваль ученики нечислаго.

Вошь, на примѣръ, съ позволенія вашего молвишь, господинь Оберсптъ-Вахшмейстерь, я знаю, за чѣмъ вы идете по этой дорогѣ со мною.

— А за чѣмъ бы?

— Вамъ хотѣлось бы узнать ошъ вѣрнаго человѣчка, что дѣлается съ шою, ге, ге, которуки вы любите.

— Кого я люблю? Кто далъ тебѣ право судить о моихъ чувствованіяхъ?

— Желаніе вамъ добра. Коли вы обижаетесь слышать шо, о чемъ вы хотѣли бы меня спросить и за чѣмъ вы шли по этой дорогѣ, такъ я буду молчать. А я-было спросу думалъ подарить васъ еще въ прибавокъ шѣмъ, въ чемъ вы нуждается — именно ушѣшеньицемъ и надеждою. Извините меня, господинь Оберсптъ-Вахшмейстерь! (Здѣсь Фриць поклонился.)

— Ушѣшеньемъ? говори-жь скорѣе, духъ испушилъ! что дѣлаетъ Луиза?

— Попише, попише, господинь! Такія вещи не получаютъ даромъ.

— Требууй все, что имѣю.

— Все не заплашите мнѣ шѣмъ, чѣмъ разумѣете. Когда я дарю васъ вещьми, которыхъ у васъ нѣтъ, слѣдственно я покуда богаче васъ. Конюхъ Баронессы Зегевольдъ чудакъ: его не расшевелишь даже милліоны вашего дяди; золото кажешся ему щепками, когда оно не въ пользу ближняго. Фрицъ съ козелъ смотришь иногда не только глазами, но и сердцемъ, выше иныхъ господъ, которые сидяшь на первыхъ мѣстахъ въ колымагѣ: — буди не къ вашей чести сказано.

— Чего-жъ ты хочешь опъ меня?

— Бездѣлицы! Помѣняешь со мною обѣщаніями.

— Чшо-жъ долженъ я обѣщать?

— Впервыхъ, молчать, о чемъ я буду сказывать вамъ за тайну нынѣ и впредь; вовшорыхъ, выполнишь при случаѣ, о чемъ я васъ попрошу, и впредѣхъ, все это ушвердишь честнымъ вашимъ словомъ.

Гусавъ подумалъ: о чемъ можешь

просить меня кучеръ Баронессы, чшобъ не было согласно съ моими обязанностями, съ моими собственными желаніями? — подумаль, посовѣшовався съ сердцемъ и сказала: — Честное слово Густава Траушфешпера, что я выполню прѣбванія твои. Говори-жь, ради Создателя, что дѣлаешь Луиза?

— Что она дѣлаешь? Съ шѣхъ поръ, какъ вы скрылись изъ замка, она слегла. . .

— Боже мой!

— Не пугайшесь и помните о томъ, что я вамъ обѣщаль. Она слегла въ постель. Не скрою отъ васъ, она больна, очень больна.

— Несчастный! что я говорю: несчастный? извергъ, я убилъ ее!

— Вчера я видѣль лекаря Блуменшроспа.

— Что-жь онъ говоритъ?

— Когда я спросилъ его: каково нашей молодой госпожѣ? онъ шепнулъ мнѣ: *Богъ милостивъ!* Это слово великое, господинъ! онъ не употребляетъ его

даромъ. После завтра, прибавилъ онъ, переломъ болѣзни, и тогда мы увидимъ, что можно будетъ вернутье сказать. А теперь? спросилъ я его. — Теперь, по мнѣнію моему, есть надежда—опвѣчалъ онъ.

Гуславъ останоуился, спалъ на колѣна, сложилъ руки и молился: — Боже милосердый, спаси ее! Ни о чемъ другомъ не молю Тебя: спаси ее! Всемогущій Отецъ! сохрани свое лучшее твореніе на землѣ и разбей сосудъ, изъ котораго подана ей оправа.

— Встаньте, господинъ Оберсшъ-Вахшмейшеръ Его Королевскаго Величества! крестьяне, работающіе въ полѣ, сочшупъ васъ помѣшаннымъ — не во гнѣвъ буди вамъ сказано.

— Даю тебѣ право говорить, что хочешь, сказалъ Гуславъ, вставая: точно, я обезумѣлъ.

— Легче ли вамъ теперь?

— Фрицъ, другъ мой, ты воскрешаешь меня.

— Вотъ утѣшенье, которое я обѣщаль

вамъ. Теперь поговоримъ-те объ надеждѣ, копорую я хопѣлъ вамъ наворожипъ. Вонервухъ скажу: опчаяніе величайшее изъ грѣховъ. Я не Паспоръ, а разумъю кое-что. Худо вы сдѣлали; но кто поручипся, чтобы не сдѣлалъ пого-жь другой молодець, на вашемъ мѣспѣ, съ огнемъ вмѣсто крови, какъ у васъ? Кто знаетъ? Бароны и Баронессы расчипывали по своему; а Топъ, Кто выше не только ихъ, но и Короля Шведскаго, копорый щелкаетъ по носамъ другихъ Корольковъ (здѣсь Фриць скинулъ шляпу и поднялъ съ благоговѣніемъ глаза къ небу) Топъ, можешь быть, расчипалъ *иначе*. Еще скажу: дѣло не о прошедшемъ — его воропипъ нельзя — а о будущемъ, копорое можно предугадашь и поправишь.

— Особенно вамъ, коноваламъ-колдунамъ!

— Да и наша милость будешь шупъ спрянашь. Завтра Богъ опкроетъ намъ

свое опредѣленье. Если Опъ окажетъ милости свои, по. . .

— Молю Бога объ одной жизни ея.

— Для меня этого мало: я хочу устроить судьбу вашу.

— Ты? опомнись, Фрицъ!

— Съ помощью добрыхъ людей.

— Вѣроятно, дворецкаго, камердинера и прочей честной компаніи.

— А хопя бы и шакъ? Развѣ вы отка-зались бы опъ сокровища, кошорому цѣны не знаете, если бы помогъ вамъ найдши его бѣдный челядинецъ? Можешъ спашься, на эшопъ разъ усердный холопъ передалъ бы его господину Маіору бѣлоручкѣ, надѣвъ перчашки на свои запачканныя руки, чистившія коней.

— Ты не знаешь меня, Фрицъ! я обнялъ бы этого челядинца, какъ брата, хопя бы онъ былъ чернѣе трубочиста. Но къ чему швоя сказка?

— Къ дѣлу. Дочь Баронессы Зегевольдъ будетъ женою шого Траушфештера, кошораго она любишь, а не шого, за кого

хопяшь ее выдать насильно мать и дрянной старичишка.

— Вспомни, Фриць, что онъ дядя мой.

— Помню, что онъ обманщикъ, шашъ, разбойникъ. (При этихъ словахъ глаза и лице Фрица разгорѣлись; также и Гу-ставъ вспыхнулъ.)

— Ты съ ума сошелъ!

— Нѣтъ, господинъ Оберстъ-Вахшмей-сперъ! я говорю въ полномъ умѣ. Когда-бъ вы знали, что́ эшошь человекъ на-дѣлалъ моему семейству; когда-бъ вы знали, что онъ похищитель вашей соб-ственности!

— Онъ владѣешь тѣмъ, что слѣдовало ему по законамъ.

— По законамъ? по законамъ? (Фриць съ горькою усмѣшкою покачалъ головой.) Развѣ адскимъ! Вы, племянникъ его, ничего не знаете; я, копюхъ Баронессы Зегевольдъ, знаю все и все шакъ вѣрно, какъ свяшь Богъ! У васъ опняшо имѣ-нiе; у васъ опнимають шу, которую

вы любите: то и другое будете ваше съ помощью Вышняго.

— Ты призываешь Бога во свидѣтели?...

— Не грѣшно приывать Его въ дѣль правомъ. Давно естъ у васъ спряпчій, и вы должникъ его. Безъ вѣдома вашего, не желая ошъ васъ награды, спрудился онѣ для васъ.

— Кто такой?

— Онѣ! **В**олѣ не скажу словечка; теперь нѣшъ ему имени. По приказу его поджидалъ я васъ на нашу споронку съ неперпѣниемъ. Вспомните слова мои, когда вы въ первый разъ къ намъ пожаловали и когда я дрожанцею рукой бралъ вашу лошадь за повода.

— Какъ теперь помню, ты сказалъ мнѣ: добро пожаловать, гостъ желанный!

— Такъ точно. Слова эши выговорили не губы мои, а сердце. Я зналъ тогда-жъ, что вы не Адольфъ, а Гуславъ, и молчалъ.

— За чѣмъ же не опкрылъ ты въ замкъ моего имени?

— Такъ приказаль мнѣ *онѣ*.

— Спранно, чудесно, невѣрояшно!

— Скажу вамъ яснѣе; вы меня знавали; я держаль васъ маленькихъ на колѣнахъ; вы знавали *его*. Если вы разгадаете *его* имя, не сказывайте мнѣ: я объ этомъ васъ прошу въ слѣдствіе нашего уговора. По тому-жъ условію, пребуду опъ васъ: въ случаѣ, если-бъ *онѣ*, благодѣтель вашъ, вашъ спряпчій, попалъ въ несчастье, и если-бъ вы, узнавъ *его*, могли спасти...

— Право смѣшно; однако-жъ даю слово выручитьъ при случаѣ изъ бѣды моего названнаго благодѣтеля.

— Чшобы въ дѣлахъ нашихъ было побольше чудесностей, скажу вамъ еще, что вы не иначе получите опнятое у васъ имѣнье и вашу Луизу, какъ посредствомъ Чухонской дѣвки и Русскихъ, и по не прежде, какъ всѣ они побывающъ въ Рингенѣ.

— Чшо за вздоръ ты городишь? Чухонскія дѣвки! Русскіе! Рингенъ! Далека пѣсня!... Только этой присказки недоставало

въ швоей сказкѣ. А я, глупецъ, развѣсилъ уши и слушаю швои выдумки, будто дѣло! По крайней мѣрѣ благодаренъ тебѣ за ушѣшеніе.

— Помяните мои слова... но вопшъ, мы чущь не напкнулись на Гельменъ. Могушъ насъ замѣшишь, пересказашь Баронессъ, и тогда поклонъ всѣмъ надеждамъ! Прощайте, господинъ Оберспъ-Вахшмейсперъ! помните, что вамъ назначено сокровище, которое шеперь скрывается за этой зеленою занавѣсью... видите ли открытое угольное окошко? на немъ спокшъ горшокъ съ розами... видите?—это спальня вашей Луизы.

— Моей!.. Боже мой! въ какомъ она шеперь состояніи?.. Я положилъ это прекрасное швореніе на смершнй одръ, сколошилъ ей усердно, своими руками, гробъ; и я же, безумшнй, могу говорить объ ушѣшеніи, могу надѣяшсь, какъ человекъ правдивый, благородный, достшойный лучшей участи, достшойный любви ея! Чѣмъ могъ я купишь эту на-

жду? Развѣ злодѣйскимъ обманомъ! Не новымъ ли дополнишь хочу прекрасное начало? Она умираешь, а я, злодѣй, могу думать о счастьи!... Завтра, сказалъ ты, Фрицъ...

— Завтра переломъ ея болѣзни, говорилъ мнѣ лекаръ.

— Фрицъ, другъ мой! объ одной услугѣ молю тебя.

— Приказывайше.

Могу ли завтра?... Назначь мѣсто, часъ, гдѣ бы съ побоею видѣться.

— Извольше; я ужь объ этомъ думалъ. Вечеркомъ, когда солнышко будетъ садиться, выйдите изъ своей кварширы. Опъ Гельмешской кирки поверните вправо, къ погоспу: чай, вы покойниковъ не боитесь?—Пройдя мимо ихъ келій, спускайте цѣликомъ къ старому вязу, что споншь съ шрема соснами, на дорогѣ изъ Гуммельсгофа: шущь естъ камушекъ вмѣсто скамьи; можете на немъ опдохнуть и дожидаться меня. Да чуръ, быть осторожныѣ! Не погубите себя

и меня. Слышите? собаки на дворъ почували васъ; люди начали вездѣ копышиться. Воропитесь скорѣе домой, и уповайте на Бога. Прощайте!

Фрицъ, выговоря это, вспрыгнуль на своего рыжака, и скоро исчезъ изъ глазъ Густава. Неугомонный лай собаки, все сильнѣе возвѣщавшій о приближеніи къ замку незнакомца, заставилъ Густава удалиться поспѣшнѣе, нежели онъ желалъ.

На слѣдующій день, передъ закатомъ солнца, выѣхалъ онъ на Чухонской шѣлежкѣ съ однимъ вѣрнымъ служилемъ изъ своей кварширы, переодѣлся въ крестьянское плашье у Гельмешской кирки, гдѣ оставилъ своего провожатого, нахлобучилъ круглую шляпу на глаза и побрелъ къ назначенному мѣсту, какъ челоуѣкъ, идущій на воровство. Измученный скорою ходьбой и чувствованіями, раздиравшими его душу, онъ остановился у ограды кладбища, чтобы перевести дыханье. Последніе лучи солнца отъвали розовымъ опливомъ бѣлые,

пирамидальные памятники. Ему чудилось, что усопшие въ праздничныхъ саванахъ вышли изъ могилъ на встрѣчу новой своей гостьѣ. »Можешь бышь, въ самую эту минушу, она умираешь!« — подумалъ онъ, и сердце его спѣснилось въ груди. »Мечта разспроеннаго воображенія!« прибавилъ онъ потомъ, стараясь призвать на помощь все присутствіе, разсудка: »Докторъ сказалъ, что есть надежда.«

Медленно, ходомъ черепахи шель онъ, желая, чптобы шѣнь сумрака перегнала его до мѣста назначенія. Не подалеку отъ него, къ досадѣ своей, слышались ему голоса человѣческіе. Проклиная эту помѣху, онъ оспорожно доползъ до можжевеловыхъ кустовъ, шагахъ въ двадцати отъ того мѣста, откуда былъ слышанъ разговоръ, спрямался за кустами такъ, что не могъ бышь примѣченъ съ этой стороны, но самъ имѣлъ возможность высмотрѣшь все, что въ оной происхо-

дило. Подъ такою защипой, онъ увидѣлъ при свѣтѣ восходящаго мѣсяца, что подъ вязомъ, гдѣ назначено ему было дожидаться Фрица, сидѣли двѣ женщины, спинами къ нему, на большомъ дикомъ камнѣ, вросшемъ въ землю и огороженномъ премою молодыми соснами. Родъ пестрыхъ маншій, сшипыхъ изъ лоскушовъ, покрывали ихъ плеча; головы ихъ были обвиты холстиною, опъ коей попорщились по сторонамъ концы, какъ распянутыя крылья лешу-чей мыши; изъ-подъ этой цовязки торчали въ безпорядкѣ клочки сѣдыхъ съ рыжиною волосъ, которые въше-рокъ шевелиль по временамъ. Одна изъ нихъ — можешь бышь, услышавъ шорохъ — оглянулась назадъ. Спрашны были ея кошечьи глаза, прыгавшіе между двумя кровавыми полосами, означавшими мѣста, гдѣ были нѣкогда рѣсницы; желтое лице ея было спянуто, какъ кулакъ; по временамъ спрашно подергивало его. Гусшавъ спѣшилъ отворо-

пились опъ эшого безобразнаго явленія. Грубый голосъ старухъ походилъ на спповашее карканье спараго, больнаго ворона. По видимому, онѣ кого-то поджидали изъ замка, ибо часто просягивали шеи въ ту спорону. Изъ разговора ихъ нѣкоторыя слова долетали до слуха Гуспава. — Долго нейдешь нашъ Марпышка, говорила одна. — Чай, зановѣсничался съ дворовыми ребящами, примолвила другая. — Сорванецъ! негодай! да какого добра ждашь опъ покидыша? Пойдешь, видно, по бапюшкѣ: хорошіе кусочки себѣ, оглодышки другимъ. — Повѣришь ли, мапъ моя, съизмала на деньги не надышешъ: умѣешъ ужъ хоронить ихъ не хуже сороки. Сухари то и дѣло пащипъ беззубой старухѣ, а шелегъ чшобы принеешь, эшого грѣха съ нимъ не бывало. — Запропасился, окаянный! видно, лижешъ сковороды на кухню. До съѣснаго ли шеперь? Умрешъ... такъ получше чшо достапешся... (Здѣсь въшеръ перехватили

слова разговаривавшихъ.) Дура, дура! что тебѣ въ шелковомъ?... Развѣ грѣшнымъ косямъ на покрышу? Намъ съ тобой лоскутъ холста, да чепыре доски: ляжемъ въ нихъ не хуже Королевы или Баронессы. Спапочное ли дѣло беречь для себя? — (Вѣтеръ опять помѣшалъ Густаву слышать нѣкоторыя слова.) Молвятъ, что барышня отъ него-то и слегла въ постель. Выдавалъ онъ себя, невѣсть какъ, за племянника, ну того скупаго хрыча — вѣдашь, Мармышкина опца — чшобъ ему ни пуши, ни дороги, ни дна, ни мѣста! — Знаю, знаю, Фиргофа; провалился бы ему въ преисподнюю! — Племянникъ эшопъ сговоренъ за барышню. Ждали его; пріѣхалъ онъ, а былъ не онъ, Шведскій офицеръ, чернопикжникъ: надѣлъ на себя харию жениха, и давай отводишь глаза у невѣсты и у всѣхъ холоповъ. Барышнѣ показался онъ такимъ пригожимъ, добрымъ, ласковымъ, ну такъ, что она сердечная умц-

рала по пемь. Разъ хопѣла она поцѣловать его; а у него и выспавься изъ шупея два рожка. Съ того дескашь часу бѣдняжкѣ попришчилось, не въ нашу мѣру буди сказано. Молодешенька была душа моя, пригожа на подобіе цвѣпка макова, разумна, какъ скворушка. Подкосилъ цвѣшь злой косецъ, запряпаль ловець ппашку въ клѣшку вѣчную. — Дай Богъ ей Царство небесное, а намъ что-нибудь на поминъ ея души!

Можно судишь, что чувствовалъ Гуспавъ во время этого разговора: кровь начинала оспанавливаться въ жилахъ; дыханіе захвапывало въ груди. Онъ хопѣлъ вспашъ и разогнашь эту адскую бесѣду; но послышавъ шопопъ бѣгущаго мальчика, рѣшилъ еще оспашься на прежнемъ мѣстѣ.

— Вошь и Марпышка бѣжишь! сказала одна спаруха, привспавъ съ камня. Какія-то вѣсти несешь намъ поспрѣль? Бѣжишь что-то весело. — Видно, ош-

дала Богу душку! отвѣчала другая со вздохомъ.

Посланникъ ихъ, мальчикъ, по видимому лѣтъ четырнадцать, не снѣшилъ удовольствоваться желаніемъ ожидавшихъ его, и медленно приближаясь къ нимъ, казалось, старался ихъ поддразнить: по кривлялся, какъ фигляръ, по маршировалъ, какъ солдатъ, по скакалъ на одной ногѣ влѣво и вправо. — Говори, бѣсенокъ! закричала одна изъ старухъ, замахнувшись на него копылемъ: не по, пришибу тебя эпою указкой. Жива чпо ли еще, аль умерла? — Мальчикъ, поравнявшись почти со старухами, началъ качать головою и припѣвалъ жалобнымъ голосомъ: *»Упокой душу рабы твоея! упокой душу...«* Густавъ болѣе ничего не слышалъ; все кругомъ его завершилось. Онъ силился закричать, но голосъ замеръ на холодныхъ его губахъ; онъ привспалъ, хопѣлъ идши — ноги подкосились; онъ упалъ — и поползъ на чепверенькахъ, жадно цѣпи-

ляясь за шраву и захватывая горспями землю. Старухи и мальчикъ, увидѣвъ въ сумракѣ что-то двигавшееся, отъ страха почли его за привидѣнье или звѣря, и, что было мочи, побѣжали въ прошивную отъ замка сторону. Опчаянье придало Гусшаву силы: онъ привсталъ и, шашаясь, самъ не зная, что дѣлаешь, побрель прямо въ замокъ. На дворѣ все было тихо. Онъ прошелъ его, взошелъ на первую и вторую ступень терассы, съ трудомъ посшавилъ ногу на шрешыю — здѣсь силы совершенно оставили его, и онъ покапился внизъ.

Ни одного жшваго существа не было въ этой сторонѣ, да и въ домѣ все было тихо, какъ бы всѣ обшпатели его спали мершвымъ сномъ. Вскорѣ началось тихое движенье. Служштели шепотомъ передавали одинъ другому вѣспь, по видимому пріятную; улыбка показала на всѣхъ лицахъ, досель мрачныхъ: шные плакали, но видно было, что слезы ихъ лились отъ радости. Наконецъ

Фрицъ пошихоньку отворилъ дверь на терассу и началъ сходить съ нея. Свѣтъ изъ оконъ нижняго этажа освѣщаль ему путь. Озирался изъ предосторожности, онъ увидѣлъ человѣка, распростертаго на землѣ и головою поникнувшего на послѣднюю ступень. Кровь струилась по его лицу. Добрый конюшій, спѣшившій съ радостною вѣстью къ мѣсту свиданія, какою горестію пораженъ былъ, узнавъ въ несчастномъ Густава! Онъ оцупалъ пульсъ его; пульсъ едва бился. Звать людей на помощь было невозможно; открылся медику — опасно. Наконецъ блеснула въ головѣ его мысль о добротѣ души Библиотекаря. Къ утѣшенію его, въ первой комнатѣ нижняго этажа встрѣпилъ онъ Адама, который прохаживался по ней мѣрными шагами, углубленъ будучи въ размышленія о суетахъ мірскихъ. Фрицъ схватилъ его за руку. Адамъ оглянулся. »Человѣкъ погибаетъ!« быстро произнесъ конюхъ: »спасите его.« — »Куда?

что надобно?» воскликнулъ Бирь. — »Тише! Ешь ли съ вами ланцетъ и бинты?» — »Ты знаешь, что они всегда при мнѣ.« — »Идемъ!« сказалъ Фрицъ, досталъ гдѣ-то фонарь — и увлекъ за собою Бира на то мѣсто, гдѣ лежалъ Гусавъ. »Видите ли этого челоуѣка? Помогите мнѣ всащипъ его на плеча ко мнѣ: хорошо, такъ; спупайте за мной; придерживайте его дорогою, чтобы онъ не свалился.« Такъ распоряжалъ Фрицъ, и покорный ему Библиотекаръ съ особеннымъ усердіемъ выполнялъ его волю. Въ полѣ, при свѣтѣ фонаря, послѣдній пустилъ спрадальцу кровь. Бирь узналъ Густава, и какъ скоро эшоу началъ приходиться въ себя, онъ удалился, попушивъ фонарь.

Гусавъ открылъ глаза, отмановилъ ихъ на Фрицъ, посмошрѣлъ кругомъ себя, и не могъ придумашъ, гдѣ онъ находился. — Не во время вздумали умирашъ! сказалъ добрый конюхъ, стараясь по немногу ободрить больного: я несъ

вамъ пріятныя вѣсти, а вы хотѣли сами прислушаніемъ взять ихъ. — »Пріятныя вѣсти?« спросилъ Густавъ, приподнимаясь на одну руку, не понимая, по чему другая не повиновалась. »Ахъ! я слышала такія ужасныя, не понимаю гдѣ, во снѣ, или на яву. Ради Бога, говори! — Попише, повпоряю вамъ, попише. Видите ли кровь? я принужденъ былъ пустить вамъ се. Теперь вы въ моей командѣ, волею или неволею, прошу не прогибаться. Спокойны ли вы? — Да; я спокоенъ! — Теперь могу передать вамъ радостную вѣсть: Фрейлейцъ Зегевольдъ будешь жива; переломъ болѣзни миновался, и лекаръ опвѣчаетъ за ея выздоровленіе. — Правда ли? Не стараешься ли меня утѣшить обманомъ? — Вѣрьте не мнѣ, Богу. — Опецъ Милосердый!« воскликнулъ Густавъ, поднявъ къ небу глаза, полныя слезь: »благость Твоя неизрѣчна: Ты хранишь невинность и милуешь преступленіе.« Онъ схватилъ рубу благодѣтельнаго конюха, и, сколько силъ у него

доспавало, сжалъ ее въ своей рукѣ; пошомъ съ опдыхами разсказаль, что съ нимъ случилось въ эпошѣ ужасный для него вечеръ. — Старыя колдуньи! вскричалъ въ ужасной досадѣ Фрицъ, выслушавъ разсказъ своего паціента: я опучу ихъ собираюсь на поминки къ живымъ людямъ. А эпошъ бѣсенокъ изъ одного сапанинскаго съ ними гнѣзда напляшешся до сыпа подь мои цымбалы! Однако-жъ, пока имъ доспанешся опъ меня, надобно подумашь, какъ допащипь васъ до кирки. — Видно радости не убиваюшь: сказаль Гуспавъ: я чувствую себя лучше и гошовъ слѣдовать за шобою.

Благополучно, хопя не безъ шруда, добрели они до кирки, гдѣ дожидался слуга, начинавшій уже безноконшься, что господинъ его замъшкался. Здѣсь почерпнули изъ родника воды въ согнутое поле шляпы и дали выпить Гуспаву, ослабѣвшему опъ ходьбы. Прощаясь съ Фрицомъ, онъ обнялъ его и просилъ докончить свое благодѣяніе, давая ему знашь

о помъ, что дѣлается въ замкѣ. Фрицъ общалъ, и сдержалъ свое слово.

Послѣ сего происшествія, не рѣдко прилепалъ онъ на любимомъ рыжакѣ своемъ въ Оверлакѣ, и каждый разъ привозилъ съ собою болѣе и болѣе утѣшительныя вѣсти: — Фрейлейнъ Зегевольдъ лучше; Фрейлейнъ Зегевольдъ сидитъ на креслахъ, — ходитъ по комнатамъ — порядочно кушать начинаешь, и такъ далѣе, согласно съ успѣхами ея здоровья. Наконецъ вѣстникъ уведомилъ Густава, что, кромѣ блѣдности, замѣнившей на лицѣ ея прежній румянецъ, и грусти, въ ней прежде незамѣнной, никакихъ слѣдовъ ошъ болѣзни ея не оставалось. Мысль, что Луиза здорова, успокоивала Густава, и хотя она подавляема была перѣдко другою горестною мыслью о безнадежности любви своей, но вскорѣ прибрѣтала вновь свое прежнее утѣшительное вліяніе. »Она забудетъ меня!« думалъ Траушфешперъ: »но по крайней мѣрѣ будетъ счастлива, сдѣлавъ счастье Адольфа.« Съ

другой спороны добрый, но не менѣ лукавый Фрицъ, привозя ему извѣстія изъ замка и прикрѣпляя каждый день новое кольцо въ цѣпи его надежды, сдѣлался необходимымъ его собесѣдникомъ и утѣшителемъ; пользуясь не рѣдкими посѣщеніями своими, узнавалъ о числѣ и состояніи Шведскихъ войскъ, расположенныхъ по разнымъ окружнымъ деревнямъ и замкамъ; познакомившись со многими офицерами, забавлялъ ихъ своими проказами, рассказывалъ имъ были и небылицы, лечилъ лошадей, и между тѣмъ дѣлалъ свое дѣло. Такъ прошелъ съ небольшимъ мѣсяць. Однажды — это было въ первыхъ числахъ Іюля — Фрицъ увѣдомилъ Гусшава, что онъ отправляется въ Маріенбургъ за Пасторомъ Гликомъ и воспитанницей его, дѣвицею Рабе, лучшею пріятельницей Луизы. Онъ прибавлялъ, что скоро наступитъ день рожденія послѣдней, что ко дню сему дѣлаются большія приготовленія въ замкѣ, и что со всѣхъ концовъ Лифляндіи должны съѣхаться въ

оний сѣшпи гостей, Бароновъ, военныхъ, Профессоровъ, судей, купцовъ и студеновъ; а можешъ бышь, и тысячи ихъ соберешся, прибавлялъ онъ съ коварною усмѣшкой. — Я одинъ не буду шамъ« сказаль вздохнувъ Гуспавъ, и между шѣмъ, просиль Фрица исполнишь къ шому времени единственное, ничего незначущее порученіе.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОШИБКИ

въ 1-й части:

<i>Спр., Спрок. Напечатано:</i>		<i>Поправлено:</i>	
26	2	ошкрываешся	ошрывается
95	8	годами съ ли- цемъ	годами, съ лицомъ
128	7	добрый	бодрый
138	17-18	погорячшсяи	погорячишся
144	14	хотѣла бы	а хотѣла бы
147	2-3	съ спономъ	со спономъ
152	1	ни крѣико	меня крѣико
168	15-14	и мершвеца съ эшимъ име- немъ не собе- рушь ошаш- ки	и ошашки мершвеца съ эшимъ именемъ никшо не соберешъ
186	23	ludum	ledum
211	8	Филлинской	Феллинской
217	1	по изъ края	изъ края
232	6	желавль	желаль
257	12	въ повѣшво- ваніе	въ повѣшвованіи
270	14	придсшашъ	предсшашъ
281	21	ошвѣчал	ошвѣчалъ
317	2	Все не	Вы не
325	10	Волѣ	Болѣ